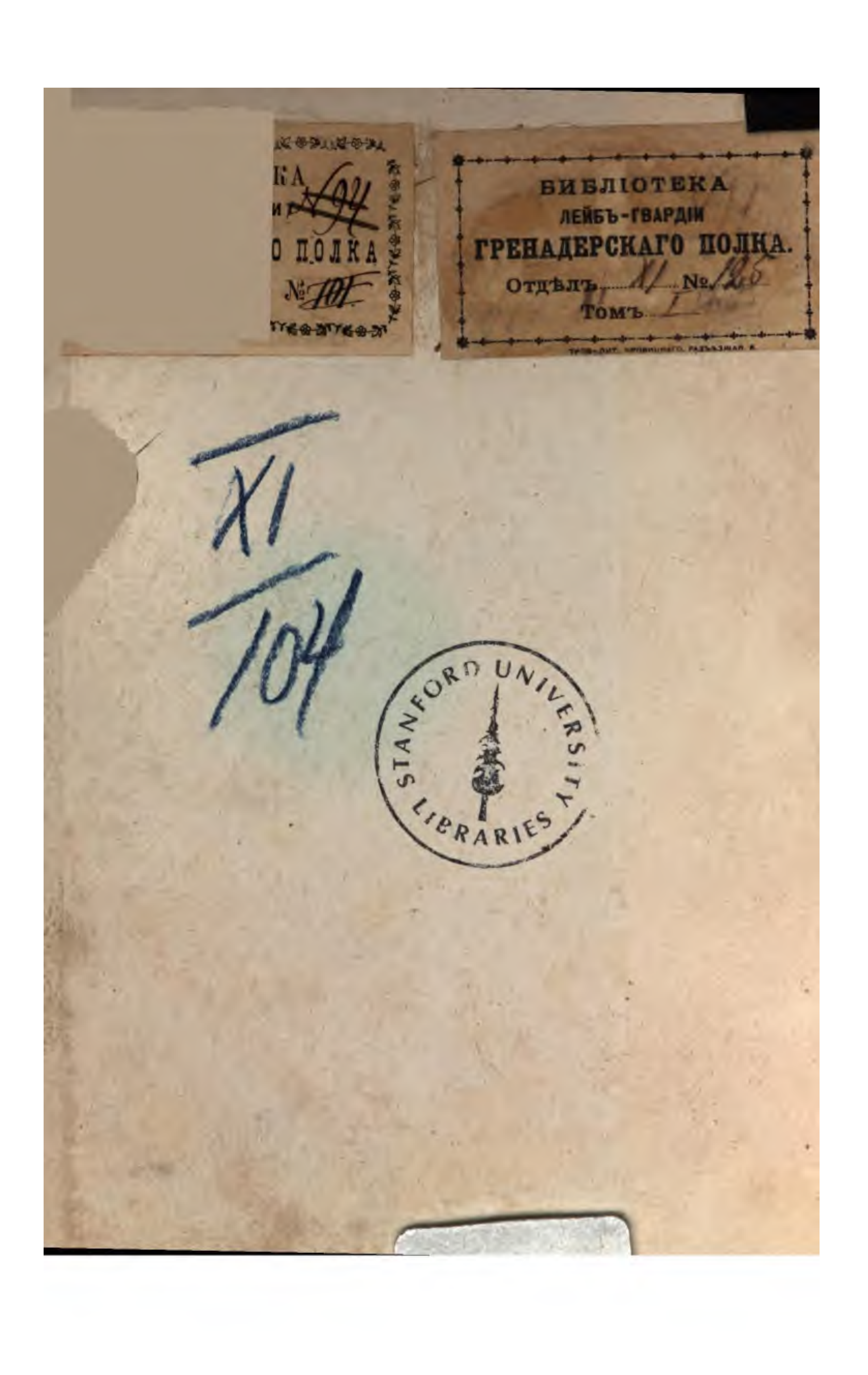
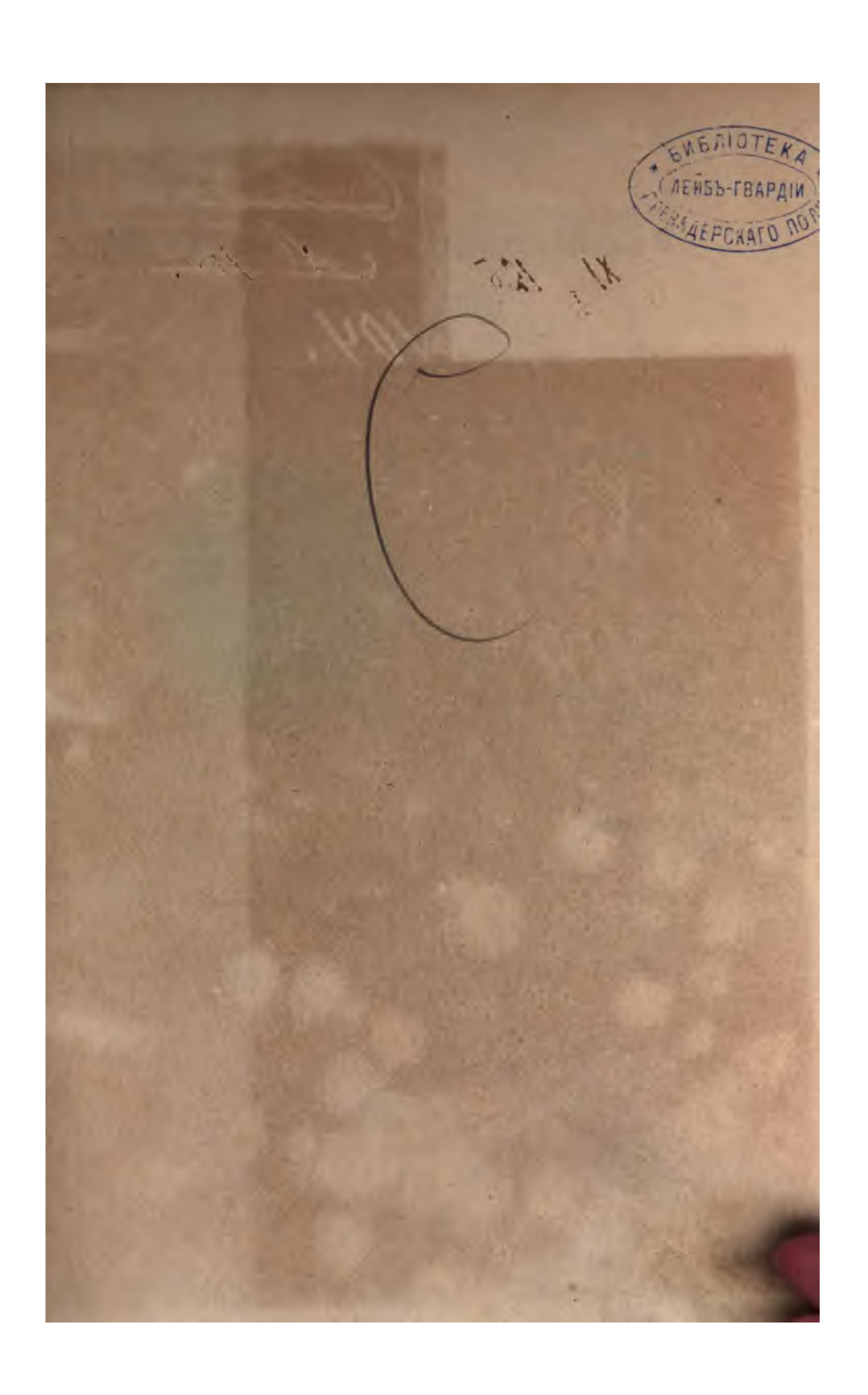

РУССКІЯ

О ПОЛКА
БИБЛІОТЕКА
ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ
ГРЕНАДЕРСКАГО ПОЛКА.
Отдѣлъ XI №
Томъ
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

БИБЛIОТЕКА
ЛЕЙБЪ-ГВАРДIИ
ГРЕНАДЕРСКАГО ПО
IX

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВЫПУСКИ 1—10.

съ 15-ю рисунками.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКОВЪ:

—

При выпускахъ рисунки: Видъ Сухаревой башни.—Портретъ Графа Я. В. Брюса.—Видъ Каменнаго моста.—Портретъ Ф. Я. Лефорта.—Портретъ Стефана Яворскаго.—Портретъ Арсенія Мацѣевича. —Видъ Ивановскаго монастыря. —Портретъ монахини Досиѳеи. —Портретъ Царицы Евдокіи Θеодоровны.—Два вида Покровскаго монастыря.—Видъ Воскресенскихъ воротъ.—Чертежъ XVII вѣка, части Красной площади. — Видъ церкви села Спасскаго. — Видъ древняго дома мѣщанина Коробова въ Калугѣ.

МОСКВА.
Въ типографіи Бахметева.
1863.

СУХАРЕВА БАШНЯ

въ Москвѣ.

СУХАРЕВА БАШНЯ

ВЪ МОСКВѢ.

Сей памятникъ царствованія Іоанна V и Петра I, знаменитый по своему началу и по отношенію не только къ исторіи Москвы, но и С.-Петербурга, занимаетъ одну изъ высотъ Москвы на прежней ея границѣ, которую составлялъ Земляной валъ въ сѣверо-восточной ея части. Срѣтенская улица начиналась Срѣтенскими воротами въ Скородомѣ, или Земляномъ, нѣкогда Деревянномъ городѣ, и оканчивалась въ Бѣломъ каменномъ городѣ. Изъ 34 воротъ перваго Срѣтенскія заимствовали свое названіе отъ срѣтенія чудотворной иконы Владимірской въ 1395 г. и сообщили его большой улицѣ, которая нынѣ граничитъ урочищемъ другихъ Срѣтенскихъ воротъ, а прежде простиралась до Срѣтенскихъ воротъ въ башнѣ Китай города. * У этихъ дере-

* Нынѣшнія Никольскія, или вѣрнѣе Владимірскія ворота, Китая города, вели къ Срѣтенскому монастырю; въ память срѣтенія чудотворной иконы Владимірскія Богоматери и въ Китаѣ сооружена церковь Владимірскія Богоматери у бывшихъ Срѣтенскихъ воротъ, см. *Книга строильная г. Кремлю и Китаю* 7131 г. № 16. Въ Моск. сенатскомъ архивѣ.

вянныхъ воротъ стояла стрѣлецкая караульня, съѣзжая и мытная избы и часовня съ древнимъ образомъ Св. Николая Чудотворца, донынѣ существующая. Нѣкогда по Земляному валу тянулись Стрѣлецкія слободы, гдѣ жили безсмѣнные ратники, раздѣлявшіеся на приказы, или полки, какъ городская охранная стража, которая, внѣ службы, занималась ремеслами и торговлей. Такихъ приказовъ, по свидѣтельству Котошихина, было въ Москвѣ болѣе двадцати, въ каждомъ отъ 800 до 1000 человѣкъ. * Около Срѣтенскихъ воротъ, въ концѣ XVII вѣка, имѣлъ свое пребываніе Сухаревъ полкъ, названный по имени полковника его Лаврентія Панкратьева Сухарева; отъ сего и самое урочище это слыло въ *Сухаревѣ;* ** впослѣдствіи воздвигнутая тамъ башня прослыла *Сухаревою* въ память этого полка, вѣрнаго престолу государеву. Когда крамольные приказы Стрѣльцовъ 1682 г. возстали для истребленія царскаго семейства: тогда Сухаревъ полкъ, охранявшій юнаго Петра съ матерью и братомъ, сопровождалъ ихъ въ село Преображенское и въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Вѣрной дружинѣ въ 1684 году пожалованы были государями знамена, хранящіяся въ Оружейной Палатѣ. На знамени полковника Сухарева написанъ съ одной стороны по золоту на камкѣ образъ Всемилостиваго Спаса съ припавшими къ стопамъ Его св. Николаемъ и преп. Сергіемъ, а съ другой: образа Знаменія Богородицы въ облакахъ и четырехъ Святителей Московскихъ. На полковомъ знамени съ одной

---

* *Котошихина* о Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича Спб. 1840, въ 4.

** Дѣла Коллегіи Экономіи въ Госуд. архивѣ 1742 г.

стороны образъ Покрова Богородицы, а надъ нимъ Всемилостивый Спасъ во славѣ, и подпись: «построе-«но сіе знамя въ лѣто 1684.» На другой сторонѣ двуглавый орелъ съ именами царей Іоанна и Петра. Полковою церковью Сухарева полка былъ храмъ Св. Троицы на Листахъ; сему же празднику посвящена Петромъ I первая, сооруженная въ крѣпости церковь 1703 года, при основаніи С.-Петербурга. *

Въ соцарствованіе Петра I съ братомъ его Іоанномъ, когда уже стрѣлецкое войско обречено было на уничтоженіе и когда найденный юнымъ Царемъ въ селѣ Измайловѣ дѣдовскій ботикъ послужилъ основаніемъ Россійскому флоту: тогда предпринято сооруженіе каменныхъ Срѣтенскихъ воротъ съ шатромъ, которыя видомъ своимъ походятъ на прежній Адмиральскій корабль съ мачтою; на второмъ ихъ ярусѣ галлереи соотвѣтствуютъ шканцамъ корабельнымъ; восточная сторона — носу, а западная—кормѣ. Тому 170 лѣтъ какъ начато строиться это огромное, величественное и массивное зданіе, которое простой народъ назвалъ *невѣстою Ивана Великаго* и *сестрою Меншиковой башни;* окончено между путешествіемъ Петра I въ Архангельскъ и Азовскимъ его походомъ. Слѣдующая лѣтопись объ основаніи сего памятника высѣчена на двухъ каменныхъ доскахъ, вставленныхъ надъ воротами съ южной стороны: 1. «Повелѣніемъ Благочестивѣйшихъ, Тишайшихъ, «Самодержавнѣйшихъ Великихъ Государей, Царей и «Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣ-«евича всея великая і малыя і бѣлыя Россіи Само-

---

* Разряднаго архива книга, № 90, стр. 132.

«держцевъ, по Стрѣлецкому приказу, при сидѣнье въ «томъ приказѣ Ивана Борисовича Троекурова.»

2. «Построены во второмъ Стрѣлецкомъ полку по «Земляному городу Стретенскіе вороты, а надъ тѣми «вороты палаты и шатеръ съ часами, а подлѣ воротъ «по обѣ стороны малыя палаты, да казенной анбаръ, а позадь воротъ къ новой Мѣщанской слободѣ часовня съ кельями къ Николаевскому монастырю, что на Перервѣ, а начато то строеніе строить «въ лѣто 7200 (1692), а совершено 7203 (1695), а «въ то время будущаго у того полку стольника и «полковника Лаврентія Панкратьева сына Сухорева.»

Съ 1698 по 1701 г., какъ значилось въ дѣлахъ Сухаревскаго архива, ворота сіи были достроиваемы; вѣроятно, тогда сооружена надъ воротами башня, нѣсколько различествующая своимъ зодчествомъ отъ палатъ.

Зданіе это состоитъ собственно изъ трехъ частей: воротъ, надъ ними палатъ и осмигранной башни, въ четыре пояса, съ четырьмя вокругъ ея башенками; верхъ ея пирамидальнаго шатра увѣнчанъ двуглавымъ орломъ. Въ срединѣ нижняго яруса, занимаемаго казармами, проѣздъ соединяетъ Срѣтенскую улицу съ первою Мѣщанской; въ толстыхъ стѣнахъ проѣзда желѣзные крюки обозначаютъ существованіе двухъ воротъ, которыя на ночь запирались. Съ лицевой стороны въ нижнемъ ярусѣ четыре, а съ обратной пять кружалъ, или глухихъ арокъ, которыя, по видимому, прежде были пролетными и проѣзжими. Надъ воротами палаты въ два яруса: первый ярусъ подъ ними окруженъ крытою галлереей, или парапетомъ, на которомъ съ восточной и западной

стороны двойные порталы съ кокошниками; съ восточной стороны на галлерею ведетъ каменная ступенчатая лѣстница съ рампомъ въ видѣ наклоненной плоскости для втаскиванія наверхъ и для спуска внизъ разныхъ тяжестей. Въ этомъ ярусѣ находятся двѣ обширныя залы подъ сводами, раздѣленныя коридорами, также какъ и въ третьемъ ярусѣ: до 1806 года въ нихъ помѣщалось присутствіе Московской Конторы Адмиралтейской Коллегіи, заготовлявшей матеріалы для Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ, а потомъ магазинъ суконъ и прочихъ мундирныхъ матеріаловъ, принимаемыхъ Московскимъ Коммисіонерствомъ. Теперь въ залѣ на восточной сторонѣ, съ 1829 г. устроено, по плану г. Яниша, посредствомъ паровой машины, водохранилище (резервуаръ) изъ чугунныхъ плитъ, свинченныхъ и спаянныхъ, длиною $36^1/_2$, шириною $25^1/_2$, а глубиною $3^1/_2$ фут. Оно вмѣщаетъ въ себѣ до 7000 ведръ воды, которую, принимая въ себя изъ водопровода Большихъ Мытищъ, за 15 верстъ отъ столицы, проводитъ черезъ чугунныя трубы въ Московскіе бассейны фонтаны для продовольствія жителей: вода же посреди бассейна бьетъ изъ металлическаго сосуда, осѣненнаго Россійскимъ гербомъ. Въ другой залѣ на западъ, гдѣ прежде помѣщалась Адмиралтейская Контора, устроенъ второй резервуаръ, который доставляетъ воду въ восточную и сѣверную часть Москвы. Въ другомъ ярусѣ, на одной сторонѣ находилась такъ называемая Рапирная зала, а на другой — Архивъ бывшей Московской Адмиралтейской Конторы, подлѣ него магазинъ и цейхгаузъ. Покои сіи прежде занимаемы были Морскою академіей. Третій этажъ, скрытый сна-

ружи, служитъ только переходомъ во внутренность самой башни, или шатра, изъ коего идетъ деревянная винтообразная лѣстница вверхъ къ шпилю подъ самый гербъ; тамъ изъ слуховыхъ оконъ шатра открывается вся дивная панорама огромной и разнообразной Москвы во всемъ ея необъятномъ величіи, чудной красотѣ и широкомъ раздольѣ.

Вышина всей башни, отъ подошвы до герба, 30 сажень; ширина при подошвѣ 19 сажень, 1 аршинъ; длина 11 сажень, $1^3/_4$ аршина, кромѣ крытой ступенчатой лѣстницы ко входу.

Стиль зданія представляетъ смѣсь ломбардскаго съ готическимъ. По видимому, образцемъ его служили Аугсбургская и Амстердамская старыя ратуши. Прочность строенія соединена съ величіемъ и красивостью; въ толстыхъ его стѣнахъ и сводахъ связи изъ брусковаго желѣза. Кирпичи крѣпостные, тяжеловѣсные, хорошо обожженые; цоколь изъ бѣлаго камня. На углахъ, аркахъ, фасадѣ, окнахъ и дверяхъ архитектурные орнаменты разныхъ стилей: узорочныя и витыя колонны, фризы, архивольты, валики, сандрики, рустики, раковины, сухарики, углубленные балюстрады изъ бѣлаго камня или лекальнаго кирпича; а въ одномъ мѣстѣ подъ лѣстницею и на верхнемъ поясѣ башни вставлено нѣсколько цвѣтныхъ кахелей съ изображеніемъ двуглаваго орла подъ двумя коронами; такими гербами, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ прежде было украшено сіе зданіе. Грани башни оканчиваются мысообразными теремками, или мавританскими перемычками. Въ срединѣ ея видно мѣсто, гдѣ до 1812 г. стояли часы, сдѣланные въ 1695 году, для этой части города. Съ сѣверной стороны надъ воротами поставленъ

образъ преподобнаго Сергія, какъ покровителя Россійской артиллеріи и указателя пути къ его св. обители, сохранившей въ стѣнахъ своихъ юнаго Петра I; съ южной стороны, образъ Казанской Богоматери, избавительницы Москвы отъ враговъ въ 1612 году и покровительницы С.-Петербурга. Подъ надворотными иконами флотскій гербъ Россійскій съ Мальтійскимъ крестомъ и якорями. Слѣды позднѣйшихъ передѣлокъ, послѣ пожара въ 1737 году, замѣтны въ нѣкоторыхъ частяхъ башни. Но вообще изъ ея стиля видно, что назначеніе ея не военное, а гражданское; ибо нѣтъ нигдѣ ни амбразуръ для пушекъ, ни другихъ пристроекъ, употребительныхъ въ оборонительныхъ башняхъ. Прежде она была обнесена палисадомъ; теперь, подобно Краснымъ воротамъ, прежде Мясницкимъ или Флоровскимъ, стоитъ отдѣльно, какъ остатокъ Землянаго города. Хотя преданіе именуетъ Лефорта зодчимъ этого памятника; но какъ Петръ I любилъ архитектуру и самъ чертилъ планы для многихъ церквей и другихъ зданій въ Москвѣ и Петербургѣ, то весьма вѣроятно, что башня сія сооружена по его плану; неизвѣстно только, кто былъ исполнителемъ его.

Къ восточной сторонѣ башни въ 1820 году пристроены каменныя двухъ-этажныя казармы, гдѣ помѣщались морскаго и адмиралтейскаго вѣдомства чиновники и нижніе чины, а нынѣ присутствіе Высочайше утвержденной 1861 г. Временной коммисіи Словеснаго суда. На западной сторонѣ до 1812 г. стоялъ деревянный амфитеатръ, хранившій въ себѣ маскарадный корабликъ, который назвалъ Петръ I *памятникомъ Миротворцемъ*. При торжествованіи мира съ Швеціей въ 1721 и въ 1744 г. этотъ корабликъ, съ

распущенными флагами и парусами, иллюминованный слюдяными фонариками, возимъ былъ по Москвѣ, то на саняхъ, то на колесахъ. Восемь мѣдныхъ пушечекъ съ него донынѣ хранятся на башнѣ. Когда же Миротворецъ обветшалъ, то въ 1799 г., по Высочайшему повелѣнію императора Павла I, былъ возобновленъ съ сохраненіемъ прежняго фасада, присланными изъ С.-Петербурга корабельными мастерами и плотниками. Въ 1812 году онъ потерпѣлъ одинакую участь съ Москвою; тогда пожаръ истребилъ въ башнѣ деревянныя постройки и архивъ.

Съ исторіею Сухаревой башни соединено много любопытныхъ и важныхъ воспоминаній, много чудесныхъ преданій; онѣ составляютъ внутреннюю жизнь сего памятника, который обращенъ Великимъ Петромъ въ колыбель математическихъ наукъ и Россійскаго флота. Здѣсь зародышъ многихъ преобразованій въ Россіи; здѣсь живетъ память мужей его вѣка, знаменитыхъ въ исторіи отечественнаго просвѣщенія: Апраксина, Лефорта, Брюса, Фарварсона или Фергюсона, Сенявина, графа Н. Головкина, князя Черкаскаго, Өеофана Прокоповича, Магницкаго и пр. Сюда не рѣдко пріѣзжалъ Петръ бесѣдовать съ ними о дѣлахъ государственныхъ и ученыхъ; здѣсь посѣщалъ онъ школу при ученіи и бывалъ на драматическихъ забавахъ, какъ увидимъ далѣе.

Въ самомъ началѣ XVIII вѣка, какъ введено было Петромъ I новое гражданское лѣтосчисленіе съ января мѣсяца, въ палатахъ Сухаревой башни открыта Математическая и Навигаціонная школа, которую первый Императоръ назвалъ Адмиралтейскою; въ ней учились дворянскія и разночинскія дѣти, которыхъ въ 1712 году уже простиралось до 517 человѣкъ. Этотъ

разсадникъ наукъ былъ предтечею основанія С.-Петербурга, Адмиралтейства и Морскаго Кадетскаго корпуса. Какъ Петръ поручалъ всѣ дѣла, касавшіяся до физикоматематическихъ наукъ, графу Якову Брюсу: то, вѣроятно, сей математикъ, издатель столѣтняго Календаря, устроилъ Сухаревское училище, ввѣренное потомъ управленію Шотландца Фарварсона; товарищемъ его былъ профессоръ Гвинъ (Gween). Тамъ въ числѣ первыхъ математическихъ учителей находился любимецъ Петра I, Леонтій Магницкій, сочинитель въ 1703 г. ариѳметики, первой печатной на Русскомъ съ арабскими цифрами, вмѣсто славянскихъ, приспособленной имъ къ мореплаванію и раздѣленной на ариѳметику-политику, или гражданскую, и логистику, обнимавшую движеніе круговъ небесныхъ и часть о земномъ размѣреніи. О своемъ трудѣ такъ выразился въ стихахъ Русскій математикъ:

Зане разумъ весь собралъ и чинъ
Природный Русскій, а не Нѣмчинъ.

Какъ морская трудная и опасная служба пугала родителей; то они, вопреки указу Государя, отдавать дѣтей для ученія на Сухареву башню, записывали ихъ въ Заиконоспасское училище. Раздраженный ихъ ослушаніемъ, Петръ велѣлъ отправить этихъ учениковъ въ С.-Петербургъ бить сваи на Мойкѣ для пеньковыхъ анбаровъ. Здѣсь великодушіе адмирала Апраксина смѣло противустало строгости Государя; онъ, снявъ съ себя Андреевскую ленту и мундиръ, повѣсилъ ихъ на шестъ, и сталъ, въ присутствіи Петра I, самъ вбивать сваи съ учениками. На замѣчаніе Государя, что «Адми- «ралу и кавалеру неприлично заниматься такою рабо-

«тою», Апраксинъ отвѣчалъ: «здѣсь сваи бьютъ мои «племянники и внучата, а я какое имѣю преимущество въ родѣ? Мундира своего и ордена не мораю, а «берегу ихъ.» Петръ понялъ его; простивъ опальныхъ учениковъ, послалъ ихъ въ чужіе краи. * Въ 1706 г. изъ этого разсадника мореплаванія и академіи Петръ I отправилъ еще 30 учениковъ въ Англію и Голландію, для усовершенствованія ихъ въ мореходствѣ; въ 1711 г. тамъ уже находилось 411 навигаторовъ, т. е. кончившихъ начальный курсъ мореплаванія. ** Начатое въ древней столицѣ довершено въ новой. Московское Навигаціонное училище въ 1715 г. переведено было въ С.-Петербургъ подъ названіемъ *Морской академіи*, потомъ переименованной въ *Морской кадетскій корпусъ*, воспитавшій столько адмираловъ и мореходцевъ. На Сухареву же башню перемѣщена была изъ Кремля Московская Адмиралтейская Контора, при которой, до 1802 года, оставались нижнія ариѳметическія и географическія школы. *** Во время князя Антіоха Кантемира Сухаревское училище столь уже славилось счетною мудростію, что въ одной сатирѣ своей онъ говоритъ, что не далъ бы моту денегъ:

„Хоть числилъ онъ лучше всей Сухаревой башни.“

Здѣсь существовала и астрономическая обсерваторія, какъ видно изъ слѣдующаго письма Петра I изъ Ахтыр-

---

* *Голикова* дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, т. V., стр. 294.

** Жизнеописанія первыхъ Россійскихъ Адмираловъ или опытъ Исторіи Россійскаго флота, (В. Берха) ч. I. Спб. 1831, въ 8, стр. 46.

*** Географическое методическое описаніе Россійской Имперіи *Х. Чеботарева.* М. 1776. въ 8, стр. 137.

ки, 1709 года, къ адмиралу Апраксину. «Сего февраля 28 «будетъ видимо солнечное затмѣніе, а сколь много затмится, того не вѣдомо; о чемъ изволь отписать въ «Москвѣ къ математическимъ учителямъ (на Сухаревой «башнѣ), дабы они сдѣлали (вычислили), сколь много «солнцу затмѣніе будетъ на Воронежѣ, и, нарисовавъ, «къ намъ прислали.» Это самое не служитъ ли доказательствомъ, что тогда математика въ Москвѣ была на той уже степени, что могла вычислять количество дюймовъ затмѣнія! Первыя на Руси морскія карты начертаны были на Сухаревскомъ училищѣ навигаціи. Огромный Голландскій глобусъ, мѣдный, 7 футовъ въ поперечникѣ, сдѣланный наслѣдниками знаменитаго географа Вильгельма Блео въ 1650 году и подаренный Генеральными Штатами царю Алексію Михайловичу, * перенесенъ былъ съ Ивановской колокольни на Сухареву башню, гдѣ служилъ пособіемъ при урокахъ Фергюсона и Гвина; потомъ 1752 г. отправленъ онъ въ С.-Петербургъ. По названію рапирной залы на Сухаревой башнѣ, можно заключить, что тамъ учили и фехтованью. Обширная эта зала, освѣщенная окнами съ сѣвера, востока и юга, имѣетъ три входа, два съ запада и одинъ съ востока. Преданіе гласитъ будто въ ней бывали тайныя засѣданія какого-то общества Нептунова; тамъ предсѣдательствовалъ Лефортъ, самъ Царь былъ первымъ надзирателемъ, а Ѳеофанъ Прокоповичъ ораторомъ. Первый адмиралъ флота Апраксинъ, Брюсъ, прослывшій въ народѣ великимъ чернокнижникомъ, Фарварсонъ, прозванный *Фармазономъ*, князь Черкасскій,

---

* Опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей и Исторіи натурал. Спб. Академіи Наукъ, изд. *І. Бакмейстеромъ*. Спб. 1779 г., стр. 128.

князь М. М. Голицынъ, Меншиковъ, Шереметевъ и другіе вельможи-сотрудники, близкіе къ Государю, были членами сего общества, похожаго на масонское; исторія и преданіе скрыли отъ насъ происхожденіе и истинную цѣль этой тайной думы; но до сихъ поръ въ народѣ носится молва, будто тамъ хранилась черная книга, стрегомая 12 духами, и послѣ закладенная въ стѣну, гдѣ и заколочена алтынными гвоздями. Можетъ статься, этому сказанію дала поводъ чугунная доска съ именами членовъ, или правилами Нептунова общества, по преданію замуравленная въ восточную стѣну залы, близъ двери, къ коей прежде былъ входъ извнѣ въ крыльце съ крытою лѣстницей.* Въ своемъ Памятникѣ всѣмъ книгамъ разнымъ, собраннымъ отъ начала библіографій и типографій любитель отечественной библіографіи Григорій Даниловъ Книголюбовъ, крестьянинъ села Завидова,** сообщаетъ намъ довольно подробное заглавіе рукописей, хранившихся въ Сухаревой башнѣ, приведемъ ихъ.

1. Книжица хитрая таблицами, тайными буквами, выписанная изъ чернокнижія, магіи черной и бѣлой, кабалистики и пр.

---

* У профессора Бауэе въ библіотекѣ находилась также черная книга, писанная въ половинѣ XVII столѣтія и, по сказанію К. Калайдовича (Извѣстіе о древностяхъ Славяно-Русскихъ. М. 1811, въ 12.), содержавшая въ себѣ логариѳмы, кои изобрѣтены были въ началѣ того вѣка Шотландцемъ Нейпоромъ; а по мнѣнію сочинителя объ Астрологіи (Сѣверная Пчела, 1849 г.), отрывки одной отъ вспомогательныхъ табавцъ для астрономическихъ исчисленій. Такъ суевѣрное невѣжество обвинило боярина Матвѣева въ томъ, будто онъ съ докторомъ Спафаріемъ читалъ тайно черную книгу, которая была ни что иное, какъ лечебникъ, гдѣ рецепты изображены цифрами и аптекарскими знаками.

** Рукопись въ 8. ч. XIX, изд. 11-е. Москва, въ библіографіи Г. Д. Книголюбова и Богол. 1042—2842. Она содержитъ въ себѣ дополненіе къ каталогу Смирдина. Въ библіотекѣ кн. М. А. Оболенскаго.

все на свѣтѣ дѣйствуетъ. На русскомъ и иностранныхъ языкахъ, 100 листовъ; писана по скорописи XIII в.

2. Зерцало, показывающійся покойникъ за 100 лѣтъ вживѣ образомъ, и одежду и походку, и говорящій, на всѣ вопросы отвѣчающій одни сутки, послѣ пропадаетъ.

3. Черная книга, кудесничество, чародѣйство, знахарство, ворожба. Сіе русское чернокнижіе, собранное русскими знахарями 19 частей, рукопись скорописная.

4. Черная книга, писанная волшебными знаками; ей бѣси покоряются и служатъ, соч. Рафли, * Шестокрылъ, Вороноградъ, Остромій, Зодій, Алманахъ, Звѣздочетъ, Аристотелевы врата. Писана до Ноева потопа, сохранилась на днѣ морскомъ въ горючемъ камнѣ алатырѣ. Чернокнижникъ ее досталъ, а нынѣ закладена въ Сухаревой башнѣ, связана страшнымъ проклятіемъ на 10,000 лѣтъ, 35 книгъ, 180,000 листовъ.

5. Черная магія, писанная непонятными письменами волшебными, существующая отъ начала міра, во время потопа сохранена въ камнѣ Хамомъ. Гермесъ нашелъ послѣ сію книгу. 9 книгъ, 100,000 листовъ, а нынѣ закладена въ Сухаревой башнѣ.

6. Черная книга, читанная докторомъ Стефаномъ, въ полдесть, толщиною въ 3 пальца.

7. Книга Орфея и Музея, содержащая заговоры, очищенія, приговоры для усыпленія змѣй, 4 книги, скорописная рукопись, 8,000 листовъ.

8. Русское кудесничество, заговоры на всѣ возможные случаи. 9 книгъ; скороп., 900 листовъ, а нынѣ заключена въ Сухаревой башнѣ.

---

* Рафли отъ *raffla*, raffle in Literis remifs. 1302, по объясненію Дюканжа, aleae species, родъ игры въ зернь, въ кости. Воронограй — птицегаданіе, augurium, Остромій—астрономія, Звѣздочетъ—астрологъ Зодій—Зодіакъ, Алманахъ—календарь; Аристотелевы врата и Шестокрилъ намъ неизвѣстны.

9. Книга Сивиллъ, 12 сестеръ; прорицаніе воли боговъ и предсказаніе будущаго, 12 книгъ, 12,000 лист., полууставн. рукопись, а нынѣ заключена въ Сухаревой башнѣ.

По сказанію Книголюбова, въ Сухаревой башнѣ также хранились: 1) «Соломонова печать на перстнѣ слова: Sator, агеро, tenet, opera, rotas, а внутри духъ заключенъ, на кольцѣ разныя фигуры. Можно симъ перстнемъ дѣлать равно: къ себѣ печатью превратить, невидимъ будешь, отъ себя отвратить, видимъ будешь и всѣ очарованія разрушить, власть надъ сатаной получишь; колцомъ къ себѣ превратить, то разныя превращенія сдѣлаешь, снимешь съ руки, ударишь обо что, то сатана выскочитъ, что тебѣ хочется, все исполнитъ и прочія можно симъ колцомъ дѣлать и хитръ, мудръ, памятливъ и все знать будешь, если на рукѣ его имѣешь. Изъ сребра дѣланъ.» 2) «Досчечка точно аспидная черная, литеры красныя и бѣлыя, дѣйствуетъ сице: ударишь ею обо что, духи выйдутъ изъ нее трое, и, что хошь, исполнятъ. Черной стороной къ себѣ превратить, невидимъ будешь, писаной стороной къ себѣ превратить, и молвить какую букву, къ нему то тако обратится; къ себѣ за пазаху ее положишь, то будешь все на свѣтѣ знать и будешь память, хитрость, мудрость, разумъ имѣть.» 3) «Камень осмiугольный со словами мелкими Н. П. З. М., дѣйствуетъ болѣе доски.»

По видимому, приведенныя Русскимъ сельскимъ библіографомъ таинственныя рукописи, хранившіяся и заложенныя въ стѣнахъ Сухаревой башни, оправдываютъ общенародное объ нихъ преданіе; но заставляютъ жалѣть, что библіографъ не указалъ намъ, изъ какихъ именно источниковъ почерпнуты имъ та-

ГРАФЪ ЯКОВЪ ВИЛИМОВИЧЪ БРЮСЪ.

кія свѣдѣнія. Ежели въ этомъ преданіи есть истина и ежели приведенныя рукописи не подложны: то можно предполагать, что Петръ I съ своими сочленами на Сухаревой башнѣ изъ любопытства занимался магіей, алхиміей и астрологіей, добивался до perpetuum mobile, вѣчнаго движенія. Нѣкоторые случаи въ его жизни показываютъ, что онъ вѣрилъ примѣтамъ и не со всѣмъ свободенъ былъ отъ суевѣрія. Вильбоа говоритъ, что у постели его всегда лежала на столѣ аспидная доска съ грифелемъ, на которой онъ записывалъ видѣнные имъ сны *. Если дѣйствительно находились на Сухаревой башнѣ таинственныя книги, то, вѣроятно, велѣно ихъ скрыть; но разнесшаяся объ нихъ молва въ народѣ перешла въ преданіе.

Въ тотъ вѣкъ все писанное буквами неизвѣстными или цифрами называлось *чернокнижіемъ и тарабскою грамотою*. Такая молва особенно могла родиться отъ Стрѣльцовъ, которыхъ столько тысячь казнено преобразователемъ Россіи за ихъ крамолы и мятежи; это былъ голосъ семейной, родовой мести, перешедшій въ народное сказаніе. Преданіе также гласитъ о лабораторіи Брюса, на этой таинственной башнѣ, гдѣ онъ занимался составленіемъ элексира живой и мертвой воды. Предъ смертію своей, будто, онъ отдалъ стклянку съ живой водой своему каммердинеру, а по сказанію г. Пекарскаго, самому Петру I, и велѣлъ поливать ею себя вскорѣ по смерти. Когда сталъ исполнять такое приказаніе каммердинеръ, усопшій началъ

* Mémoires anecdotiques de la cour de la Russie sous le règne du czar Pierre I etc. par le Sieur de Villebois въ Revue retrospective № IV et V. Paris, 1838. T. 8.

шевелиться; исполнитель испугался и, уронивъ изъ рукъ стклянку, разбилъ ее. Брюсъ уже не возсталъ отъ смертнаго сна.* Можетъ статься, когда еще алхимія не вышла изъ моды и смѣшивалась съ химіею, астрологія съ астрономіей: тогда этотъ естество-испытатель и математикъ дѣлалъ тамъ свои опыты, привлекавшіе жадное вниманіе любознательнаго Петра. Посему, вѣроятно, и дружескимъ совѣщаніямъ Царя съ приближенными людьми о наукахъ, или о государственныхъ дѣлахъ, раздраженное невѣжество дало значеніе, противное Православію; потому что оно смотрѣло на быстрыя и насильственныя нововведенія, какъ на разрушеніе отеческихъ нравовъ и обычаевъ, а съ ними вмѣстѣ и благосостоянія государства. Въ 1785 году, на Сухареву башню взяты были бумаги изъ ложи типографщика Новикова и тамъ грозный Шишковскій допрашивалъ членовъ этого тайнаго общества, между прочими и профессора Чеботарева. Народная молва перепутала происшествія временъ Петра I съ событіями царствованія Екатерины II.

Слѣдуя склонности своей переходить отъ важныхъ и трудныхъ занятій для отдыха къ разнымъ потѣхамъ, Петръ въ 1771 г. выписалъ изъ Данцига труппы актеровъ: Купшта, Отто Фиршста и Манна, которые изъ Сухаревскихъ учениковъ образовали

---

* Сообщено отъ заслуженнаго профессора Петра Илар. Страхова, заимствовавшаго сіе извѣстіе отъ своего дяди профессора и ректора Московскаго Университета П. И. Страхова, современника Н. И. Новикова. Поэтическія преданія о Брюсѣ чернокнижникѣ и алхимикѣ дали поводъ г. Лажечникову написать романъ, еще невышедшій въ свѣтъ: *Калдунъ на Сухаревой башнѣ.*

актеровъ и съ ними представляли въ залахъ башни свѣтскія комедіи. Не рѣдко и самъ Царь былъ зрителемъ дѣтскихъ опытовъ театральнаго искусства. Одни говорятъ, что въ Комедіальной храминѣ на Красной площади, а другіе — на Сухаревскомъ театрѣ, они, въ его присутствіи, первое апрѣля выкинули Нѣмецкую штуку (in den April schicken); обѣщавъ представить какое-то невиданное и неслыханное зрѣлище, выставили только на завѣсѣ надпись: *первое апрѣля*. «Это «театральная вольность», сказалъ Царь.

Старожилы также припоминаютъ, что и въ царствованіе Екатерины II дѣти Московскихъ подъячихъ играли разныя камедіи на Сухаревой башнѣ въ Рапирной залѣ.

При Петрѣ I, тамъ въ адмиральскій часъ и вечеромъ, предъ пробитіемъ зари, играла музыка.

Пожары, претерпѣнные Сухаревою башней, лишили ея часовъ (необходимыхъ въ этой части города, на торговомъ и богомоленномъ пути), архива, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, многихъ любопытныхъ и важныхъ фактовъ для ея исторіи, черезполосной съ исторіею Москвы и С. Петербурга. Изъ случаевъ, извѣстныхъ намъ, замѣтимъ, что за день до вступленія Наполеоновыхъ войскъ въ Москву, ястребъ, съ путами на ногахъ, запутался въ крыльяхъ двуглаваго мѣднаго орла на шпилѣ Сухаревой башни, долго вырывался, наконецъ обезсиленный, повисъ и издохъ. Народъ, собравшійся тогда смотрѣть на это, толковалъ: «Вотъ такъ-«то видно и Бонапартъ запутается въ крыльяхъ Рус-«скаго орла!»

Въ исторіи Сухаревой башни, прославленной преданностію Сухаревскаго полка престолу царскому достопамятно, что 1825 года, декабря 17, штату ея суждено

первому въ Москвѣ присягнуть на всеподданнѣйшую вѣрность Императору Николаю I; потому что указъ о вступленіи на престолъ въ Бозѣ почившаго Государя полученъ днемъ прежде изъ Государственной Адмиралтейской Коллегіи Сухаревскою ластовою ротой Балтійскаго флота, чѣмъ изъ другихъ начальствъ.

Въ 1836 г. обозрѣвалъ сію башню Генералъ-Адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, а въ 1838 г. Наслѣдникъ Престола, Цесаревичъ, нынѣ Императоръ Александръ Николаевичъ.

Такимъ образомъ Срѣтенскія ворота Москвы служили введеніемъ въ Россіи математическихъ наукъ и мореплаванія, преддверіемъ основанію С. Петербурга и Адмиралтейства и многимъ преобразованіямъ, коимъ начало, вѣроятно положено Петромъ I, въ тайной думѣ его на Сухаревой башнѣ — этомъ маякѣ просвѣщенія отечества и памятникѣ вѣрности Сухаревой дружины царскому престолу. Съ ихъ бытіемъ въ Московскомъ мірѣ столько значительныхъ воспоминаній, которыя даютъ имъ почетное мѣсто въ исторіи просвѣщенія конца XVII и начала XVIII вѣка.

КАМЕННЫЙ МОСТЪ ВЪ МОСКВѢ

КАМЕННЫЙ МОСТЪ

НА МОСКВѢ РѢКѢ.

Когда еще въ Москвѣ не было другихъ каменныхъ мостовъ, кромѣ стараго Знаменскаго у Троицкихъ воротъ, и Спасскаго у Фло́ровскихъ, тогда извѣстный донынѣ подъ именемъ Каменнаго моста на Москвѣ рѣкѣ, почитался одною изъ столичныхъ диковинокъ, наравнѣ съ Иваномъ Великимъ, Сухаревою башней, Царь-колоколомъ и Царь-пушкою. До его построенія, на Москвѣ рѣкѣ мосты деревянные, живые, составленные изъ плотовъ, разбирались, или разметывались предъ весеннимъ разливомъ водъ, иногда и въ осеннее половодье. Таковы издавна были Москворѣцкій у Водяныхъ воротъ,* Крымскій, Дорогомиловскій, Яузскій и другіе. Самое значеніе мостовъ въ жизни русскаго народа и названіе дало поводъ Ходаковскому производить имя Москвы, прежней *Московы*, отъ *мостка* потому, что болото въ Гжатскомъ уѣздѣ, откуда беретъ начало Москва рѣка, называется *Калиновымъ мостомъ*.**

Самая мѣстность представляла удобство и необходимость къ построенію неподвижнаго моста на Москвѣ

---

* *Карамз*. И. Г. Р. VI, 194 пр. 318, 444. X. 271, пр 207.

** Русскій историческій сборникъ, изд. Императорскимъ обществомъ Исторіи и Древностей Россійск. т VII. М. 1844, въ 8.

рѣкѣ для непрерывныхъ сношеній одной части города съ другою. Впаденіе Неглинной въ Москву рѣку при подошвѣ Боровицкаго холма, этой колыбели города, предполагаетъ здѣсь древнѣйшую пристань, куда съ верховья рѣки приплыли первые насельники Кучкова, или Москвы. До построенія Каменнаго моста, здѣсь, безъ сомнѣнія, былъ перевозъ; но никакого моста не видно на Годуновскомъ чертежѣ Москвы, изданномъ въ Голландіи 1608 и 1610 года.* Въ 1633 году на этомъ мѣстѣ были Берсеневскія водяныя ворота и англійскій механикъ Христофоръ Головей посредствомъ свинцовыхъ трубъ взвелъ изъ рѣки воду въ Свиблову (Водовзводную) башню, а изъ башни на Государевъ Сытный и Кормовый дворцы.**

Когда же съ умноженіемъ населенности въ Замоскворѣчьи, гдѣ были Стрѣлецкія слободы, открылась необходимость, въ соединеніи четырехъ городовъ съ ихъ зарѣцкимъ пригородомъ: тогда сталипомышлять о сооруженіи каменнаго моста. Для сего 1643 года вызванъ въ Москву изъ Страсбурга палатный мастеръ Анце Яковлевъ, или какъ именовали его Русскіе, Яганъ Кристлеръ съ дядею своимъ Иваномъ Яковлевымъ Кристлеромъ; для производста привезъ онъ съ собою, какъ идно изъ подлиннаго дѣла,*** разныя мѣдныя и желѣзныя снасти, мѣдную печь, вѣкшы большія и малыя, подпятки, долотники, вороты съ лопатами, молоты, пазники къ деревянному дѣлу, винтовники и щурупники, кирки жерновыя, закрѣпки и т. п. По приказанію царя Михаила Ѳедоровича, Кристлеромъ представленъ былъ деревянный *мостовый образецъ*,

* *Снегирева* Памяти. Московск. Древн. М. 1841, въ 4.

** Книга расходная Оруж. Палаты 7141. № 1089.

*** Вывзды въ Россію разнаго званія иностранныхъ людей съ 1600 г., по 1765 г. въ Главн. Москов. архивѣ министер. иностр. дѣлъ.

или модель съ чертежемъ на три статьи, «по которому быти сдѣлану каменному мосту черезъ Москву рѣку». Образецъ этотъ дѣлали, подъ его руководствомъ, дворцовые плотники. Въ *перечнѣ,* т. е. смѣтѣ, Кристлеръ показалъ, сколько надобно на это большое Государево дѣло камня, кирпича, извести, желѣза и всякихъ каменныхъ, желѣзныхъ и деревянныхъ запасовъ. Между прочимъ для начальныхъ пяти большихъ сводовъ требовался крѣпкій бѣлый камень, добываемый въ Настасьинѣ, длиною и шириною 1 аршинъ, зола горшечная, городовой, хорошо обожженной кирпичъ. По разсмотрѣніи модели и смѣты, въ Посольскомъ приказѣ, думный дьякъ Григорій Львовъ и Степанъ Кудрявцевъ спрашивали Кристлера: «можно ли будетъ тому его мосту устоять отъ льду толщиною въ два аршина»? Онъ отвѣчалъ, «что у него будутъ сдѣланы шесть быковъ каменныхъ острыхъ, а на тѣ быки учнетъ ледъ, проходя, рушиться, а тотъ рушенный ледъ учнетъ проходить подъ мостъ между сводовъ мостовыхъ, а своды будутъ пространны, порожжаго мѣста будетъ по 40 аршинъ, а межъ порожжихъ мѣстъ у столповъ будутъ же сдѣланы отлоги острые; и отъ льду мосту порухи никакой не будетъ, укрѣпити его мочно. Своды у того мѣста будутъ по 40 аршинъ.» На вопросъ же: «можно ли будетъ по тому мосту возить большой пушечный снарядъ и отъ большой тягости устоятъ ли своды»? Кристлеръ отвѣчалъ: «своды будутъ сдѣланы толсты и тверды и отъ большія тягости никакой порухи не будетъ». Такіе распросы не обнаруживаютъ ли сомнѣнія Русскихъ въ возможности построить на рѣкѣ каменный неподвижный мостъ, который бы выдержалъ напоръ льда и выносилъ бы большія тяжести, притомъ тогда, когда еще не было отводнаго канала, ког-

да рѣка была не столь скудна водою, какъ нынѣ. Не мудрено, что совершеніе такого дѣла показалось чудомъ въ концѣ XVII столѣтія! Въ то время, какъ обслѣдывали проектъ и готовили матеріалы для этого большаго дѣла, Кристлеръ посыланъ былъ, по указу царя, въ Троице-Сергіевъ монастырь и въ Новгородъ для городоваго дѣла, коему онъ сочинилъ чертежи и смѣту. Съ преждевременною смертію царя Михаила Ѳедоровича и Кристлера въ 1645 году, строеніе Каменнаго моста остановилось и намъ неизвѣстно доселѣ, продолжалось ли оно въ царствованіе Алексія Михайловича и Ѳеодора Алексіевича; но уже окончилось тогда, когда любитель зодчества любимецъ царевны Софіи, князь Василій Васильевичъ Голицынъ украшалъ Москву многими зданіями. Строеніе возобновилось въ 1682 и довершено въ 1687 году, по мостовому образцу Кристлера, какъ свидѣтельствуютъ намъ Желябужскій и Голиковъ. Зодчимъ былъ какой-то монахъ, котораго имя, къ сожалѣнію, еще неизвѣстно. * Вбивши дубовыя сваи въ русло рѣки и настлавъ ихъ брусьями, онъ выводилъ на нихъ каменное зданіе. Это сооруженіе по тому времени казалось столь важнымъ, что даже вошло въ народную поговорку о чемъ-либо чрезвычайно дорогомъ: *дороже каменнаго моста*.

Прежде зданіе это представляло совсѣмъ другой видъ, нежели нынѣ, какъ показываетъ рисунокъ его, изданный при Петрѣ I; тогда самая обстановка его была другая. Въ 1707 году, Петръ, повелѣвая укрѣпить Москву, угрожаемую Карломъ XII, въ указѣ своемъ замѣтилъ, что «отъ Водовзводной башни до Камен«наго моста натура зѣло укрѣпила». На лѣвомъ берегу рѣки, съ двухъ сторонъ къ нему примыкали вторая

* Дѣянія Петра Великаго, т. IV, дополн. къ I т. издан. 2.

стѣна Кремлевская и стѣна Бѣлаго города, сходившіяся у Всесвятской стрѣльницы съ проѣзжими воротами. У отводныхъ его быковъ пристроены были водяныя мукомольныя мельницы съ плотинами и сливными воротами. На самомъ мостѣ стояли палата Предтечевскаго монастыря и четыре каменныя палатки князя Меншикова, табачная таможня и пивной дворъ; на концѣ моста было кружало, что слыветъ *заверняйка*, потомъ отписанныя въ казну, деревянныя лавки, гдѣ горговали щепетнымъ товаромъ; на южномъ концѣ моста было шесть воротъ и палаты, надъ которыми возвышались два шатровые верха, увѣнчанные двуглавыми орлами; въ палатахъ помѣщалась Корчемная кан целярія и тюрьма для обличенныхъ въ корчемствѣ. Подъ ними находились галлереи, называвшіяся *Верхними гульбищами*, куда сходились московскіе жители гулять и пить вино и пиво; * изъ галлерей деревянный сходъ велъ на набережную къ Царицынскому лугу и къ Берсеневкѣ. Подъ самымъ мостомъ былъ пивной фортенной ледникъ. На лѣвомъ берегу близь моста находились Всесвятскія каменномостскія торговыя бани, пожалованныя Петромъ I князю Меншикову и долго слывшія *Меншиковыми*; тамъ же были построены житницы «для хлѣбной раздачи Государева жалованья Преображенскаго полка Гренадерской роты солдатамъ, которые не брали за болѣзнію и за нуждами.» **

Отъ смежныхъ съ мостомъ Всесвятской воротной башни и церкви во имя Всѣхъ Святыхъ онъ назывался *Всесвятскимъ*, отъ сосѣдственнаго съ нимъ урочища Берсеневки и Берсеневскихъ воротъ—*Берсеневскимъ*,

* см. Потѣшнаго двора столбецъ 2, дѣло 92, въ Моск. арх. мин. юст.

** Тамъ же.

для отличія отъ стараго каменнаго моста у Троицкихъ воротъ—*Новымъ Каменнымъ* и у *Церкви Николая Чудотворца.*

Въ такомъ состояніи былъ Каменный мостъ до царствованія Анны Ивановны. Она указомъ своимъ 1731 года, мая 26, повелѣла сломать мельницы при мостѣ и быки очистить, чтобы между ними былъ свободный проходъ водѣ. Во время Троицкаго пожара 1737 года сгорѣли подъ симъ мостомъ деревянныя лѣстницы отъ Бѣлаго города у Всесвятскихъ воротъ. *

Но на планѣ Махаева, въ половинѣ XVIII столѣтія, ** не видно уже мельницъ у быковъ, ни лавокъ и палатъ на мосту, выстланномъ досками, только вмѣсто двухъ башенъ надъ шестью воротами, такая же стрѣльница, какъ и въ сѣверномъ концѣ. Другая стѣна Кремлевская, примыкавшая къ Всесвятскимъ воротамъ, тогда уже была сломана.

Въ дѣлахъ архитектора князя Ухтомскаго, 1756 г., завѣдовавшаго городскимъ строеніемъ, упоминаются: у шести воротъ моста каменная палата надъ ними, гдѣ содержалось тогда болѣе 70 человѣкъ по корчемнымъ дѣламъ, и Корчемная канцелярія, при мостѣ пять отводныхъ быковъ, предъ коими вбиты сваи въ воротахъ, а съ восточной стороны семь контрфорсовъ. Тогда поручено было исправленіе Всесвятскаго моста архитектуріи гезелю Андрею Дашкову. Въ 1775 году еще тамъ находились лавки и палатки, кои, какъ видно изъ 102 прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ того же года, взяты были на откупъ съ платежемъ въ

* Видъ Кремля изъ Замоскворѣчья между Каменнымъ и Живымъ мостомъ къ полудню; въ Главн. архивѣ мин. иностр дѣлъ и Дѣло о пожарѣ въ Москвѣ 1737 г. мая 29, связка 5, въ Государств. архивѣ старыхъ дѣлъ.

** На планѣ царствующаго города Москвы, коего проспектъ снималъ М. М. Махаевъ.

казну московскимъ первой гильдіи купцемъ, пожалованнымъ тогда въ дворяне, Ѳомою Мальцовымъ. Ходъ между лавками имѣлъ деревянный навѣсъ. Рубанъ сообщаетъ намъ въ 1782 году слѣдующее описаніе мосту: «Шестеро воротъ каменныхъ на концѣ моста у Суконной фабрики съ одной стороны, а съ другой у Камеръ-Коллежскаго виннаго двора. Они стояли съ трехъ сторонъ: одни прямо противъ Каменнаго моста и Козмодемьянской улицы съ двумя проѣздами, гдѣ нынѣ заступила ихъ мѣсто часовня; другія изъ Каменнаго моста направо къ Берсеневкѣ, также съ двумя проѣздами; третьи съ Каменнаго моста къ большому Суконному двору съ двумя же проѣздами. Собственно было только трое воротъ, но, по причинѣ шести сквозь ихъ проѣздовъ, назывались *Шестеро воротъ*». *

Со времени существованія своего въ московскомъ мірѣ до нашихъ временъ, мостъ этотъ неоднократно былъ починиваемъ и передѣлываемъ, такъ что въ послѣдствіи первобытный его видъ измѣненъ. Изъ дѣлъ Статсъ-Конторы (вязка 74, дѣло 61 въ арх. мин. юст. видно, что въ 1724 году производилась починка каменнаго Всесвятскаго моста; «на дачу подрядчикамъ, каменщикамъ и за поставленной камень и бутъ, за желѣзо и лѣсникамъ за лѣсъ и на дачу-жъ поденнымъ работникамъ и колодникамъ, которые посылаются для работы, и плотникамъ и кузнецамъ 11.449 рублей».

Починки его въ царствованіе Анны Ивановны и Елизаветы Петровны мало измѣнили прежнее расположеніе и палаты съ лавками; въ 1771 году старожилы припоминаютъ восемь каменныхъ столбовъ; между ними

---

* Описаніе Императорскаго столичнаго города Москвы. Спб. 1782, въ 8.

были клѣтки изъ деревянныхъ брусьевъ. Вѣроятно, онѣ сдѣланы вмѣсто обрушившихся или поврежденныхъ сводовъ. Но когда мостъ значительно потерпѣлъ поврежденіе въ 1783 г. отъ весенняго напора воды, которая оторвала отъ боковъ его камни: тогда высочайшимъ указомъ 1784 года, февраля 29, повелѣно его исправить. Для производства дѣлъ по этой постройкѣ былъ учрежденъ особый департаментъ * подъ вѣдомствомъ московскаго главнокомандующаго графа Чернышева. Инженеръ Герардъ не находилъ другаго средства къ прочному исправленію моста, какъ освидѣтельствовать его фундаментъ и отвести воду Москвы рѣки посредствомъ канала, а правый берегъ отъ канала до моста укрѣпить обрубами. За смертію графа Чернышева, планъ этотъ не приведенъ въ исполненіе. Нынѣ существующій отводный каналъ проведенъ графомъ Брюсомъ, преемникомъ графа Чернышева, которому Москва обязана своимъ устроеніемъ. Въ это время съ моста сняты деревянный помостъ и лавочки, ** перила сдѣланы изъ крѣпкаго бѣлаго камня, а быки обложены дикаремъ.

Новое наводненіе, случившееся отъ проливныхъ дождей въ 1786 году, августа 24, дало поводъ къ построенію Козмодемьяновскаго моста въ 1788 г. и къ передѣлкѣ Каменнаго, которая окончилась въ 1792 г.; тогда онъ поступилъ въ вѣдомство Казенной Палаты.

Едва минуло 16 лѣтъ, какъ въ 1804 г. мостъ потребовалъ новыхъ починокъ. По освидѣтельствованіи, архитекторы съ инженерами нашли въ немъ много поврежденій: модель его представили на разсмотрѣніе Ака-

* Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, т. VII. №№ [illegible].

** Статистическое описаніе Москвы, соч. *Г. Гастева*, ч. 1, М. 1841 г. стр. 8.

деміи Художествъ. На этотъ предметъ тогда ассигновано было 111,164 рубли. Работы начались въ 1809 году и окончились предъ 1812 годомъ. Но вскорѣ потомъ онѣ возобновились: треснувшіе своды исправлены, развалившіеся быки построены были изъ дикаго Татаров скаго камня.

Такимъ образомъ, при всѣхъ починкахъ и перестройкахъ, основа Каменнаго моста, соединяющаго улицы Лѣнивку со Всесвятскою, оставалась первобытною. Длиною отъ 70 и шириною 11 саженъ, былъ построенъ въ видѣ дуги на 6 аркахъ, но двѣ малыя арки закладены; къ нимъ примыкали съ восточной полукруглые, а съ западной угловатые упоры, или отводные быки изъ дикаго камня. Глубокій и твердый фундаментъ, прочная, добросовѣстная кладка и толстыя желѣзныя связи обезпечивали его существованіе.

Съ исторіею этого достопамятнаго зданія сближается воспоминаніе разныхъ событій и прежняго московскаго быта.

Съ самаго построенія сего моста, чрезъ него совершается ежегодно 19-го августа, изъ Успенскаго собора крестное хожденіе въ Донской монастырь, на память низложенія подъ Москвою полчищъ крымскаго хана Казы-Гирея 1591 года. До того, крестный ходъ слѣдовалъ черезъ Москворѣцкій мостъ. У Всесвятскаго моста въ 1695 году юный Петръ съ Преображенскимъ, Семеновскимъ и пятью Стрѣлецкими полками сѣлъ на струга и отправился въ Донской походъ. Когда же онъ праздновалъ въ Москвѣ 1696 года взятіе Азова, тогда имѣлъ торжественное шествіе изъ села Коломенскаго черезъ Каменный мостъ. При входѣ на него сооружены были великолѣпныя тріумфальныя ворота. На правой ихъ сторонѣ стояла

Марсова статуя на піедесталѣ съ мечемъ въ правой рукѣ, а въ лѣвой со щитомъ, на коемъ начертано: *Марсовою храбростію.* При подножіи римскаго божества повержены были татарскій мурза съ лукомъ и колчаномъ, и за нимъ два татарина съ надписью:

Прежде на степяхъ мы ратовались,
Нынѣ же отъ Москвы едва бѣгствомъ спасались.

На лѣвой сторонѣ Геркулесова статуя держала въ правой рукѣ палицу, а въ лѣвой зеленую вѣтвь съ надписью: *Геркулесовою крѣпостію.* У ногъ его лежалъ Азовскій паша въ чалмѣ и два турка въ цѣпяхъ съ надписью:

Ахъ! Азовъ мы потеряли,
И тѣмъ бѣдствъ себѣ достали.

По обѣимъ сторонамъ входа въ ворота висѣли богатыя, изъ золотой парчи, полости съ золотыми кистями, на одной изъ полостей изображено было крупными словами: *Побѣда Царя Константина надъ нечестивымъ Царемъ Максентіемъ Римскимъ;* на другой *Возвратъ съ побѣдою Царя Константина.* Внутреннія стѣны воротъ были обиты богатыми шелковыми обоями, на коихъ вытканы побѣды прежнихъ государей Россійскихъ и взятіе Казани царемъ Иваномъ Васильевичемъ. По своду воротъ въ трехъ мѣстахъ начертаны золотыми буквами слова Цесаря: *Пріидохъ, увидѣхъ, побѣдихъ.* Среди свода висѣлъ лавровый вѣнокъ. Ворота сіи увѣнчивались двуглавымъ орломъ подъ тремя коронами. На спущенномъ гзымзѣ, вокругъ воротъ представлены пушки и проходъ Фуркасовъ по Днѣпру къ Азову съ надписью: *Богъ съ нами, никто же на ны.* На спускѣ гзымза летящій Ангелъ съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной рукѣ, и съ

ФРАНЦЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛЕФОРТЪ.

зеленою вѣтвью въ другой выражалъ собою надпись: *Достоинъ дѣлатель мзды своея.*

По обѣимъ сторонамъ этой тріумфальной арки пирамиды, перевитыя зелеными вѣтвями, носили на себѣ надписи, одна: *Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ полевыхъ;* другая: *Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ морскихъ.* Отъ обѣихъ пирамидъ вдоль моста поставлены были огромныя живописныя картины, украшенныя, вмѣсто рамъ, лаврами. Онѣ представляли: то битву Русскихъ съ Татарами и приступъ къ Азову, то морское сраженіе галеръ и фуркасовъ подъ Азовомъ, то Нептуна съ трезубцомъ и весломъ, сидящаго на морскомъ чудовищѣ, съ надписью: *се и азъ поздравляю со взятьемъ Азова и вамъ покоряюсь.* Отъ такихъ картинъ по обѣ стороны перила моста обвѣшаны были драгоцѣнными персидскими коврами. Тогда этотъ мостъ представлялъ великолѣпнѣйшее, дотолѣ невиданное на Москвѣ, зрѣлище. Торжественное шествіе происходило 30-го сентября.

Черезъ тріумфальныя ворота и мостъ въ этой процессіи ѣхали въ богатыхъ каретахъ Думный дьякъ, учитель Петра 1, Никита Моүсеевичъ Зотовъ, въ предшествіи государевыхъ пѣвчихъ, потомъ бояринъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ и кравчій Кирилла Алексѣевичъ Нарышкинъ. Въ открытой тріумфальной колесницѣ, устроенной на подобіе морской раковины и окруженной Тритонами и Наядами, шествовалъ генералъ-адмиралъ Францъ Яковлевичъ Лефортъ въ бѣломъ нѣмецкомъ мундирѣ. Въ предносеніи морскаго флага, за нимъ слѣдовало около 3000 морскихъ служителей и матросовъ, далѣе длинные ряды каретъ и колясокъ; полки Преображенскій и Семеновскій, Турецкія знамена, влекомыя по землѣ солдатами, плѣнный мурза

Аталыкъ съ завязанными платкомъ руками и т. д. Здѣсь не увидите Петра I въ блестящей раззолоченной каретѣ, или на тріумфальной колесницѣ. Среди этого великолѣпія, онъ, пѣшій, въ простомъ офицерскомъ мундирѣ и въ шляпѣ, шелъ передъ своимъ Преображенскимъ полкомъ. Какъ скоро Адмиралъ подъѣхалъ къ тріумфальнымъ воротамъ, то съ нихъ возглашены были ему черезъ мѣдную трубу слѣдующіе стихи:

Генералъ-Адмиралъ, морскихъ всѣхъ силъ глава,
Пришелъ, узрѣлъ, побѣдилъ прегордаго врага,
Мужествомъ командора Турокъ вскорѣ пораженъ,
Премногихъ же оружій и запасовъ ея лишенъ,
Сраженіемъ жестокимъ бусурманы побѣжденны,
Корысти ихъ отбиты, корабли запаленны,
Оставшіяжь ся въ бѣгство ужасно устремиша,
Страхъ велій въ Азовѣ и всюду расшириша,
По сихъ ихъ сила многа на морѣ паки пріиде,
Но въ помощь въ градъ Азовъ отъ сихъ никто же вниде,
Сіе бо возбраниша морскихъ то воевъ сила,
И къ сдачѣ градъ Азовъ всю выю наклонила,
И тѣмъ взятьемь весело тя поздравляемъ
Труды же командора тріумфомъ прославляемъ.

За такимъ привѣтствіемъ послѣдовали выстрѣлы изъ четырехъ мѣдныхъ пушекъ, поставленныхъ у воротъ; по этому знаку загремѣла артиллерія на площади у Бархатнаго двора, заиграли трубы, забили барабаны, литавры и накры, раздался колокольный звонъ по всей Москвѣ. (*)

Такимъ торжествомъ здѣсь ознаменовалъ Петръ Великій одну изъ первыхъ своихъ побѣдъ и завоеваній, кои служили какъ бы мостомъ къ дальнѣйшимъ

(*) Дѣянія Петра Великаго, ч. I, изд. 2.

успѣхамъ его оружія на морѣ и на сушѣ. Послѣ блистательной побѣды подъ Кагуломъ и по заключеніи мира Кучукъ-Кайнарджскаго, Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій въ 1774 году имѣлъ торжественное шествіе черезъ Каменный мостъ.

Но здѣсь торжественныя и радостныя сцены иногда смѣнялись печальными и ужасными. Въ слѣдъ за тріумфомъ Азовскимъ въ 1696 году представилось поразительное зрѣлище. Тамъ на высокой телѣгѣ везли Нѣмчина Якушку, выписнаго инженера, который, при осадѣ Азова, заколотивъ пушки, передался туркамъ и обусурманился. Преступникъ, между двухъ палачей, стоялъ подъ висѣлицею, на перекладинѣ коей воткнуты были два топора и висѣли десять кнутовъ. Надъ головой его утвержденъ былъ турецкій гербъ полумѣсяцъ, а на груди мѣдная доска съ подписью: «сей злодѣй свою вѣру четырежды перемѣнилъ и измѣнникъ сталъ Богу и человѣкамъ, изъ каѳолика сталъ протестантъ, потомъ грекъ, наконецъ и магометанинъ». Еще утромъ января 10-го, 1775 года всѣ полыя мѣста около Каменнаго моста, ближнія башни, стѣны, кровли домовъ и самый мостъ покрыты были народомъ, который здѣсь ожидалъ чего-то чрезвычайнаго. Вдругъ изъ Всесвятскихъ воротъ медленно потянулись на мостъ запряженныя парою сани, съ высокимъ помостомъ въ видѣ эшафота, на которомъ стоялъ на колѣняхъ скованный мущина, среднихъ лѣтъ, смуглый лицемъ, съ быстрыми глазами, въ пестромъ халатѣ, въ рукѣ онъ держалъ горящую свѣчу; рядомъ съ нимъ палачъ съ топоромъ въ рукѣ, предъ нимъ сидѣлъ на скамьѣ священникъ. Преступникъ кланялся народу повторяя слова: *виноватъ передъ Богомъ и Государемъ! простите меня, православные!*

нами своими огромныя льдины, кои ударяясь въ дико-каменные быки моста, разбиваются на мелкія части.

Въ такомъ видѣ существовалъ Каменный мостъ до начала царствованія Императора Александра II. Самыя починки его такъ производились, какъ будто подготовляли его къ совершенному уничтоженію. Между тѣмъ выпадавшіе кирпичи изъ сводовъ въ аркахъ дали поводъ предполагать паденіе сводовъ и самый подъемъ его казался очень крутымъ, по своему отношенію къ прилежавшимъ къ нему уличнымъ мостовымъ. Наконецъ рѣшено было его сломать и, вмѣсто его, тамъ выстроить новый мостъ гораздо легче прежняго. Сколькихъ стоило усилій и иждивеній, чтобы сломать этотъ двухъ-вѣковый памятникъ! Самою трудностью сломки доказывалась прочность его кладки и доброта матеріала, изъ коего только одной части достаточно было на постройку огромнаго дома. Московскіе жители съ любопытствомъ и съ сожалѣніемъ сбирались смотрѣть на разрушеніе этого моста, который долго почитаемъ былъ одною изъ диковинокъ не только древней столицы нашей, но вообще и всей Россіи. Мѣстность его обратилась въ урочище.

Новый мостъ сооруженъ на трехъ чугунныхъ аркахъ и на двухъ каменныхъ быкахъ, съ чугунными перилами. Мостовая на немъ изъ лафетныхъ досокъ. Строителемъ его былъ инженеръ-полковникъ Танненбергъ.

По окончаніи этого зданія къ 1859 году, оно освящено и открытъ по оному проѣздъ.

Дозволено Цензурой. Москва, 1865 г. 20 Января.

Марсова статуя на піедесталѣ съ мечемъ въ правой рукѣ, а въ лѣвой со щитомъ, на коемъ начертано: *Марсовою храбростію*. При подножіи римскаго божества повержены были татарскій мурза съ лукомъ и колчаномъ, и за нимъ два татарина съ надписью:

Прежде на степяхъ мы ратовались,
Нынѣ же отъ Москвы едва бѣгствомъ спасались.

На лѣвой сторонѣ Геркулесова статуя держала въ правой рукѣ палицу, а въ лѣвой зеленую вѣтвь съ надписью: *Геркулесовою крѣпостію*. У ногъ его лежалъ Азовскій паша въ чалмѣ и два турка въ цѣпяхъ съ надписью:

Ахъ! Азовъ мы потеряли,
И тѣмъ бѣдствъ себѣ достали.

По обѣимъ сторонамъ входа въ ворота висѣли богатыя, изъ золотой парчи, полости съ золотыми кистями, на одной изъ полостей изображено было крупными словами: *Побѣда Царя Константина надъ нечестивымъ Царемъ Максентіемъ Римскимъ*; на другой *Возвратъ съ побѣдою Царя Константина*. Внутреннія стѣны воротъ были обиты богатыми шелковыми обоями, на коихъ вытканы побѣды прежнихъ государей Россійскихъ и взятіе Казани царемъ Иваномъ Васильевичемъ. По своду воротъ въ трехъ мѣстахъ начертаны золотыми буквами слова Цесаря: *Пріидохъ, увидѣхъ, побѣдихъ*. Среди свода висѣлъ лавровый вѣнокъ. Ворота сіи увѣнчивались двуглавымъ орломъ подъ тремя коронами. На спущенномъ гзымзѣ, вокругъ воротъ представлены пушки и проходъ фуркасовъ по Днѣпру къ Азову съ надписью: *Богъ съ нами, никто же на ны*. На спускѣ гзымза летящій Ангелъ съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной рукѣ, и съ

ФРАНЦЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛЕФОРТЪ.

зеленою вѣтвью въ другой выражалъ собою надпись: *Достоинъ дѣлатель мзды своея.*

По обѣимъ сторонамъ этой тріумфальной арки пирамиды, перевитыя зелеными вѣтвями, носили на себѣ надписи, одна: *Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ полевыхъ;* другая: *Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ морскихъ.* Отъ обѣихъ пирамидъ вдоль моста поставлены были огромныя живописныя картины, украшенныя, вмѣсто рамъ, лаврами. Онѣ представляли: то битву Русскихъ съ Татарами и приступъ къ Азову, то морское сраженіе галеръ и фуркасовъ подъ Азовомъ, то Нептуна съ трезубцомъ и весломъ, сидящаго на морскомъ чудовищѣ, съ надписью: *се и азъ поздравляю со взятьемъ Азова и вамъ покоряюсь.* Отъ такихъ картинъ по обѣ стороны перила моста обвѣшаны были драгоцѣнными персидскими коврами. Тогда этотъ мостъ представлялъ великолѣпнѣйшее, дотолѣ невиданное на Москвѣ, зрѣлище. Торжественное шествіе происходило 30-го сентября.

Черезъ тріумфальныя ворота и мостъ въ этой процессіи ѣхали въ богатыхъ каретахъ Думный дьякъ, учитель Петра 1, Никита Моусеевичъ Зотовъ, въ предшествіи государевыхъ пѣвчихъ, потомъ бояринъ Өедоръ Алексѣевичъ Головинъ и кравчій Кирилла Алексѣевичъ Нарышкинъ. Въ открытой тріумфальной колесницѣ, устроенной на подобіе морской раковины и окруженной Тритонами и Наядами, шествовалъ генералъ-адмиралъ Францъ Яковлевичъ Лефортъ въ бѣломъ нѣмецкомъ мундирѣ. Въ преднесеніи морскаго флага, за нимъ слѣдовало около 3000 морскихъ служителей и матросовъ, далѣе длинные ряды каретъ и колясокъ; полки Преображенскій и Семеновскій, Турецкія знамена, влекомыя по землѣ солдатами, плѣнный мурза

Аталыкъ съ завязанными платкомъ руками и т. д. Здѣсь не увидите Петра I въ блестящей раззолоченной каретѣ, или на тріумфальной колесницѣ. Среди этого великолѣпія, онъ, пѣшій, въ простомъ офицерскомъ мундирѣ и въ шляпѣ, шелъ передъ своимъ Преображенскимъ полкомъ. Какъ скоро Адмиралъ подъѣхалъ къ тріумфальнымъ воротамъ, то съ нихъ возглашены были ему черезъ мѣдную трубу слѣдующіе стихи:

Генералъ-Адмиралъ, морскихъ всѣхъ силъ глава,
Пришелъ, узрѣлъ, побѣдилъ прегордаго врага,
Мужествомъ командора Турокъ вскорѣ пораженъ,
Премногихъ же оружій и запасовъ ея лишенъ,
Сраженіемъ жестокимъ бусурманы побѣжденны,
Корысти ихъ отбиты, корабли запаленны,
Оставшіяжь ся въ бѣгство ужасно устремиша,
Страхъ велій въ Азовѣ и всюду разшириша,
По сихъ ихъ сила многа на морѣ паки пріиде,
Но въ помощь въ градъ Азовъ отъ сихъ никто же вниде,
Сіе бо возбраниша морскихъ то воевъ сила,
И къ сдачѣ градъ Азовъ всю выю наклонила,
И тѣмъ взятьемъ весело тя поздравляемъ
Труды же командора тріумфомъ прославляемъ.

За такимъ привѣтствіемъ послѣдовали выстрѣлы изъ четырехъ мѣдныхъ пушекъ, поставленныхъ у воротъ; по этому знаку загремѣла артиллерія на площади у Бархатнаго двора, заиграли трубы, забили барабаны, литавры и накры, раздался колокольный звонъ по всей Москвѣ. (*)

Такимъ торжествомъ здѣсь ознаменовалъ Петръ Великій одну изъ первыхъ своихъ побѣдъ и завоеваній, кои служили какъ бы мостомъ къ дальнѣйшимъ

(*) Дѣянія Петра Великаго, ч. I, изд. 2.

успѣхамъ его оружія на морѣ и на сушѣ. Послѣ блистательной побѣды подъ Кагуломъ и по заключеніи мира Кучукъ-Кайнарджскаго, Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій въ 1774 году имѣлъ торжественное шествіе черезъ Каменный мостъ.

Но здѣсь торжественныя и радостныя сцены иногда смѣнялись печальными и ужасными. Въ слѣдъ за тріумфомъ Азовскимъ въ 1696 году представилось поразительное зрѣлище. Тамъ на высокой телѣгѣ везли Нѣмчина Якушку, выписнаго инженера, который, при осадѣ Азова, заколотивъ пушки, передался туркамъ и обусурманился. Преступникъ, между двухъ палачей, стоялъ подъ висѣлицею, на перекладинѣ коей воткнуты были два топора и висѣли десять кнутовъ. Надъ головой его утвержденъ былъ турецкій гербъ полумѣсяцъ, а на груди мѣдная доска съ подписью: «сей злодѣй свою вѣру четырежды перемѣнилъ и измѣнникъ сталъ Богу и человѣкамъ, изъ каѳолика сталъ протестантъ, потомъ грекъ, наконецъ и магометанинъ». Еще утромъ января 10-го, 1775 года всѣ полыя мѣста около Каменнаго моста, ближнія башни, стѣны, кровли домовъ и самый мостъ покрыты были народомъ, который здѣсь ожидалъ чего-то чрезвычайнаго. Вдругъ изъ Всесвятскихъ воротъ медленно потянулись на мостъ запряженныя парою сани, съ высокимъ помостомъ въ видѣ эшафота, на которомъ стоялъ на колѣняхъ скованный мущина, среднихъ лѣтъ, смуглый лицемъ, съ быстрыми глазами, въ пестромъ халатѣ, въ рукѣ онъ держалъ горящую свѣчу; рядомъ съ нимъ палачъ съ топоромъ въ рукѣ, предъ нимъ сидѣлъ на скамьѣ священникъ. Преступникъ кланялся народу повторяя слова: *виноватъ передъ Богомъ и Государемъ! простите меня, православные!*

Лишь только его завидѣли, какъ изъ толпы раздались голоса: «Богъ тебѣ судья, злодѣй; ты убилъ моего отца, ты погубилъ моего мужа, ты замучилъ моего сына»! Сильный конвой съ обнаженными палашами и заряженными ружьями окружалъ этотъ поѣздъ. За ними слѣдовали сообщники злодѣя въ цѣпяхъ и палачи съ топорами, кнутами и веревками. На мѣстѣ казни, на болотѣ приготовлены были плахи, висѣлицы и станки съ колесами для четвертованія. Такъ этотъ извергъ, дерзнувшій присвоить себѣ титло Императора Петра III, мучительски умертвилъ въ одинъ годъ до 700 дворянъ обоего пола; 135 разночинцевъ, 53 священника, 86 діаконовъ и причетниковъ, 35 купцевъ, 167 дворовыхъ людей и 108 крестьянъ * за то, что они не признавали его своимъ Государемъ и вѣрны были присягѣ законной своей Императрицѣ.

Въ прежнемъ бытѣ древней столицы Каменный мостъ представлялъ совсѣмъ другое зрѣлище, нежели какъ нынѣ. Подобно Спасскому и другимъ мостамъ, онъ служилъ путемъ не только для проѣзжихъ и прохожихъ, но и насущнымъ пристанищемъ для нищихъ, калекъ, леженокъ, пѣвцовъ Лазаря, мелочныхъ торговцевъ, сводчиковъ и вообще гулящихъ людей, какихъ бывало множество въ древней столицѣ. Здѣсь мытники сбирали съ возовъ мостовщину, какая взималась и на другихъ мостахъ. Еще въ царствованіе Елисаветы Петровны, черезъ него водили изъ Сыскнаго приказа *языковъ*, которые оговаривали встрѣчныхъ и поперечныхъ; тамъ же колодники въ деревянныхъ колодкахъ, желѣзныхъ кандалахъ и съ рогаткой

---

* Словарь Достопамятныхъ людей Русской земли, состав. Д. *Бантышъ-Каменскимъ*, ч. IV. М. 1836, въ 8.

на шеѣ выпрашивали себѣ милостыню у прохожихъ жалобнымъ напѣвомъ: «будьте жалостливы и милостивы къ бѣднымъ, заключеннымъ Хріста ради»! Подъ девятою клѣткою моста бывало сборище воровъ и разбойниковъ, которые здѣсь грабили и убивали; случалось, какъ видно изъ дѣлъ Сыскнаго приказа, ограбленныхъ они бросали въ рѣку: это значило на ихъ языкѣ: *концы въ воду*. Такихъ подмостныхъ промышленниковъ называли въ Москвѣ: *изъ-подъ девятой клѣтки*. Ихъ бытъ описанъ въ исторіи Ваньки Каина. * Этотъ мостъ иногда служилъ Левкадскимъ мысомъ для отчаянныхъ, или сумасшедшихъ.

Старожилы, заставшіе первое десятилѣтіе царствованія Екатерины II, еще помнили словоохотнаго слѣпца, который не только торговалъ на мосту замками и ключами, но и вмѣстѣ былъ слесаремъ. Замѣчая, что у него кто-то таскаетъ изъ бурака мѣдныя деньги, онъ вздумалъ въ дверяхъ лавки приладить мертвую петлю. Ночью попался въ нее воръ; усиливаясь освободиться изъ нее, онъ затянулъ петлю и удавился. Слѣпой хотѣлъ было бросить трупъ въ рѣку; потащилъ его, но встрѣтившійся съ нимъ дозоръ обнаружилъ преступленіе, которое и наказано было потомъ на самомъ мѣстѣ. Событіе это дало поводъ московской притчѣ: *слѣпой зрячаго удавилъ*.

Въ весеннее разлитіе рѣки Каменный мостъ превращается въ гульбище; толпы москвичей сбираются сюда смотрѣть, какъ тихая ихъ рѣка превращается въ бурный, стремительный потокъ, влекущій съ шумомъ вол-

---

* Обстоятельныя и вѣрныя исторіи россійскаго славнаго вора, разбойника и бывшаго московскаго сыщика Ваньки Каина, изд. 2 М. 1788, въ 8.

нами своими огромныя льдины, кои ударяясь въ дико-каменные быки моста, разбиваются на мелкія части.

Въ такомъ видѣ существовалъ Каменный мостъ до начала царствованія Императора Александра II. Самыя починки его такъ производились, какъ будто подготовляли его къ совершенному уничтоженію. Между тѣмъ выпадавшіе кирпичи изъ сводовъ въ аркахъ дали поводъ предполагать паденіе сводовъ и самый подъемъ его казался очень крутымъ, по своему отношенію къ прилежавшимъ къ нему уличнымъ мостовымъ. Наконецъ рѣшено было его сломать и, вмѣсто его, тамъ выстроить новый мостъ гораздо легче прежняго. Сколькихъ стоило усилій и иждивеній, чтобы сломать этотъ двухъ-вѣковый памятникъ! Самою трудностью сломки доказывалась прочность его кладки и доброта матеріала, изъ коего только одной части достаточно было на постройку огромнаго дома. Московскіе жители съ любопытствомъ и съ сожалѣніемъ сбирались смотрѣть на разрушеніе этого моста, который долго почитаемъ былъ одною изъ диковинокъ не только древней столицы нашей, но вообще и всей Россіи. Мѣстность его обратилась въ урочище.

Новый мостъ сооруженъ на трехъ чугунныхъ аркахъ и на двухъ каменныхъ быкахъ, съ чугунными перилами. Мостовая на немъ изъ лафетныхъ досокъ. Строителемъ его былъ инженеръ полковникъ Танненбергъ.

По окончаніи этого зданія къ 1859 году, оно освящено и открытъ по оному проѣздъ.

Дозволено Цензурой. Москва, 1865 г. 20 Января.

МИТРОПОЛІТЪ СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ.

РЯЗАНСКОЕ СТАРОЕ ПОДВОРЬЕ,

что нынѣ домъ московской духовной консисторіи.

Въ Бѣломъ городѣ, въ главѣ Мясницкой улицы, на углу, между двумя приходскими церквами Гребневскія Божіей Матери и св. Іоанна Предтечи, увидите дворъ съ четырьмя каменными зданіями; среди его трехъ-этажный корпусъ, а съ лѣвой стороны двухъ-этажный флигель, примыкающій къ двумъ двухъ-этажнымъ палатамъ, выступающимъ своимъ фасадомъ на Лубянскую площадь. Архитектура ихъ XVII вѣка.

Этотъ дворъ, обнесенный съ южной стороны каменною оградой, хотя измѣненный передѣлками и получившій новое назначеніе, имѣетъ видъ монастырскаго, или архіерейскаго подворья, какимъ нѣкогда дѣйствительно и былъ. Не столько замѣчателенъ онъ по древности и по зодчеству своихъ зданій, сколько достопамятенъ своей исторіей. Въ теченіе двухъ вѣковъ принималъ онъ различное значеніе, переходилъ отъ одного вѣдомства къ другому, былъ свидѣтелемъ многихъ событій, болѣе или менѣе важныхъ: первоначально это Архіерейское подворье, потомъ Инвалидный домъ и пріютъ умалишенныхъ, за тѣмъ Тайная экспедиція розыскныхъ дѣлъ, послѣ Горное правленіе, Никольскія казармы и Библейское общество, наконецъ

Духовная консисторія. Отъ различнаго назначенія этотъ дворъ въ городскомъ быту получалъ различныя названія, такъ что первоначальное его значеніе наконецъ предано забвенію и теперь немногіе знаютъ, что онъ нѣкогда былъ подворьемъ Рязанскихъ духовныхъ владыкъ и мѣстопребываніемъ блюстителя патріаршаго престола, славнаго въ свое время богослова—полемика, митрополіта Рязанскаго Стефана Яворскаго.

Зависимость эпархіальныхъ архіереевъ отъ всероссійскаго митрополіта и потомъ отъ патріарха призывала въ Москву по дѣламъ церковнымъ нетолько настоятелей знатнѣйшихъ монастырей и духовныхъ лицъ, но и самихъ владыкъ.* Сверхъ того, хозяйственныя и административныя дѣла эпархій требовали постояннаго присутствія въ древней столицѣ повѣренныхъ отъ эпархіальныхъ архіереевъ и монастырей. Все это было поводомъ къ устроенію тамъ *осадныхъ дворовъ*, или архіерейскихъ и монастырскихъ подворьевъ, по старинному, *дворищъ*, гдѣ останавливались иногородные іерархи и настоятели монастырей, пріѣзжавшіе въ Москву по своимъ дѣламъ и гдѣ имѣли постоянное пребываніе стряпчіе и пищики. Въ домовой конторѣ тамъ хранились крѣпости, правыя грамоты и обыски, мѣновныя, поступныя, данныя, вкладныя, выкупныя, отказныя, отводныя, разъѣзжія, отдѣльныя, ввозныя, поручныя, записки платежныя, росписки, наказы монастырскимъ прикащикамъ и т. д. Монастырскій стряпчій приставляемъ былъ къ подворью за поруками, которые ручались въ томъ, «чтобы жити ему въ Москвѣ на Московскомъ подворьѣ въ стряпчихъ, ходить за

---

* Исторія Русской Церкви, соч. Преосв. *Філарета Гумилевскаго*, періодъ 3. М. 1847 г. стр. 28 и 29.

всякими монастырскими дѣлами и монастырю радѣть и прибыли искать во всемъ неоплошно, а которыя монастырскія крѣпости будутъ у него, и ему тѣ крѣпости беречь и никому не отдавать, и монастырю и монастырскимъ ихъ крестьянамъ убытка никакого не учинить; живучи, отъ монастыря не отойтить и ни за кого не заложиться; архимандріта, келаря, казначея, или кто по нихъ въ монастырѣ иныя власти и братія будутъ, ему во всемъ слушать и почитать». Кромѣ того, еще ручались за стряпчаго въ томъ, что онъ «не будетъ никакимъ худымъ дѣломъ промышлять и надъ монастырскими крестьянами и надъ крѣпостьми никакія хитрости не учинитъ, не станетъ пить и бражничать, съ воровскими людьми не знаться, пріѣзду воровскимъ людямъ не держать, а прежнія дѣла очищать, кто за дѣлы ходилъ, и безъ докладу властелинскаго въ судъ ему не ходить и сдѣлки ни съ кѣмъ не чинить. * Изъ этого видно, какъ важна была должность стряпчаго и какъ велика его отвѣтственность! За службу свою онъ получалъ отъ архіерейскаго дома, или монастыря денежное и кормовое жалованье. Канцелярію домовую стряпчаго составляли пищики, т. е. писари. Кромѣ того, на подворьяхъ ставились за поруками дворники, подчиненные стряпчему: они обязаны были «стеречь и беречь монастырскій дворъ накрѣпко, заборовъ и огороды не обжечь и ни чѣмъ не опустошить, виномъ и табакомъ не торговать, зернью и карты не играть, корчмы, стану и пріѣзду воровскимъ людемъ не держать и съ воровскими людьми не знаться, воровскою рухлядью не промышлять и никакимъ воровствомъ не воровать, никакого въ

* Акты юридическіе, № 333.

монастырѣ убытку не учинить. * За неустойку и за всякое дурно стряпчаго и дворника съ поручиковъ взыскивалась пеня.

Къ такимъ-то подворьямъ принадлежало Рязанское архіерейское, что нынѣ домъ Московской Духовной консисторіи. До построенія Бѣлаго, и Царева города, въ концѣ XVI вѣка, на этомъ мѣстѣ стоялъ боръ и отъ этого урочище церкви Гребневскія Божіей Матери, сосѣдственной съ подворьемъ Рязанскимъ, слыло *подъ боромъ*. Намъ неизвѣстно, когда оно основано; но, вѣроятно, начало его отнести надобно къ тому времени, когда Рязанское княжество присоединилось къ московскому государству и когда Рязанцы поцѣловали крестъ государю своему, великому князю Василію Ивановичу. ** Хотя сношенія Рязани съ Москвою по дѣламъ духовнымъ еще прежде того бывали, и Рязанскіе епископы являлись въ Москву на соборы, *** но съ того времени они сдѣлались ближе, Рязанскіе владыки чаще ѣзжали въ Москву къ всероссійскому митрополиту и патріарху, утверждали своею подписью поручныя записи бояръ въ вѣрной и усердной службѣ государю московскому. ****

Въ историческихъ актахъ появляется Рязанскій архіерейскій домъ 1634 года, когда въ пожарѣ тамъ сгорѣли дѣла по архіепископскимъ домовымъ вотчинамъ*****. Для возобновленія утраченныхъ крѣпостныхъ актовъ, посланъ былъ изъ Рязани въ Москву приказный чело-

---

* Тамъ же № 350.
** Тамъ же № 328.
*** Исторія Росс. іерархіи. II, 1079.
**** Собраніе государ. грамотъ, I, № 189.
***** Извѣстія Императорскаго Археологическаго общества, Спб. 1861 г. т. II, вып. 5 и 6.

вѣкъ Акимъ Грибоѣдовъ, Изъ этого можно заключить, что гораздо прежде существовало это подворье, на которомъ до пожара останавливались архіепископъ Рязанскій Антоній, іеромонахи, приказные его люди и домовыя боярскія дѣти. По этому вѣроятно, что Рязанское подворье существовало въ началѣ XVII вѣка и что съ него перешелъ въ Патріаршія палаты Рязанскій архіепископъ Игнатій, въ послѣдствіи лжепатріархъ Московскій, вѣнчавшій на царство Лжедимитрія. Прежде строеніе на немъ было деревянное; о времени сооруженія каменныхъ палатъ свидѣтельствуетъ намъ слѣдующая надпись, высѣченная на каменной плитѣ длин. 1 ар. 8 вер., шир. 14 вер. въ нижнемъ ярусѣ трехъ-этажнаго надворнаго корпуса: «Лѣта 7162 (1654) мая въ 8 день, по благословенію смиреннаго Мисаила, архиепископа Резанскаго і Муромского, начаты строитися каменные архиепископли нижния двѣ кѣліи, да братцкая кѣлья, да середнія сѣни, да заднія четверы сѣни, в четвертое лѣта владычества его, а совершены того же лѣта іюля въ 1-й день, домовою казною».

Это строеніе, уцѣлѣвшее до нашихъ дней, вызываетъ воспоминаніе о самомъ строителѣ, вписавшемъ имя свое въ исторію отечественной Церкви не однимъ сооруженіемъ каменныхъ палатъ на своемъ подворьѣ, но и подвигами апостольской ревности о распространеніи православной вѣры въ его области. Въ 1651 году изъ іеромонаховъ Новгородскаго Деревеницкаго монастыря, хиротонисанный патріархомъ Никономъ въ архіепіскопа Рязанскаго, * Мисаилъ возревновалъ, съ благословенія рукоположителя своего, вступить на опасный

* Исторія Русской Церкви, соч. преосв. *Філарета Гумилевскаго.* періодъ 3. М. 1847 г.

подвигъ миссіонерства въ своей эпархіи; въ Касимовѣ, Шацкѣ и Тамбовѣ тогда находилось много иновѣрцевъ между татарами и мордвою. Апостольская его ревность по вѣрѣ благословлена была успѣхомъ; въ тѣхъ мѣстахъ онъ окрестилъ до 4200 человѣкъ съ женами и дѣтьми. Въ предпослѣдній годъ своей жизни, какъ строилась палата на Рязанскомъ подворьѣ, онъ испросилъ себѣ благословеніе у патріарха отправиться въ предѣлы своего владычества для проповѣди Слова Божія между язычниками. Переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, Мисаилъ убѣждалъ иновѣрцевъ оставить лжевѣріе и обратиться къ истинной вѣрѣ. Въ одномъ селѣ крещено имъ 315 человѣкъ мордвы. Но упорные воспротивились въ селѣ Конобѣевѣ, близь Шацка. Туда явился ревностный пастырь, въ святительскомъ одѣяніи, съ крестомъ въ рукѣ; они встрѣтили его съ враждебнымъ духомъ; пронзенный ихъ стрѣлами, онъ палъ мученикомъ за св. вѣру. Это случилось въ 1655 году. Мисаилъ погребенъ въ Рязанскомъ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ хранится его мантія, пробитая въ нѣсколькихъ мѣстахъ стрѣлами и обагренная его кровью.

Намъ заподлинно не извѣстно продолжалось ли и окончилось ли начатое Мисаиломъ строеніе на Рязанскомъ подворьѣ при преемникахъ сего священномученика, митрополітахъ Рязанскихъ и Зарайскихъ Иларіонѣ, Іосифѣ, Павлѣ и Аврааміи. Но вѣроятно, что знаменитый ревнитель и поборникъ православія Стефанъ Яворскій, въ теченіи 22-лѣтняго правленія Рязанскою паствою, продолжалъ и довершилъ начатое Мисаиломъ; по преданію, при немъ строены двѣ двухъэтажныя палаты, выступающія на Лубянскую площадь.

Съ 1702 по 1721 годъ, до учрежденія св. Сѵнода, Стефанъ, какъ викарій и блюститель патріаршаго пре-

стола, завѣдывая его дѣлами, нѣсколько лѣтъ пребывалъ на этомъ подворьѣ; тамъ его посѣщалъ другъ его и сотрудникъ, Святитель Димитрій Ростовскій; тамъ онъ свѣрялъ исправленіе Словенской Библіи для изданія, съ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, Софроніемъ Лихудомъ и другими учеными того времени; тамъ сочинялъ извѣстную книгу свою Камень вѣры противъ изступленныхъ Калвинистовъ между Русскими и другія полемическія сочиненія. Хотя Стефанъ и навѣщалъ свою эпархію и являлся въ новую столицу для управленія духовными дѣлами и для проповѣдыванія Слова Божія; но любимымъ его мѣстопребываніемъ было Рязанское подворье въ Москвѣ. По учрежденіи въ С.-Петербургѣ 1721 г. св. Сѵнода, въ которомъ онъ былъ первымъ президентомъ, онъ оттуда возвратился въ свое Московское подворье уже больной и тамъ окончилъ многотрудную жизнь свою 1722 года ноября 27-го;* тѣло его отпѣто въ приходской церкви Гребневскія Божіей Матери.**

Но, какъ мы увидимъ далѣе, это подворье получало разныя назначенія, между прочимъ, по указу царя Ѳеодора Алексѣевича, въ 1677 году сентября 29-го, тамъ учрежденъ былъ госпиталь для раненыхъ подъ Чигириномъ. ***

Послѣ кончины Стефана Яворскаго, это архіерейское подворье показано въ духовныхъ книгахъ за домомъ его преемника, архіепіскопа Алексія; въ 1742 году состояло въ приходѣ церкви Гребневскія Божіей Матери; **** потомъ поступило въ приходъ церкви св. Іоанна Предтечи, гдѣ и донынѣ находится. На этомъ

---

* Словарь историч. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской Церкви *М. Евгенія.* изд. 2. Спб. 1827, въ 8.

** Въ полномъ собраніи законовъ. т. IV, стр. 32, 39.

*** Журналъ мин. нар. просв. ноябрь. 1842 г. стр. 2.

**** Книга по I командѣ, состав. капитаномъ Бражниковымъ, въ 1742 году, наход. въ архивѣ IV Округа путей сообщ. и публ. зданій.

дворѣ до 1783 года стояла у южныхъ воротъ каменная церковь съ двумя престолами: въ честь Св. Троицы и во имя св. Архангела Михаила; она уже значится въ книгѣ первой ревизіи 1722 года; тогда служили въ ней Грузинскаго царя бѣлые священники.

Въ исповѣдныхъ книгахъ 1760 г. показанъ на Рязанскомъ подворьѣ только стряпчій и дворникъ съ семействами. *

Но съ 1774 по 1801 годъ назначеніе Рязанскаго подворья перемѣнилось; это мирное пристанище приняло грозный и мрачный видъ: тамъ тогда помѣщена Тайная экспедиція, образованная изъ Тайной канцеляріи розыскныхъ тайныхъ дѣлъ, гдѣ производились секретныя слѣдствія по доносамъ и уликамъ особенно въ оскорбленіи Величества, въ дѣланіи фальшивой монеты и въ нарушеніи общаго порядка; также обсуживались дерзкія и даже двусмысленныя слова на счетъ правительственныхъ лицъ и административныхъ мѣръ, хотя бы сказанныя въ нетрезвомъ видѣ. Слѣдственныя дѣла Тайной экспедиціи содержались въ великой тайности. Тамъ находилась судная и канцелярская палаты, гдѣ розыски производились обыкновенно ночью. Начальникомъ ея былъ въ генеральскомъ чинѣ Степанъ Ивановичъ Шишковскій, правителемъ дѣлъ статскій совѣтникъ Алексѣй Михайловичъ Черединъ, о которыхъ скажемъ впослѣдствіи. Въ секретныхъ казенкахъ и каменныхъ мѣшкахъ ** содержались приводные люди-подсудимые, къ которымъ не допускали ни родныхъ, ни знакомыхъ. Если оговоренные, или обличенные въ какомъ-либо преступленіи, подлежащемъ изслѣдованію Тайной экспе-

* Въ архивѣ Московской Духовной консисторіи.

** Родъ печуръ въ стѣнахъ съ желѣзными дверями, гдѣ нельзя ни сѣсть, ни лечь.

диціи, ссылались на свидѣтелей, или сообщниковъ; то при допросахъ сводили тѣхъ и другихъ на очную ставку, или, какъ говорится, ставили *на одну доску*. Для увѣщанія, съ одной стороны, предъ ними были Крестъ, Евангеліе и священникъ, а съ другой для устрашенія, или истязанія упорныхъ, палачь, розги, плети и кошки. Хотя Екатерина II въ Наказѣ своемъ охуждала пытку и указами своими 1763 и 1768 годовъ повелѣла замѣнять увѣщаніемъ ученыхъ священниковъ и производить ее не прежде, какъ когда съ увѣщанія преступники не признаются; но пристрастный допросъ въ стѣнахъ Тайной экспедиціи почитался необходимымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Увѣщателемъ при этой экспедиціи съ 1774 года былъ настоятель приходской ея церкви протоіерей Іоаннъ Стефановъ.

Здѣсь производилось строжайшее слѣдствіе надъ сообщниками ложнаго Петра III Емельки Пугачева, которые содержались въ казематахъ этого тайнаго судилища; ихъ сводили на очную ставку съ Пугачевымъ. Когда, при началѣ Французской революціи, возведено было подозрѣніе на общество Мартинистовъ, которыхъ смѣшивали съ Иллюминатами, тогда главный участникъ въ немъ, типографщикъ Новиковъ содержался нѣсколько времени и допрашиваемъ былъ въ этой экспедиціи. Это случилось въ 1792 году. Домъ, типографія и книжная лавка Новикова занимали мѣсто на Лубянской площади тамъ, гдѣ нынѣ домъ Человѣколюбиваго общества, прежній Шипова.

Во время слѣдствія домъ Новикова былъ наполненъ солдатами, типографія и книжный магазинъ запечатаны, * многія, изданныя въ ней книги, показавшіяся сомнительными, сожжены.

---

* Записки И. В. Лопухина въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древн. Рос. 1860 г. апрѣль и іюнь.

Въ 1796 году найдено необходимымъ опредѣлить сюда доктора, безъ сомнѣнія, для медицинскаго пособія допрашиваемымъ особамъ обоего пола. Въ царствованіе Павла I Тайная экспедиція, отданная въ вѣдомство генералъ-прокурора, продолжала свои дѣйствія, только со многими ограниченіями. Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, Павелъ I повелѣлъ освободить всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по Тайной экспедиціи, кромѣ повредившихся въ умѣ, которыхъ приказалъ покоить и лечить, и по излеченіи «освободить.» Ежели какіе и поступали туда арестанты, то приняты были мѣры къ спокойнѣйшему ихъ содержанію; имъ уже не забивали ноги въ колодки, не сажали на стѣнную, не налагали цѣпей, не клали въ ротъ кляпа, который вынимали только тогда, когда давалась пища.

Наконецъ, въ самомъ началѣ царствованія Александра I-го страшная Тайная экспедиція уничтожена, секретныя дѣла ея сданы въ Сенатскій архивъ старыхъ дѣлъ, дѣла по Государственнымъ преступленіямъ переданы въ вѣдомство обыкновенныхъ присутственныхъ мѣстъ. Указомъ 1802 года повелѣно доставить въ Сенатъ отъ гражданскаго губернатора списки о сумасшедшихъ, прикосновенныхъ къ слѣдствіямъ. Такъ называемые каменные мѣшки обращены въ шкафы для поклажи посуды, глубокіе подвалы подъ средними палатами, гдѣ по нѣскольку лѣтъ томились въ оковахъ взятые по оговору, или подозрѣнію, употреблены на предметы домашняго обихода; пыточныя орудія истреблены. Самый домъ принялъ другой видъ и другое значеніе въ городской жизни, и Московскіе жители уже безъ страха проходили и проѣзжали мимо его желѣзныхъ воротъ; но до 1802 г. здѣсь еще жили Черединъ, сенатскіе сторожа и солдаты, какъ зна-

чится въ духовныхъ книгахъ консисторскаго архива.

Пользуясь свидѣтельствами современниковъ Тайной экспедиціи, заключимъ обозрѣніе ея дѣйствій чертами характера Шишковскаго и нѣкоторыми случаями, которые обнаруживаютъ духъ того времени.

Стефанъ Ивановичъ Шишковскій, по описанію его современниковъ, старожиловъ московскихъ, былъ роста небольшаго, но плотный; въ острыхъ глазахъ его отсвѣчивалась проницательность, на губахъ мелькала полуулыбка. Въ обхожденіи онъ былъ веселъ и шутливъ, особливо съ дамами, такъ что никакъ нельзя подозрѣвать въ немъ инквизитора. При допросахъ пристрастныхъ, онъ не обнаруживалъ нетерпѣливости и запальчивости; даже въ щекотливыхъ случаяхъ, какъ искушенный многими опытами, обыкновенно сохранялъ ненарушимое хладнокровіе, и въ продолженіе самаго дѣйствія читывалъ акаѳистъ Іисусу сладчайшему и Божіей Матери, прерывая только набожное свое чтеніе вопросами, или увѣщаніями испытуемымъ, совѣтами исполнителямъ его приказаній; къ просьбамъ и воплямъ онъ былъ крѣпокъ на ухо. Только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, самъ съ золотою табакеркой въ рукѣ, обращался къ лицу допрашиваемаго, не смотря ни на какую личность.

Одно появленіе его въ какомъ либо, хотя и знакомомъ ему домѣ, наводило страхъ на хозяевъ и гостей: мущины блѣднѣли, женщины падали въ обморокъ. Всякой трепеталъ, не сказалъ ли онъ когда и гдѣ либо какого неосторожнаго слова, или по злобѣ не донесъ ли кто на него и не за нимъ ли пріѣхалъ Степанъ Ивановичъ. Вздумалось ему однажды въ Москвѣ съ пирушки завернуть къ одному старинному пріятелю,

купцу; его сопровождалъ Черединъ. Время было уже за-полночь. Въ домѣ у купца всѣ спали. Лакей насилу достучался у воротъ. На стукъ вышедшій полусонный дворникъ отперъ калитку и доложилъ, что хозяева спятъ и онъ не смѣетъ ихъ разбудить. «Ступай,» крикнулъ Степанъ Ивановичъ, «разбуди своего хозяина и скажи, что пріѣхалъ Шишковскій». При этомъ роковомъ имени, дворникъ опрометью бросился будить хозяина, въ слѣдъ за нимъ пошелъ и Шишковскій съ своимъ подчиненнымъ. А внезапный пріѣздъ его ночью всегда почитался зловѣщимъ. Разбуженный и испуганный купецъ, вскочивъ съ постели, полураздѣтый выходитъ на встрѣчу къ страшному гостю; но ничего не можетъ выговорить, ротъ у него перекосило, языкъ отнялся. Беременная хозяйка выкинула недоношеннаго ребенка и вскорѣ умерла.

Пріученные владычествомъ лютаго Бирона къ доносамъ, оговаривали родныхъ и чужихъ; самый вздохъ ропота, слеза скорби, мановеніе, тѣмъ болѣе слова, выражавшія сѣтованіе, или соболѣзнованіе казались подозрительными и давали поводъ къ розыскамъ въ застѣнкахъ и покаянныхъ; свидѣтели боялись и не донести, чтобы другіе не донесли на нихъ, что они умолчали.

Сколько было примѣровъ, что въ Тайной экспедиціи судили не однѣ дѣла, но и слова, худо понятыя и криво перетолкованныя, хотя бы онѣ сказаны были кѣмъ-либо въ шутку, или не въ трезвомъ положеніи. Теперь бы назвали ихъ сплетнями, не стоющими вниманія, а тогда за нихъ платились кровью, животами и жизнію. Ограничимся только двумя изъ тысячи примѣрами.

Въ Москвѣ, на имянинахъ мѣщанина, кумъ подчивалъ свою куму домашнею наливкой. Кума, посадская

баба, чванилась, отговаривалась пить. Тотъ упрашивалъ ее и между прочимъ сказалъ: «выкушай же, всемилостивѣйшая государыня!» Одинъ изъ гостей, за что-то сердитый на хозяина, закричалъ роковое *слово и дѣло*; кума съ кумою взяли къ пристрастному допросу въ Тайную. То было въ царствованіе Елизаветы Петровны. Тамъ допрашивали бѣднаго кума: «съ какой стати, съ какимъ умысломъ повеличалъ онъ посадскую бабу всемилостивѣйшею государынею и не имѣла ли кума его какого посягательства на Царское Величество»? Что его спрашивали на дыбѣ, подъ ударами кнута, то онъ и отвѣчалъ утвердительно. Снимутъ съ дыбы и перестанутъ сѣчь, онъ отрекался отъ своихъ словъ, говоря, что показалъ напрасно на себя, не стерпя мученія. Разумѣется, и кума не оставлена была безъ розыска и то же повторяла.

«Нѣтъ ли у васъ, батюшка, такого-то указца?» спросилъ одинъ купецъ у знакомаго ему чиновника Тайной экспедиціи.—«У насъ нѣтъ никакихъ указцевъ, а есть Высочайшіе именные указы. Указецъ слово уменьшительное—слѣдственно унизительное. По долгу присяги, я обязанъ довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства.» Испуганный купецъ бросился къ чиновнику въ ноги, упрашивалъ и умолялъ его пощадить и не доносить. Тотъ не соглашался, стращалъ Тайною, наконецъ дѣло кончилось тѣмъ, что купецъ поквитался своимъ домомъ, на который выдалъ купчую ревностному исполнителю своихъ обязанностей по присягѣ и службѣ.

Съ 1802 по 1810 годъ въ ея палатахъ помѣщались: 1) сумасшедшіе, какими нерѣдко называемы были перешедшіе по мытарствамъ Тайной экспедиціи и какіе, до отобранія вотчинъ отъ духовенства, посылались въ

монастыри подъ строгій присмотръ изъ Преображенскаго приказа, изъ Тайной канцеляріи и Сыскнаго приказа; 2) инвалиды, въ числѣ которыхъ находилось 14 штабъ и оберъ-офицеровъ, 12 прапорщиковъ, 2 унтеръ-офицера, 16 рядовыхъ и 10 солдатокъ. Надъ этимъ госпиталемъ имѣлъ смотрѣніе коллежскій совѣтникъ Захаровъ. Потомъ этотъ домъ обращенъ былъ въ Никольскія казармы.

Во время нашествія непріятелей въ 1812 году, всѣ зданія Рязанскаго подворья сохранены отъ пожара, безъ сомнѣнія, потому, что ихъ занимали Наполеоновскіе солдаты. По выходѣ ихъ изъ Москвы, тамъ, около шести лѣтъ, помѣщалось Горное правленіе съ чиновниками и рядовыми, которое переведено оттуда въ домъ Нарышкиныхъ на Моховой.

Въ 1819 году это Архіерейское подворье стало именоваться *домомъ Библейскаго общества*, учрежденнаго 6 декабря 1812 года, въ день изгнанія иноплеменныхъ враговъ изъ Россіи. Здѣсь была контора и книжная лавка общества, гдѣ продавались книги Ветхаго и Новаго Завѣта на разныхъ языкахъ; здѣсь жилъ секретарь этого общества Н. Д. Горчаковъ, книгопродавецъ И. И. Переплетчиковъ, бывшій у Новикова коммисіонеромъ. Дѣятельность Библейскаго товарищества, входившаго въ сношеніе съ англійскими обществами, обнаружилась ревностнымъ распространеніемъ въ народѣ Св. Писанія, изданіемъ Русскаго перевода Псалтыри, Евангелія, Посланій и дѣяній Св. Апостоловъ и Апокалупсіса. Хотя оно видимою своею цѣлью не могло не привлечь вниманія и участія многихъ; но въ нѣкоторыхъ возбудило подозрѣніе, не скрывается ли другой какой цѣли въ его учрежденіи и не имѣетъ ли оно тайной связи съ масонскими ложами, которыя

открыты были въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ почти, въ одно время съ Библейскими обществами. Смѣлые отзывы и опрометчивыя предположенія англійскихъ миссіонеровъ, высказанные гласно, усилили подозрѣніе. Тѣ или другія причины подали поводъ закрыть это общество въ 1826 году, а домъ отдать въ вѣдомство Московской синодальной типографіи; распоряженіе-жъ имуществомъ Библейскаго общества возложено на св. Сѵнодъ.

Наконецъ этотъ домъ опять поступилъ въ духовное вѣдомство. Въ 1833 году въ него перемѣщена изъ Чудова монастыря Московская Духовная Консисторія. Это присутственное мѣсто, производящее духовный судъ въ эпархіальной области подъ непосредственнымъ управленіемъ эпархіальнаго архіерея, * образовано въ 1744 году изъ Духовной Дикастеріи, занимавшей на сѵнодальномъ дворѣ въ Кремлѣ мѣсто Суднаго приказа. При архіепископѣ Московскомъ Платонѣ Малиновскомъ, оттуда переведена Консисторія въ Чудовъ монастырь, гдѣ донынѣ находится ея архивъ. Въ 1746 году присутствовали въ ней архимандріты Андрониковскій Іона, Богоявленскій Герасимъ, Угрѣшскій игуменъ Іовъ и протоіерей Рожественскій Іоаннъ Ставровскій. Съ 1761 по 1769 годъ въ Консисторіи присутствовали протоіереи и священники, а въ 1792 г. два архимандріта, одинъ игуменъ и три протоіерея. Указами 1796 и 97 годовъ повелѣно быть между присутствующими половинѣ изъ бѣлаго духовенства и половинѣ изъ монашествующихъ. Имѣя предметомъ охраненіе и распространеніе православной вѣры, внѣшнее и внутреннее благоустройство церквей, этотъ эпархі-

* Уставъ Духовныхъ Консисторій, Спб. 1841 г. въ 4.

альный судъ разсматриваетъ дѣла объ опредѣленіи на священно-и-церковно-служительскія мѣста, представляетъ объ нихъ эпархіальному архіерею справки о кандидатахъ. Въ Консисторію вносятся отъ церквей метрическія книги о рождающихся, сочетающихся бракомъ и объ умершихъ. Вѣдомству ея суда подлежатъ люди духовнаго и свѣтскаго званія: первые по проступкамъ и преступленіямъ противъ должности, благочинія и благоповеденія, по взаимнымъ спорамъ о движимой и недвижимой собственности, по жалобамъ на духовныя лица въ обидахъ и нарушеніи безспорныхъ обязательствъ; другіе по дѣламъ о бракахъ, незаконно совершенныхъ, о прекращеніи и расторженіи супружескаго союза, на основаніи законныхъ причинъ, также по проступкамъ и преступленіямъ, подвергающимъ виновныхъ церковной эпитиміи. Здѣсь, въ присутствіи, дѣлается увѣщаніе раскольникамъ. Являясь на судъ духовный, супруги требующіе развода, открываютъ предъ нимъ семейныя тайны и причины къ разлученію. Члены его увѣщаваютъ ихъ, склоняя къ примиренію. Въ случаѣ упорства, дѣло представляется на рѣшеніе въ св. Сѵнодъ. Снятіе священно-служительскаго сана и сложеніе монашества, по прошенію, не иначе производится, какъ послѣ увѣщанія, съ разрѣшенія св. Сѵнода, на основаніи особыхъ постановленій. За проступки и преступленія лишаются сана священно-служители, и священно-монашествующіе сана и монашества. Тогда, по принятому обычаю, вводился въ присутствіе осужденный въ полномъ облаченіи; по прочтеніи ему указа, отбирали къ дѣлу ставленную грамоту, снимали съ него священное облаченіе и ножницами сторожа остригали по нѣскольку волосъ на головѣ и бородѣ, потомъ скидали съ него рясу, а съ монаха камилавку,

и одѣвъ въ простое мужицкое платье, брали съ него подписку, что онъ не будетъ носить священнической, или діаконской, или монашеской одежды. Посему и называются *разстригами*, *распопами*, *раздьяконами* лишенные сана священства, діаконства или монашества. Прежде на обрядъ разстриженія сзывались священники, діаконы и одному изъ нихъ члены Консисторіи поручали пообстричь волосы на головѣ и бороду у разстриги, но теперь этотъ обрядъ измѣненъ и ограничивается только объявленіемъ, при открытыхъ дверяхъ присутствія, указа виновному, предстоящему въ полномъ облаченіи, которое потомъ съ него снимается; съ разстриженнаго берется подписка, что онъ не будетъ носить священнической или діаконской одежды.

По рѣшенію Консисторіи, утвержденному эпархіальнымъ архіереемъ, священнослужители за проступки наказываются отрѣшеніемъ отъ сана, исключеніемъ за штатомъ, усугубленіемъ за ними надзора, отсылкою *подъ началъ* въ монастыри, пенею и денежнымъ взысканіемъ, поклонами, строгимъ выговоромъ, замѣчаніемъ. Не такъ было до указа 1771 года, мая 20. Средствами исправленія прежде служили тѣлесныя наказанія и разныя истязанія: виновныхъ сѣкли плетьми, били батогами, сажали на цѣпь и въ колодки, допускались пристрастные допросы. Примѣры тому находимъ даже въ правленіе Московскою паствою архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго. Близь Срѣтенскаго монастыря на огородахъ находилась колодничья палата, гдѣ содержались подъ крѣпкимъ карауломъ подсудимые священно-и-церковно-служители и монахи, которымъ забивали ноги въ колодки и сажали на стулъ съ цѣпью. Но Императрица Екатерина II вышеозначеннымъ указомъ повелѣла замѣнить тѣлесныя нака-

занія приличными духовенству трудами, отрѣшеніемъ отъ дохода и прихода, по усмотрѣнію начальства. Митрополітъ Платонъ, по справедливости названный отцемъ Московскаго духовенства, свое правленіе ознаменовалъ улучшеніемъ быта священно-и-церковнослужителей. Начатое имъ довершается знаменитымъ его преемникомъ митрополітомъ Філаретомъ.

Столько историческихъ воспоминаній и преданій соединено съ двухъ-вѣковымъ бытіемъ этого подворья!

Въ 1783 году, за ветхостію разобраны стоявшія на этомъ подворьѣ каменная церковь съ двумя престолами Св. Троицы и Архангела Михаила. Послѣ 1812 года надстроенъ третій этажъ надъ среднею палатою. Выступающіе на Лубянскую площадь два флигеля теперь отдаются въ наемъ. При частныхъ перестройкахъ и починкахъ онъ только сохранилъ первоначальный свой окладъ и двойные своды; на сѣверной стѣнѣ одной палаты, выступающей на Лубянскую площадь, еще уцѣлѣли лопатки, пояски и карнизы, какіе были прежде на стѣнахъ всего зданія.

Заключимъ описаніемъ его мѣстности, которое сообщаетъ намъ въ книгѣ своей капитанъ Бражниковъ 1742 г.: «на Мясницкой улицѣ подворье Рязанскаго и Муромскаго архіепіскопа Алексія, поперечнику въ переднемъ концѣ 30 $^1/_2$ саженъ, длиннику посреди того подворья 30, по правую сторону 72 сажени, а по лѣвую 66 саж. 2 аршина. Въ межахъ то подворье по правую сторону Мясницкая улица, а по лѣвую дворъ капитанъ-поручика, князя Өедора Никитича Жироваго-Засѣкина».

Арсеній Митрополітъ Ростовскій и Ярославскій.

АРСЕНІЙ МАЦІЕВИЧЬ МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІЙ И ЯРОСЛАВСКІЙ.

АРСЕНІЙ МАЦІЕВИЧЪ.

На приложенномъ здѣсь портретѣ изображенъ старецъ, заключенный въ тѣсной тюрьмѣ съ однимъ узенькимъ окошкомъ, за желѣзною рѣшеткой; на подоконникѣ лежитъ кусокъ хлѣба—насущная пища узника; а на другомъ старинномъ его портретѣ, вмѣсто хлѣба, положена на окнѣ книга, вѣроятно, Библія; на обратной сторонѣ надпись: *Андрей страдалецъ*. На третьемъ живописномъ портретѣ, на мѣстѣ хлѣба и книги, виденъ кляпъ, которымъ заграждали уста опаснымъ арестантамъ и вынимали его только тогда, когда давалась пища. На старцѣ полушубокъ, на головѣ у него треухъ; отъ холода руки у него засунуты за пазуху. Надъ нимъ на стѣнѣ портретъ архіерея въ полномъ облаченіи и митрѣ, похожій на этого тюремнаго сидѣльца, и, по видимому, однихъ съ нимъ лѣтъ. Кто бы могъ подумать, что это одно и то же лице—мужикъ и архіерей? Кто же этотъ человѣкъ, испытавшій такой поразительный «преходъ житія своего?» *

---

* Премудр. II, 5.

Въ этихъ двухъ видахъ намъ представляется злополучный Арсеній III Маціевичь, или Маскѣевичь, мітрополітъ Ростовскій, членъ святѣйшаго Сvнода; ему суждено было испытать печальный жребій патріарха Никона, архіепіскоповъ Кіевскаго Варлаама Вонатовича и Тверскаго Ѳеофилакта Лопатинскаго, Воронежскаго епіскопа Льва Юрлова. Это случилось въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II, которая приняла бразды правленія за малолѣтствомъ наслѣдника престола Павла I, бывшаго тогда восьми лѣтъ. Конечно должно быть велико преступленіе Арсенія, чтобы присудить ему столь жестокое наказаніе: изъ мітрополіта обратить въ мужика, изъ Арсенія переименовать его Андреемъ, его фамилію Маціевичь перемѣнить на прозвище *Враль* и послѣ двадцати лѣтъ архіерейскаго его служенія на паствѣ, десять лѣтъ, какъ государственнаго преступника, влачить по Россіи, изъ одного тюремнаго заклепа въ другой, ставить къ истязательнымъ допросамъ, слѣдить за каждымъ его шагомъ, ловить каждое его слово и мановеніе, наконецъ дать ему могилу не въ соборной усыпальницѣ, но на арестантскомъ кладбищѣ.

Такой ужасный жребій испыталъ Арсеній—жаркій защитникъ правъ собственности духовенства. По характеру своему, твердый до упорства въ своихъ убѣжденіяхъ и воспріимчивый до раздражительности въ столкновеніяхъ, онъ ополчался своимъ языкомъ и перомъ противъ раскольниковъ и вольнодумцевъ, противъ отнятія вотчинъ отъ монастырей, противъ злоупотребленія свѣтской власти. Въ его протестѣ противъ высочайшей воли Государыни выразился неразрѣшенный еще вопросъ о правахъ собственности церковной и государственной. Но

и въ такой неравной борьбѣ Арсеній, какъ вольная жертва своихъ убѣжденій, не палъ и не угасилъ своего духа, не измѣнилъ своему направленію, такъ что и самодержавная Государыня опасалась его вліянія даже въ мрачныхъ его заклепахъ. Въ тотъ вѣкъ, когда не терпима была гласность, когда смѣлое, свободное слово, хотя бы и правдивое, о дѣлѣ государственномъ и государевомъ ставилось наравнѣ съ государственнымъ преступленіемъ, въ тотъ вѣкъ отзывы Мацієвича о мѣрахъ и лицахъ правительственныхъ приняты были за оскорбленіе Величества и за крамолу, заслуживающія не только лишенія архіерейскаго сана, но и смертную казнь. На порывы его ревности о благѣ духовенства имѣло вліяніе необыкновенное стеченіе странныхъ обстоятельствъ его полемической жизни и службы; то столкновеніе съ Сѵнодомъ, то съ Коллегію Экономіи, то съ Сенатомъ; въ тѣхъ и другихъ онъ нашелъ себѣ враговъ, дѣйствовавшихъ противъ него и прямо и косвенно. Казалось, невсегда «ревность его была по разуму» и не всегда онъ оправдывалъ дѣломъ свое высокое титло смиреннаго; но его историческая личность, его энергическій характеръ, его упорная борьба съ обстоятельствами, вліяніе на его современниковъ, а болѣе печальный его жребій достойны участія и соболѣзнованія. Сколь ни старалась осторожная политика Екатерины II изгладить слѣды Арсенія, затмить его память; но память его еще жива въ преданіяхъ народа, который, соединяя съ нею много чудесныхъ о страдальцѣ сказаній и странныхъ случаевъ, чтитъ этого ревнителя православной вѣры и благочестія, полнаго любви къ отечеству и народности, покровителя духовнаго просвѣщенія, пастыря безкорыст-

наго и добродѣтельнаго. Опальную его могилу отыскиваютъ путешественники; долго заглушаемое его имя вышло на свѣтъ изъ подъ спуда архивнаго и жизнь его сдѣлалась предметомъ историческихъ изслѣдованій. Сенаторъ Лопухинъ въ садахъ своего сельца Савинскаго * поставилъ памятникъ Арсенію и выдалъ его портретъ, съ котораго и здѣсь помѣщенъ снимокъ.

Пользуясь историческими фактами и не оставляя безъ вниманія мѣстныхъ преданій, представимъ здѣсь черты изъ его жизни.

Арсеній происходилъ изъ Польской шляхты, какъ показано у Нѣсѣцкаго въ Коронѣ Польской ** Курсъ наукъ окончилъ онъ въ Кіевской академіи. Послѣ постриженія въ монашество, вскорѣ посвященный въ іеромонахи, онъ опредѣленъ при Московскомъ сунодальномъ домѣ экзаменаторомъ ставлениковъ Московской епархіи. Въ это время уже не было тамъ инквизитора, опредѣленнаго Петромъ I, для наблюденія за духовенствомъ; но еще ставили на правежъ за недоимки, подвергали пыткамъ виновныхъ и обвиняемыхъ въ преступленіяхъ. Экзаменатору же вмѣнялось въ обязанность испытывать ставлениковъ въ священники и діаконы. Арсеній, твердый и настойчивый по своему сангвинико-холерическому темпераменту, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, отличался строгостію въ исполне-

---

* Орловской губерніи.

** Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской Церкви. М. Евгенія. 2 части, изд. 2. Спб. 1827 г. въ 8. Очеркъ жизни М. Арсенія Маціевича, сдѣланный мною въ прошломъ году, нынѣ дополненъ любопытными и важными фактами изъ статей гг. Чистовича, Соловьева, Лонгинова и Г. С. Т. помѣщенныхъ въ газетѣ День 1862 г.

ніи своей должности, и какъ видно изъ дѣлъ, иногда ставилъ судъ выше милости.

Въ то самое время, какъ снаряжалась Камчатская экспедиція къ рѣкѣ Оби, для разузнанія и распространенія сдѣланныхъ Берингомъ открытій, Арсеній, по какимъ-то дѣламъ, отправился въ Архангельскъ, гдѣ архіепіскопъ Германъ, имѣвшій порученіе отъ св. Сѵнода избрать въ эту экспедицію по Сѣверному морю способнаго іеромонаха для отправленія церковной службы, предложилъ Арсенію это мѣсто въ 1734 году. Арсеній согласился. До отправленія этой экспедиціи, онъ пребывалъ въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ содержались многіе раскольники безпоповщинскаго толка. Самый игуменъ обители Іоасафъ и нѣкоторые монахи заражены были лжеученіемъ о прекращеніи на землѣ Церкви Хрістовой. Арсеній возревновалъ обличать ихъ заблужденіе словесно и писменно; но всѣ его увѣщанія и доказательства не могли подѣйствовать на закоснѣвшихъ въ своемъ вѣрованіи. Тогда онъ написалъ увѣщаніе Іоасафу, помѣщенное въ Православномъ собесѣдникѣ.*

Между тѣмъ настало время выступленія экспедиціи въ море. Поборникъ православія изъ Соловецкаго монастыря послѣдовалъ своему назначенію, гдѣ его ожидали испытанія. Намъ неизвѣстно, какъ и почему экспедиція не выполнила своего назначенія и чѣмъ именно навлекла на себя гнѣвъ Императрицы. Въ 1736 году января 24 Маціевича съ лейтенантами Муравьевымъ и Павловымъ и съ прочею командой экспедиціи

---

* Русскій Вѣстникъ: Современная лѣтопись 1862 г. № 32, стр. 26 и 27, ст. г. Мстиславска: о *Арсеній Маціевичь.*

привезли подъ арестомъ изъ Пустозерскаго острога въ Адмиралтейскую Коллегію. Послѣ многихъ допросовъ, не нашли въ немъ никакой вины; но какъ слѣдствіе надъ офицерами еще продолжалось, то его отвезли на ту же эскадру, чтобы слѣдовать для показаній къ Архангельскому порту, а оттуда препроводили опять въ Пустозерскій острогъ. По окончаніи слѣдствія, подсудимыхъ отослали въ Адмиралтейскую Коллегію, а іеромонахъ Арсеній оставленъ въ Архангельскѣ. Въ 1737 году св. Сѵнодъ дозволилъ ему пріѣхать въ С. Петербургъ; но Адмиралтейство требовало, чтобы, до окончанія слѣдствія, изъ С. Петербурга ему не отлучаться, потому что онъ нуженъ былъ для повѣрки показаній въ дѣлѣ, конечно, почему нибудь важномъ. Въ сентябрѣ слѣдующаго года св. Сѵнодъ назначилъ Арсенія экзаменаторомъ ставлениковъ по С. Петербургскому духовному правленію, потомъ опредѣленъ онъ въ С. Петербургскую академію наукъ законоучителемъ для гимназистовъ.

Послѣ кончины Императрицы Анны Ивановны, между регенствомъ ненавистнаго Русскимъ Бирона и герцогини Анны Леопольдовны, лейтенантовъ Камчатской экспедиціи, бывшихъ подъ судомъ, простили, Арсенія уволили отъ обязательнаго пребыванія въ С. Петербургѣ. Въ это время въ Сѵнодѣ предсѣдателемъ былъ покровитель Маціевича Амвросій Юшкѣвичь, пользовавшійся благоволеніемъ Бирона. Когда открылась въ Тобольскѣ мітрополічья каѳедра, представилъ Амвросій па это мѣсто іеромонаха Арсенія, который и посвященъ былъ прямо въ мітрополіта Сибирскаго, а черезъ годъ переведенъ, подобно Святителю Димитрію Ростовскому,*

*см. Словарь истор. М. Евгенія, ст. о Св. Димитріѣ Ростовскомъ.

по просьбѣ его, на Ростовскую и Ярославскую мітрополію. Столь скорое и необыкновенное возвышеніе Арсенія не могло не возбудить зависти во многихъ, между прочимъ, и въ самыхъ членахъ св. Сvнода: завистники сдѣлались его врагами. Наконецъ смутное правленіе Анны Леопольдовны именемъ колыбельнаго императора Іоанна Антоновича уступило мѣсто мирному царствованію кроткой Елисаветы, когда уже архіереевъ, монаховъ и священниковъ не мучили, не казнили, не разстригали, не ссылали въ дальніе Сибирскіе города.*

Торжественное коронованіе Императрицы Елисаветы Петровны созвало 1742 г. въ Москву духовныхъ владыкъ; туда прибылъ и Арсеній для участія въ священнодѣйствіи помазанія на царство Государыни и въ ея личномъ присутствіи, 6 октября освятилъ въ Москвѣ ксенодохіальную церковь Св. Бориса и Глѣба въ Куракинской богадѣльнѣ у Красныхъ воротъ, сооруженныхъ Московскимъ купечествомъ въ память коронованія дщери Петровой и тамъ говорилъ проповѣдь.

По словесному предстательству Амвросія Юшкѣвича, помазавшаго на царство Елисавету, Арсеній наименованъ членомъ, св. Сvнода; но онъ не являлся въ Сvнодъ, находя предложенную ему присягу несогласною съ формою Духовнаго регламента, и дополненную еще тѣмъ, чего не положено и въ свѣтской присягѣ, а именно: «Исповѣдаю же съ клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самую Всероссійскую Монархиню, Государыню нашу Всемилостивѣйшую.» На

* Слово на день Благовѣщенія, Архимандріта Димитрія Сѣченова, марта 25, 1742 г. М. въ 4.

это Арсеній возразилъ, что Сvнодъ, отставя настоящую главу Церкви Хріста Господа, Который есть единъ всѣмъ судебнымъ правительствамъ истинный крайній Судія, вноситъ другаго крайняго судію въ равенство Хрісту; понеже, замѣчаетъ Арсеній, ежели исповѣдывать съ присягою и клятвою противъ сvмвола вѣры другаго кого, кромѣ Хріста крайняго судію, то уже Хрістосъ, въ котораго вѣруемъ и котораго Крестъ и Евангеліе по присягѣ цѣлуемъ, какій намъ остается быти Судія? Къ сему-же наша Церковь святая, Православно восточная не по иному какому резону и папу отмещетъ и антихрістомъ его быть присуждаетъ, токмо наипаче посему, что онъ, въ противность Хрісту, сдѣлалъ себя цѣлой Церкви главою, сирѣчь крайнимъ Судіею; а Монаршей власти довольно въ той силѣ на вѣрность присягать, въ какой силѣ показано отъ крайняго Судіи Хріста въ Евангеліи и Апостолѣ Монаршей власти повиноватися!»

На вопросъ Сvнода, почему онъ не явился для принятія присяги, отвѣчалъ, что «подалъ Императрицѣ писменное справедливое, по хрістіанской совѣсти, донесеніе, къ которому ничего болѣе прибавить не можетъ.» Въ этомъ донесеніи Арсеній оправдываетъ себя, почему не принялъ присяги на правительство духовное.

Сvнодъ объ этомъ представилъ докладъ Императрицѣ; но дѣло осталось безъ тѣхъ послѣдствій, какихъ онъ ожидалъ. Арсеній уѣхалъ изъ Москвы въ Ростовъ.

Въ слѣдующемъ году, по указу Императрицы Елисаветы Петровны, велѣно было собрать въ Сенатъ и сжечь всѣ присяжные листы, по которымъ всѣхъ чиновъ люди въ бывшія два правленія герцога Браун-

швейгъ-Люнебургскаго Антона и герцогини Анны Браун-швейгской *, при повышеніи въ чины, присяги чинили. Въ числѣ такихъ присяжныхъ листовъ найдена и присяга Арсенія Мацѣевича, при возведеніи его на степень архіерейства съ припискою къ словамъ печатнаго экземпляра: «и послѣдствовати мнѣ во всемъ и повиноватися всегда святѣйшему правительствующему Сvноду, яко правильной власти, отъ Христа и Апостоловъ происходящей чрезъ хіротонію.»

Такая приписка, прежде читанная, и слышанная, тогда показалась подозрительною членамъ Сvнода, раздраженнымъ выходками Мацѣевича и, вмѣсто того, чтобы сжечь его присяжный листъ, по примѣру другихъ, они послали къ Арсенію придирчивый запросъ: «чего ради и за чьимъ позволеніемъ, или единымъ своимъ разсужденіемъ и изволеніемъ и въ каковомъ разумѣ тѣ сверхъ печатнаго рѣчи, и прежде ли чтенія въ церкви той присяги, или уже по хиротоніи; будеже по хиротоніи, то когда именно, чрезъ кого ту присягу паки къ себѣ доставъ, Его Преосвященство приписалъ?» На это Арсеній отвѣчалъ: «Сей мой прилогъ въ присягу мою архіерейскую въ ту пору рукою моею приписалъ, Искримъ канцеляристъ сvнодальный оную присягу мнѣ, по прошенію моему, переписалъ и предъ поставленіемъ

* Въ рѣдкой книжкѣ, напечатанной въ Москвѣ 1741 г. сентября въ 1 день, о побѣдѣ на супостаты, въ 12, читаемъ: „Еще молимся о благочестивѣйшемъ и самодержавнѣйшемъ великомъ государѣ нашемъ Імператорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ всея Росіи, и благовѣрной государынѣ великой княгинѣ Аннѣ правительницѣ всея Россіи и о супругѣ ея великомъ государѣ герцогѣ Антонѣ Браунщвейгъ-Люнебургскомъ, о благовѣрной великой княжнѣ Екатеринѣ Антоновнѣ, о благовѣрной Государынѣ Цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Арсеній Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій.

АРСЕНІЙ МАЦІЕВИЧЪ МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІЙ И ЯРОСЛАВСКІЙ.

АРСЕНІЙ МАЦІЕВИЧЬ.

На приложенномъ здѣсь портретѣ изображенъ старецъ, заключенный въ тѣсной тюрьмѣ съ однимъ узенькимъ окошкомъ, за желѣзною рѣшеткой; на подоконникѣ лежитъ кусокъ хлѣба—насущная пища узника; а на другомъ старинномъ его портретѣ, вмѣсто хлѣба, положена на окнѣ книга, вѣроятно, Библія; на обратной сторонѣ надпись: *Андрей страдалецъ*. На третьемъ живописномъ портретѣ, на мѣстѣ хлѣба и книги, видѣнъ кляпъ, которымъ заграждали уста опаснымъ арестантамъ и вынимали его только тогда, когда давалась пища. На старцѣ полушубокъ, на головѣ у него треухъ; отъ холода руки у него засунуты за пазуху. Надъ нимъ на стѣнѣ портретъ архіерея въ полномъ облаченіи и мітрѣ, похожій на этого тюремнаго сидѣльца, и, по видимому, однихъ съ нимъ лѣтъ. Кто бы могъ подумать, что это одно и то же лице—мужикъ и архіерей? Кто же этотъ человѣкъ, испытавшій такой поразительный «преходъ житія своего?» *

---

* Премудр. II, 5.

Въ этихъ двухъ видахъ намъ представляется злополучный Арсеній III Мацѣевичъ, или Маскѣевичъ, митрополитъ Ростовскій, членъ святѣйшаго Сvнода; ему суждено было испытать печальный жребій патріарха Никона, архіепископовъ Кіевскаго Варлаама Вонатовича и Тверскаго Өеофилакта Лопатинскаго, Воронежскаго епископа Льва Юрлова. Это случилось въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II, которая приняла бразды правленія за малолѣтствомъ наслѣдника престола Павла I, бывшаго тогда восьми лѣтъ. Конечно должно быть велико преступленіе Арсенія, чтобы присудить ему столь жестокое наказаніе: изъ митрополита обратить въ мужика, изъ Арсенія переименовать его Андреемъ, его фамилію Мацѣевичъ перемѣнить на прозвище *Враль* и послѣ двадцати лѣтъ архіерейскаго его служенія на паствѣ, десять лѣтъ, какъ государственнаго преступника, влачить по Россіи, изъ одного тюремнаго заклепа въ другой, ставить къ истязательнымъ допросамъ, слѣдить за каждымъ его шагомъ, ловить каждое его слово и мановеніе, наконецъ дать ему могилу не въ соборной усыпальницѣ, но на арестантскомъ кладбищѣ.

Такой ужасный жребій испыталъ Арсеній—жаркій защитникъ правъ собственности духовенства. По характеру своему, твердый до упорства въ своихъ убѣжденіяхъ и воспріимчивый до раздражительности въ столкновеніяхъ, онъ ополчался своимъ языкомъ и перомъ противъ раскольниковъ и вольнодумцевъ, противъ отнятія вотчинъ отъ монастырей, противъ злоупотребленія свѣтской власти. Въ его протестѣ противъ высочайшей воли Государыни выразился неразрѣшенный еще вопросъ о правахъ собственности церковной и государственной. Но

и въ такой неравной борьбѣ Арсеній, какъ вольная жертва своихъ убѣжденій, не палъ и не угасилъ своего духа, не измѣнилъ своему направленію, такъ что и самодержавная Государыня опасалась его вліянія даже въ мрачныхъ его заклепахъ. Въ тотъ вѣкъ, когда не терпима была гласность, когда смѣлое, свободное слово, хотя бы и правдивое, о дѣлѣ государственномъ и государевомъ ставилось наравнѣ съ государственнымъ преступленіемъ, въ тотъ вѣкъ отзывы Маціевича о мѣрахъ и лицахъ правительственныхъ приняты были за оскорбленіе Величества и за крамолу, заслуживающія не только лишенія архіерейскаго сана, но и смертную казнь. На порывы его ревности о благѣ духовенства имѣло вліяніе необыкновенное стеченіе странныхъ обстоятельствъ его полемической жизни и службы; то столкновеніе съ Сѵнодомъ, то съ Коллегію Экономіи, то съ Сенатомъ; въ тѣхъ и другихъ онъ нашелъ себѣ враговъ, дѣйствовавшихъ противъ него и прямо и косвенно. Казалось, невсегда «ревность его была по разуму» и не всегда онъ оправдывалъ дѣломъ свое высокое титло смиреннаго; но его историческая личность, его энергическій характеръ, его упорная борьба съ обстоятельствами, вліяніе на его современниковъ, а болѣе печальный его жребій достойны участія и соболѣзнованія. Сколь ни старалась осторожная политика Екатерины II изгладить слѣды Арсенія, затмить его память; но память его еще жива въ преданіяхъ народа, который, соединяя съ нею много чудесныхъ о страдальцѣ сказаній и странныхъ случаевъ, чтитъ этого ревнителя православной вѣры и благочестія, полнаго любви къ отечеству и народности, покровителя духовнаго просвѣщенія, пастыря безкорыст-

наго и добродѣтельнаго. Опальную его могилу отыскиваютъ путешественники; долго заглушаемое его имя вышло на свѣтъ изъ подъ спуда архивнаго и жизнь его сдѣлалась предметомъ историческихъ изслѣдованій. Сенаторъ Лопухинъ въ садахъ своего сельца Савинскаго * поставилъ памятникъ Арсенію и выдалъ его портретъ, съ котораго и здѣсь помѣщенъ снимокъ.

Пользуясь историческими фактами и не оставляя безъ вниманія мѣстныхъ преданій, представимъ здѣсь черты изъ его жизни.

Арсеній происходилъ изъ Польской шляхты, какъ показано у Нѣсѣцкаго въ Коронѣ Польской ** Курсъ наукъ окончилъ онъ въ Кіевской академіи. Послѣ постриженія въ монашество, вскорѣ посвященный въ іеромонахи, онъ опредѣленъ при Московскомъ суnодальномъ домѣ экзаменаторомъ ставлениковъ Московской епархіи. Въ это время уже не было тамъ инквизитора, опредѣленнаго Петромъ I, для наблюденія за духовенствомъ; но еще ставили на правежъ за недоимки, подвергали пыткамъ виновныхъ и обвиняемыхъ въ преступленіяхъ. Экзаменатору же вмѣнялось въ обязанность испытывать ставлениковъ въ священники и діаконы. Арсеній, твердый и настойчивый по своему сангвинико-холерическому темпераменту, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, отличался строгостію въ исполне-

---

* Орловской губерніи.

** Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской Церкви. М. Евгенія. 2 части, изд. 2. Спб. 1827 г. въ 8. Очеркъ жизни М. Арсенія Маціевича, сдѣланный мною въ прошломъ году, нынѣ дополненъ любопытными и важными фактами изъ статей гг. Чистовича, Соловьева, Лонгинова и Г. С. Т. помѣщенныхъ въ газетѣ День 1862 г.

ніи своей должности, и какъ видно изъ дѣлъ, иногда ставилъ судъ выше милости.

Въ то самое время, какъ снаряжалась Камчатская экспедиція къ рѣкѣ Оби, для разузнанія и распространенія сдѣланныхъ Берингомъ открытій, Арсеній, по какимъ-то дѣламъ, отправился въ Архангельскъ, гдѣ архіепіскопъ Германъ, имѣвшій порученіе отъ св. Сѵнода избрать въ эту экспедицію по Сѣверному морю способнаго іеромонаха для отправленія церковной службы, предложилъ Арсенію это мѣсто въ 1734 году. Арсеній согласился. До отправленія этой экспедиціи, онъ пребывалъ въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ содержались многіе раскольники безпоповщинскаго толка. Самый игуменъ обители Іоасафъ и нѣкоторые монахи заражены были лжеученіемъ о прекращеніи на землѣ Церкви Христовой. Арсеній возревновалъ обличать ихъ заблужденіе словесно и писменно; но всѣ его увѣщанія и доказательства не могли подѣйствовать на закоснѣвшихъ въ своемъ вѣрованіи. Тогда онъ написалъ увѣщаніе Іоасафу, помѣщенное въ Православномъ собесѣдникѣ.*

Между тѣмъ настало время выступленія экспедиціи въ море. Поборникъ православія изъ Соловецкаго монастыря послѣдовалъ своему назначенію, гдѣ его ожидали испытанія. Намъ неизвѣстно, какъ и почему экспедиція не выполнила своего назначенія и чѣмъ именно навлекла на себя гнѣвъ Императрицы. Въ 1736 году января 24 Маціевича съ лейтенантами Муравьевымъ и Павловымъ и съ прочею командой экспедиціи

---

* Русскій Вѣстникъ: Современная лѣтопись 1862 г. № 32, стр. 26 и 27, ст. г. Мстиславска: о *Арсеній Маціевичь.*

привезли подъ арестомъ изъ Пустозерскаго острога въ Адмиралтейскую Коллегію. Послѣ многихъ допросовъ, не нашли въ немъ никакой вины; но какъ слѣдствіе надъ офицерами еще продолжалось, то его отвезли на ту же эскадру, чтобы слѣдовать для показаній къ Архангельскому порту, а оттуда препроводили опять въ Пустозерскій острогъ. По окончаніи слѣдствія, подсудимыхъ отослали въ Адмиралтейскую Коллегію, а іеромонахъ Арсеній оставленъ въ Архангельскѣ. Въ 1737 году св. Сѵнодъ дозволилъ ему пріѣхать въ С. Петербургъ; но Адмиралтейство требовало, чтобы, до окончанія слѣдствія, изъ С. Петербурга ему не отлучаться, потому что онъ нуженъ былъ для повѣрки показаній въ дѣлѣ, конечно, почему нибудь важномъ. Въ сентябрѣ слѣдующаго года св. Сѵнодъ назначилъ Арсенія экзаменаторомъ ставлениковъ по С. Петербургскому духовному правленію, потомъ опредѣленъ онъ въ С. Петербургскую академію наукъ законоучителемъ для гимназистовъ.

Послѣ кончины Императрицы Анны Ивановны, между регенствомъ ненавистнаго Русскимъ Бирона и герцогини Анны Леопольдовны, лейтенантовъ Камчатской экспедиціи, бывшихъ подъ судомъ, простили, Арсенія уволили отъ обязательнаго пребыванія въ С. Петербургѣ. Въ это время въ Сѵнодѣ предсѣдателемъ былъ покровитель Мацѣевича Амвросій Юшкѣвичь, пользовавшійся благоволеніемъ Бирона. Когда открылась въ Тобольскѣ мітрополічья каѳедра, представилъ Амвросій на это мѣсто іеромонаха Арсенія, который и посвященъ былъ прямо въ мітрополіта Сибирскаго, а черезъ годъ переведенъ, подобно Святителю Димитрію Ростовскому,*

*см. Словарь истор. М. Евгенія, ст. о Св. Димитріѣ Ростовскомъ.

по просьбѣ его, на Ростовскую и Ярославскую митрополію. Столь скорое и необыкновенное возвышеніе Арсенія не могло не возбудить зависти во многихъ, между прочимъ, и въ самыхъ членахъ св. Сѵнода; завистники сдѣлались его врагами. Наконецъ смутное правленіе Анны Леопольдовны именемъ колыбельнаго императора Іоанна Антоновича уступило мѣсто мирному царствованію кроткой Елисаветы, когда уже архіереевъ, монаховъ и священниковъ не мучили, не казнили, не разстригали, не ссылали въ дальніе Сибирскіе города.*

Торжественное коронованіе Императрицы Елисаветы Петровны созвало 1742 г. въ Москву духовныхъ владыкъ; туда прибылъ и Арсеній для участія въ священнодѣйствіи помазанія на царство Государыни и въ ея личномъ присутствіи, 6 октября освятилъ въ Москвѣ ксенодохіальную церковь Св. Бориса и Глѣба въ Куракинской богадѣльнѣ у Красныхъ воротъ, сооруженныхъ Московскимъ купечествомъ въ память коронованія дщери Петровой и тамъ говорилъ проповѣдь.

По словесному предстательству Амвросія Юшкѣвича, помазавшаго на царство Елисавету, Арсеній наименованъ членомъ, св. Сѵнода; но онъ не являлся въ Сѵнодъ, находя предложенную ему присягу несогласною съ формою Духовнаго регламента, и дополненную еще тѣмъ, чего не положено и въ свѣтской присягѣ, а именно: «Исповѣдаю же съ клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самую Всероссійскую Монархиню, Государыню нашу Всемилостивѣйшую.» На

* Слово на день Благовѣщенія, Архимандріта Димитрія Сѣченова, марта 25, 1742 г. М. въ 4.

это Арсеній возразилъ, что Сvнодъ, отставя настоящую главу Церкви Хріста Господа, Который есть единъ всѣмъ судебнымъ правительствамъ истинный крайній Судія, вноситъ другаго крайняго судію въ равенство Хрісту; понеже, замѣчаетъ Арсеній, ежели исповѣдывать съ присягою и клятвою противъ сvмвола вѣры другаго кого, кромѣ Хріста крайняго судію, то уже Хрістосъ, въ котораго вѣруемъ и котораго Крестъ и Евангеліе по присягѣ цѣлуемъ, какій намъ останется быти Судія? Къ сему-же наша Церковь святая, Православно восточная не по иному какому резону и папу отмещетъ и антихрістомъ его быть присуждаетъ, токмо наипаче посему, что онъ, въ противность Хрісту, сдѣлалъ себя цѣлой Церкви главою, сирѣчь крайнимъ Судіею; а Монаршей власти довольно въ той силѣ на вѣрность присягать, въ какой силѣ показано отъ крайняго Судіи Хріста въ Евангеліи и Апостолѣ Монаршей власти повиноватися!»

На вопросъ Сvнода, почему онъ не явился для принятія присяги, отвѣчалъ, что «подалъ Императрицѣ писменное справедливое, по хрістіанской совѣсти, донесеніе, къ которому ничего болѣе прибавить не можетъ.» Въ этомъ донесеніи Арсеній оправдываетъ себя, почему не принялъ присяги на правительство духовное.

Сvнодъ объ этомъ представилъ докладъ Императрицѣ; но дѣло осталось безъ тѣхъ послѣдствій, какихъ онъ ожидалъ. Арсеній уѣхалъ изъ Москвы въ Ростовъ.

Въ слѣдующемъ году, по указу Императрицы Елисаветы Петровны, велѣно было собрать въ Сенатъ и сжечь всѣ присяжные листы, по которымъ всѣхъ чиновъ люди въ бывшія два правленія герцога Браун-

швейгъ-Люнебургскаго Антона и герцогини Анны Браун-швейгской *, при повышеніи въ чины, присяги чинили. Въ числѣ такихъ присяжныхъ листовъ найдена и присяга Арсенія Маціевича, при возведеніи его на степень архіерейства съ припискою къ словамъ печатнаго экземпляра: «и послѣдствовати мнѣ во всемъ и повиноватися всегда святѣйшему правительствующему Сvноду, яко правильной власти, отъ Хріста и Апостоловъ происходящей чрезъ хіротонію.»

Такая приписка, прежде читанная, и слышанная, тогда показалась подозрительною членамъ Сvнода, раздраженнымъ выходками Маціевича и, вмѣсто того, чтобы сжечь его присяжный листъ, по примѣру другихъ, они послали къ Арсенію придирчивый запросъ: «чего ради и за чьимъ позволеніемъ, или единымъ своимъ разсужденіемъ и изволеніемъ и въ каковомъ разумѣ тѣ сверхъ печатнаго рѣчи, и прежде ли чтенія въ церкви той присяги, или уже по хиротоніи; будеже по хиротоніи, то когда именно, чрезъ кого ту присягу паки къ себѣ доставъ, Его Преосвященство приписалъ?» На это Арсеній отвѣчалъ: «Сей мой прилогъ въ присягу мою архіерейскую въ ту пору рукою моею приписалъ, Искримъ канцеляристъ сvнодальный оную присягу мнѣ, по прошенію моему, переписалъ и предъ поставленіемъ

---

* Въ рѣдкой книжкѣ, напечатанной въ Москвѣ 1741 г. сентября въ 1 день, о побѣдѣ на супостаты, въ 12, читаемъ: „Еще молимся о благочестивѣйшемъ и самодержавнѣйшемъ великомъ государѣ нашемъ Императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ всея Росіи, и благовѣрной государынѣ великой княгинѣ Аннѣ правительницѣ всея Россіи и о супругѣ ея великомъ государѣ герцогѣ Антонѣ Брауншвейгъ-Люнебургскомъ, о благовѣрной великой княжнѣ Екатеринѣ Антоновнѣ, о благовѣрной Государынѣ Цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

моимъ архіерейскимъ, въ субботу мнѣ принесъ, а на другой день, въ воскресенье, было мое поставленье, и я, при производствѣ, обыкновенно оную рукописную присягу за собственноручнымъ подписаніемъ съ показаннымъ отъ мене приписаннымъ прилогомъ всѣмъ вслухъ тогда читалъ. И сіе совѣстію моею архіерейскою утверждаю, какъ бы мнѣ на судъ Божій стати и чаяти воскрешенія живота и воскрешенія суда. Прилогъ же мой показанный не во иной силѣ отъ мене приписанъ, только въ противность и въ крайнее отверженіе таковаго раскольническаго исповѣданія: Церковь не церковію, архіереи не архіереями, священницы не священниками, понеже де священство чрезъ хіротонію отъ Хріста и Апостоловъ происходящее совсѣмъ потерялося. А кромѣ таковыхъ богохульниковъ, я не чаялъ и отнюдь не думалъ, чтобы другому кому, сирѣчь, кто Церкве Святой, Православно восточной придержится, могла быть противность. Вашему же святѣйшеству какая показалась въ томъ противность, прошу со всякою покорностію моею наставленія, и о томъ благопочтенно предложивши, навсегда пребываю Св. правительствующаго Сѵнода послушникъ, смиренный Арсеній Мітрополітъ Ростовскій и Ярославскій своеручно. Іюля 12, 1743 года.»

Это доношеніе было слушано и опредѣлено предложить впредь къ докладу въ полномъ собраніи св. Сѵнода незабвенно. По рѣшенію св. Сѵнода, присяга сожжена при экзекуторѣ, а дѣло о приписныхъ Арсеніемъ рѣчахъ положено предложить къ докладу; но не видно, возобновлялся ли этотъ докладъ. Въ это время покровитель Ростовскаго мітрополіта Амвросій Юшкѣвичь не присутствовалъ за бо-

лѣзнію при такомъ слѣдствіи. Въ 1745 году онъ скончался. Въ 1744, посѣтило Ростовскаго Владыку новое, тяжкое испытаніе: отъ неосторожности причетника, непогасившаго свѣчу, сгорѣли опочивавшіе въ Ростовскомъ соборѣ около пяти вѣковъ, Св. мощи благовѣрныхъ Князей Василія и Константина Всеволодовичей. Это навлекло неудовольствіе Сѵнода на Арсенія. Вскорѣ за тѣмъ Арсеній, страдавшій скорбутомъ и глазами, просился на покой въ Новгород-Сѣверскій монастырь. Сѵнодъ не замедлилъ представить Государынѣ докладъ объ увольненіи его отъ епархіи и объ отпускѣ ему содержанія по примѣру прочихъ архіереевъ, уволенныхъ на покой; но Императрица не утвердила такого доклада, и Арсеній, оставшись на своей епархіи, занимался устроеніемъ духовныхъ и училищныхъ дѣлъ, возраженіемъ на пашквиль лютеранскій, на Камень вѣры и дополненіемъ къ сочиненію Ѳеофилакта Лопатинскаго. Обличеніе неправды раскольнической. Когда Государыня въ 1753г. прибыла въ Москву, онъ въ письмѣ своемъ поздравлялъ ее съ пріѣздомъ, поднесъ ей свои сочиненія на всемилостивѣйшее разсмотрѣніе; въ другомъ письмѣ благодаритъ Императрицу за присылку ему венгерскаго вина, которое, по приказу ея и по совѣту лѣкаря, началъ употреблять съ салволатилемъ.

Міттрополітъ Ростовскій посвятилъ свое вниманіе ученой и учебной части. Преобладаніе латинской схоластики въ семинаріяхъ нашло сильное противодѣйствіе въ Арсеніи; онъ старался, чтобы школы были Русскія. Такимъ направленіемъ онъ поставилъ себя не только на ряду съ просвѣщеннѣйшими современниками, но и опередилъ ихъ цѣлымъ столѣтіемъ. Впрочемъ не чуждо ему было и старинное предубѣжденіе противъ

математическихъ наукъ и астрономіи; по его мнѣнію онѣ были для духовныхъ совершенно излишними и чуть не вредными. Въ 1747 году имъ перемѣщена семинарія изъ Ростова въ Ярославль; тогда уже въ этомъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія воспитывалось до 500 человѣкъ. Кромѣ церковнаго домостроительства, проповѣданіе Слова Божія и обличеніе раскольниковъ составляло одинъ изъ главныхъ предметовъ его дѣятельности на паствѣ; онъ даже роталъ на прекращеніе строгихъ мѣръ противъ этихъ отщепенцевъ. Когда состоялся указъ о запискѣ желающихъ въ расколъ, тогда Арсеній говорилъ: «надлежитъ особливыя молитвы и эктеніи читать, и на проскомидіи часть вынимать; ибо де раскольники въ церковь не ходятъ и на нее плюютъ, и велѣлъ архимандріту читать особенныя молитвы, выписанныя изъ служебника: «о гонящихъ церковь.» * Что въ послѣдствіи, какъ увидимъ, было перетолковано и поставлено ему въ преступленіе.

Въ Москвѣ имъ напечатаны 1742, 44 и 49 годовъ семь поученій; въ библіотекѣ Ярославской семинаріи хранятся три тома рукописныхъ его проповѣдей. Въ подражаніе ревности по Православію Святителя Димитрія, Маціевичь сочинилъ обличеніе раскольниковъ, оставшееся въ рукописи и дополнилъ книгу Ѳеофилакта Лопатинскаго *Обличеніе неправды раскольничей*, напечатанную въ Москвѣ 1745 года.

Его монастырскія занятія нарушены были непріятными столкновеніями съ Коллегіей Экономіи и св. Су-

---

* Нѣсколько дополнительныхъ словъ объ Арсеніи Маціевичѣ, проф. Соловьева, День № 16, 1862 г.

нодомъ. Первая отправила къ нему нѣсколько инвалидовъ для помѣщенія въ Ростовскіе монастыри. Арсеній не принялъ ихъ, отозвавшись въ Коллегію, что на ихъ содержаніе недостаетъ денегъ. Коллегія жаловалась Сенату и Сvноду, потому что, по ея расчисленію, у Ростовскихъ монастырей въ запасѣ было около тысячи четвертей хлѣба. Сенатъ потребовалъ отъ Митрополита объясненія. Арсеній отвѣчалъ, что послѣ подачи донесенія въ Коллегію Экономіи, въ разныхъ Ростовскихъ монастыряхъ пострижено изъ лишенныхъ монашескаго сана въ прошлое царствованіе около сорока человѣкъ, и потому недостаетъ лишнихъ порцій для инвалидовъ; къ оправданію своему онъ присоединилъ оскорбительныя выраженія. Сенатъ поручилъ Коллегіи разсмотрѣть объясненіе Ростовскаго владыки и дать свое мнѣніе, а Сvноду сообщилъ: «запретить преосвященному Арсенію такія оскорбительныя рѣчи, обращенныя къ лицу Сената, иначе Сенатъ вынужденъ будетъ доложить Государынѣ Императрицѣ.» Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ то же самое дѣло повторилось, только въ другомъ видѣ. Іюня 17, 1743 года Сvнодъ отправилъ въ Ростовъ какого-то юродиваго для помѣщенія тамъ въ монастырь. Арсеній отвѣчалъ на этотъ указъ довольно дерзко, назвавъ его неосмотрительнымъ и несправедливымъ. Сvнодъ жаловался на это Императрицѣ, которая повелѣла объявить Ростовскому митрополиту указомъ, чтобы онъ «отъ подобныхъ продерзостей конечно воздержался, а ежели впредь будетъ къ регламенту и указамъ оказывать противленіе и презорство, то какъ помѣшатель добрыхъ порядковъ и общаго покоя, и какъ

противникъ и непріятель Высочайшей воли, не только сана архіерейскаго, но и клобука лишится.»

Въ самый праздникъ Рождества Хрістова 1761 года миновалось благотворное для Россіи царствованіе кроткой Елисаветы, покровительницы духовенства и благодѣтельницы Арсенія; быстро и незамѣтно протекло государствованіе Петра III, который, по словамъ манифеста 1762 года іюля 28, «угрожалъ отечественной Церкви перемѣною древняго въ Россіи Православія и принятіемъ иновѣрнаго закона, святотатственно посягалъ на завѣщанныя для поминовенія вотчины у монастырей.» Вскорѣ затѣмъ наступило царствованіе Екатерины II, обѣщавшее преобразованія и разныя льготы народу, дворянству вольность. Назначенъ день ея коронованія, на которое однакожъ не вызвали мітрополіта Ростовскаго, обнесеннаго Императрицѣ его врагами. Сентября 22 совершено священное ея мѵропомазаніе Новгородскимъ архіепіскопомъ Димитріемъ Сѣченовымъ съ членами св. Сѵнода. Причемъ услужливый этотъ Пастырь пожалованъ Мітрополітомъ.

Въ самомъ началѣ своего царствованія, Екатерина II уже замыслила отнять у архіерейскихъ каѳедръ и монастырей вотчины; но предъ коронаціей своей, сперва было утѣшила и успокоила духовенство возвращеніемъ по прежнему въ управленіе духовныхъ властей, отобранныхъ у нихъ имѣній; даже уничтожила, «впредь до приведенія въ порядокъ духовныхъ штатовъ,» Коллегію Экономіи, завѣдывавшую монастырскими вотчинами. «Мы не имѣемъ намѣренія», писала Императрица, «присвоить себѣ церковныя имѣнія; но только предписать законъ о лучшемъ ихъ устройствѣ.»

Въ началѣ царствованія Екатерины II опять явился

при дворѣ, бывшій дотолѣ въ опалѣ, канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ, къ которому она имѣла уваженіе и довѣренность, какъ къ искусному дипломату; съ нимъ находившійся въ спошеніяхъ Ростовскій преосвященный жаловался ему на бѣдственное свое положеніе. «За отобраніемъ отъ дому архіерейскаго и отъ монастырей вотчинъ, писалъ къ нему: «приходитъ съ голоду умирать, понеже хлѣбъ у насъ весь былъ по вотчинамъ въ житницахъ, когда смолотое и лежавшее въ сушилахъ приѣдимъ, то и литургіи святой служить нечѣмъ и некому, всѣ принуждены идти нищими въ міръ; оставленныхъ лошадей кормить нечѣмъ; не жаль того, что лошади у насъ всѣ съ кобылицами и съ малыми жеребятами нарочнымъ полковникомъ, изъ Военной Коллегіи присланнымъ, отобраны и въ С.-Петербургъ сведены; только жаль того, что заводъ отчасти славный въ Государствѣ (Бѣлогостицкій), совсѣмъ переведенъ.» Въ заключеніе Арсеній просилъ Бестужева-Рюмина «показать милость къ домамъ Божіимъ, дабы стараніемъ его возвращены вотчины были по прежнему.» Вѣроятно, по письму Арсенія Бестужевъ донесъ Императрицѣ о такомъ бѣдственномъ положеніи архіерейскихъ домовъ и монастырей, какъ можно заключать изъ ея къ нему писемъ, 8 августа 1762 года: она такъ писала къ нему: «Батюшка Алексѣй Петровичь! приложенныя бумаги разсмотрѣть и мнѣніе ваше написать; дѣло въ томъ, коммиссію ли учинить нынѣ, или послѣ сдѣлать коммиссію. Въ первой бумагѣ написано отдавать, а въ другой только чтобъ они вступили во владѣніе до коммисіи. Пожалуй, помогай совѣтами!» Въ слѣдъ за тѣмъ учреждена подъ собственнымъ наблюденіемъ Государыни особая коммиссія изъ двухъ духовныхъ и трехъ

свѣтскихъ членовъ; въ числѣ первыхъ находился неприязненный Арсенію Димитрій Сѣченовъ, старавшійся заслужить благоволеніе Императрицы содѣйствіемъ видамъ ея политики. Коммиссіи поручено было «составить правила о лучшемъ употребленіи церковныхъ имѣній, во славу Божію и пользу отечества.» Эта коммиссія отправила во всѣ монастырскія вотчины и архіерейскіе домы приходо-расходныя книги для записыванія денежнаго и хлѣбнаго сбора, избранныхъ ею отставныхъ оберъ-офицеровъ для точнѣйшей повѣрки сообщенныхъ духовными властями свѣдѣній о состояніи и количествѣ церковныхъ имѣній. При такой ревизіи не могло обойтись безъ столкновенія духовной власти съ свѣтскою; Архіерей поставленъ былъ въ отвѣтственности предъ офицеромъ въ приходахъ и расходахъ по монастырскимъ и архіерейскимъ вотчинамъ, въ которыхъ простиралось крестьянъ до милліона.

Это возмутило душу Арсенія. Поборнику правъ духовенства казалось весьма оскорбительнымъ и неприличнымъ, какъ онъ выразился самъ, что «для составленія описей, офицеры будутъ входить въ алтарь и касаться церковныхъ сосудовъ и прочей священной утвари, что они въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ перещитывали деньги, перемѣривали хлѣбъ, добирали и вымогали недоимки, запечатывали магазины и амбары, выдавая все хозяевамъ и монастырямъ съ мѣры, вѣсу и щету. Вѣроятно, случалось, что настойчивость и самоуправство уполномоченныхъ коммиссіею чиновниковъ иногда переступали предѣлы должнаго уваженія къ личности и сану архипастыря. Въ такомъ

распоряженіи Арсеній видѣлъ нарушеніе правъ церковной завѣтной собственности, униженіе духовенства, а въ отобраніи монастырскихъ вотчинъ чуть не прекращеніе монашества и архіерейства, безъ котораго «не иное что воспослѣдуетъ, токмо отъ древнія нашея Церкви апостольской отступство, а съ тѣмъ вмѣстѣ послѣдуетъ поповщина, а потомъ безпоповщина, и тако Государству нашему преходить будетъ не токмо со всѣми академіями, но и съ чинами или на раскольническое, или на лютеранское, или на кальвинское, или на армянское государство.» Опираясь на соборное правило, что посвященное Богу не могло быть отчуждаемо, онъ ставилъ его выше смысла клятвеннаго своего обѣщанія, даннаго имъ при рукоположеніи въ архіерея: во всемъ повиноваться царской власти и надлежащимъ образомъ, по совѣсти своей, исполнять инструкціи, регламенты и указы, именемъ государя отъ предуставленныхъ начальниковъ объявленные. * Въ такомъ духѣ увлеченный негодованіемъ Арсеній подавалъ 6 марта 1763 года, въ Сунодъ одинъ протестъ за другимъ противъ отнятія у монастырей вотчинъ и противъ вмѣшательства свѣтскихъ людей въ духовныя дѣла особливо противъ Мусина-Пушкина, бывшаго президентомъ Коллегіи Экономіи; онъ его называлъ «туркомъ», упрекая въ неисполненіи Христіанскихъ обязанностей. Имѣя въ виду не столько свои личныя выгоды, сколько интересы своего сословія, нелюбостяжательный архипастырь въ протестахъ излилъ всю желчь своего оскорбленія. «Горе намъ, бѣднымъ архіереямъ,» писалъ онъ, 6 марта, «яко не отъ поганыхъ, но отъ своихъ мнящихся быти овецъ пра-

* Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго. М. 1816 г. въ 4.

воверныхъ толикое мучительство претерпѣваемъ.» О членахъ коммиссіи отзывался онъ, что «они насилу въ Бога вѣруютъ!» * Между тѣмъ разосланы были къ архіереямъ и монастырямъ печатныя инструкціи и формы описей церковныхъ имуществъ. «Церковь, жаловался Ростовскій Митрополитъ, «еще и отъ прошедшаго, недавно бывшаго удара и разоренія не отдохнула и въ чувства не пришла, а тутъ опять на нее навѣты и нападенія. Прошлаго года мы остались безъ яроваго хлѣба и съ малымъ числомъ сѣна, тоже будетъ и теперь съ превосходствомъ. Крестьянамъ сперва понравится платить оброкъ, вмѣсто работы; а какъ опустошатъ лѣса и луга, то хоть душу изъ нихъ возми, не будутъ платить оброка; архіерейскіе домы не только безъ дровъ, но и безъ хлѣба, безъ денегъ, безъ водовоза и послѣдняго работника останутся. Въ малое время благочестіе можетъ перевестись, такъ что и слѣда его не останется.» Какъ опытный въ хозяйствѣ, къ этому присовокупилъ заботливый владыка: «У насъ не Англія, едиными деньгами жить и пробиваться, а наипаче монастырямъ и домамъ архіерейскимъ, на которыхъ работать мужику сходнѣе и способнѣе, нежели деньги давать, которыми бы аще онъ и изобиловалъ, то лучше ему умереть, нежели съ ними разставаться, а когда надлежащія деньги отдастъ, то на едину нужду домашнюю и работу послѣднюю, воспослѣдуетъ домамъ архіерейскимъ и монастырскимъ деньги сорить, какъ полову, тогожъ мужика крестьянина своего прося и

---

* Въ дѣлахъ главнаго архива Мин. иност. дѣлъ.

моля, дабы принялъ, какія хочетъ, деньги, а не отрицалъ бы послужить; а онъ на то ниже будетъ смотрѣть и за малое дѣло будетъ вдвое и втрое денегъ требовать.»

Еще прежде подачи въ Сvнодъ письменныхъ своихъ протестовъ, Арсеній словесно выражалъ свои мнѣнія объ этомъ предметѣ, который лежалъ у него на печеняхъ; даже въ недѣлю православія, къ чиноположенію отважился прибавить «анаѳему обидчикамъ церквей и монастырей», и съ такимъ прибавленіемъ это чиноположеніе послано имъ было къ Костромскому епископу Дамаскину; но этотъ его благопріятель, хотя и не рѣшился дѣйствовать согласно съ нимъ: однако не захотѣлъ объявить кому слѣдуетъ, чтобы не быть предателемъ собрата. За что самъ подвергся строжайшему выговору отъ Сvнода, какъ бы соучастникъ.

Всѣ такіе отзывы и поступки доходили до чуткаго слуха Екатерины, которая не любила гласности и видѣла въ нихъ дерзкое себѣ противорѣчіе, а въ Арсеніи *лицемѣра*, *пронырливаго* и *властолюбиваго*, *бѣшенаго враля*, небезопаснаго для себя, какъ она сама выразилась; но Арсеній дѣйствовалъ и говорилъ не тайно, а открыто, смѣло шелъ на крестъ, зная, что̀ его ожидаетъ за протесты отъ самодержавной Государыни и святѣйшаго Сvнода, имъ раздраженнаго. Но видно, что слова этого *враля* за живое ее задѣвали, такъ что она не осталась равнодушною при своемъ «материнскомъ милосердіи и человѣколюбіи», о которыхъ напоминала въ письмахъ своихъ. Послѣ своего коронованія, она хотѣла представить народу примѣръ своего благочестія, и въ маѣ слѣдующаго года, въ сопровожденіи Новгородскаго митрополита Димитрія и

многочисленой свиты, отправилась въ Троицкую лавру для поклоненія Св. мощамъ преподобнаго Сергія и въ Ростовъ для переложенія въ новую богатую раку Св. мощей Святителя Димитрія Ростовскаго, открытыхъ преосвященнымъ Арсеніемъ. Февраля 28, 1763 г. она писала къ своему штатъ-секретарю Олсуфьеву: «Адамъ Васильевичъ! Понеже я знаю властолюбія и бѣшенство Ростовскаго владыки, я умираю, боясь, чтобы онъ раки Димитрія Ростовскаго безъ меня не поставилъ. Извѣстите меня, какъ вы ее отправили, съ какимъ приказомъ и подъ чьимъ смотрѣніемъ она находится и есть ли не взяты, то возмите всѣ осторожности, чтобы оная рака безъ меня отнюдь поставлена не была.» Вслѣдствіе такого повелѣнія, рака поставлена была, впредь до указу, въ особомъ мѣстѣ церкви, подъ охраненіемъ маіора съ солдатами. Изъ этого можно заключить, что до Императрицы дошли какіе-либо слухи о намѣреніяхъ и отзывахъ Арсенія, или она сама опасалась, чтобы онъ ей не помѣшалъ исполнить ея предпріятіе къ ея славѣ. Но такія предупредительныя мѣры оказались излишними, обнаружили только сильное негодованіе и опасеніе осторожной Государыни, встревоженной тогда Хрущевскимъ и Гурьевскимъ заговоромъ и разными слухами о дѣйствіяхъ ея политики *. Протесты Арсенія слушаны и осуждены были въ Сунодѣ.

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 15 апрѣля, въ оффиціальной статьѣ оглашено, что «доношеніе Арсенія отъ начала до конца наполнено ядомъ оскорбленія Величества.»

---

* Указъ 1762 г. окт. 19.

Сvнодъ тогда пребывалъ въ Москвѣ; первенствующимъ его членомъ былъ Новгородскій митрополитъ Димитрій Сѣченовъ, за нимъ Московскій митрополитъ Тимоѳей Щербатскій, С.-Петербургскій архіепископъ Гавріилъ Кременецкій, Крутицкій архіепископъ Гедеонъ Криновъ, Псковскій епископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, Тверскій епископъ Аѳанасій Вальковскій и Новоспасскій архимандритъ Мисаилъ. Большая часть сvнодальныхъ членовъ согласовались съ видами Государыни, съ мнѣніями Димитрія и съ распоряженіями оберъ-прокурора, слѣдственно были противниками Арсенія; тайные его приверженцы не осмѣливались возвысить голоса въ его защиту. Главнымъ же дѣйствующимъ лицемъ въ этомъ случаѣ былъ честолюбивый Димитрій, сообразовавшійся своему вѣку и царскому двору.

Они поднесли въ подлинникѣ Государынѣ Арсеніево роковое доношеніе, при особливомъ отъ себя всеподданнѣйшемъ докладѣ. Разсмотрѣвъ, она возвратила его Сvноду съ тѣмъ, чтобы самъ онъ «судилъ своего сочлена, какъ злонамѣреннаго преступника.» Между тѣмъ Арсеній продолжалъ свое служеніе на паствѣ своей. Однажды, (то было въ половинѣ марта мѣсяца) пришедши въ покои свои отъ вечерни, онъ сказалъ своему келейнику: «не запирай воротъ на ночь! гости будутъ ко мнѣ въ полночь.» Келейникъ недоумѣвалъ, какихъ гостей разумѣетъ преосвященный. Но въ самую полночь является къ нему гвардейскій офицеръ Дурново, проситъ у него благословенія; Арсеній не благословляетъ, говоря, что онъ уже не архіерей. Тотъ подаетъ ему сvнодскій указъ слѣдующаго содержанія: «14 марта опредѣлено ваше преосвященство, чрезъ нарочно отправленнаго гвардіи

оберъ-офицера привезть въ Москву, а при томъ отъѣздѣ ризницы и людей, кромѣ трехъ нужнѣйшихъ вашему преосвященству, съ собой не брать, и имѣющіяся въ кельяхъ вашего преосвященства письма, кромѣ печатныхъ книгъ, собравъ въ одно мѣсто, вашею и того оберъ-офицера печатью запечатавъ, взять оному оберъ-офицеру въ Москву.» Арсеній, предвидя, или предчувствуя, что онъ навсегда оставляетъ Ростовъ, хотѣлъ было помолиться и приложиться къ св. иконамъ и мощамъ въ Ростовскомъ соборѣ; но ему не позволили. По пріѣздѣ въ Москву 14 апрѣля, Арсеній уже содержался подъ крѣпкою стражей въ Симоновѣ монастырѣ, какъ государственный преступникъ.* Вѣроятно, и нарочно взяты съ нимъ его три служителя, не для услуги ему, но для исповѣди въ покаянной Сыскнаго приказа. Императрица писала къ оберъ-прокурору Глѣбову: «Александръ Ивановичъ! Нынѣшнюю ночь привезли враля, котораго исповѣдывать должно; пріѣзжайте ужо ко мнѣ, онъ здѣсь во дворцѣ будетъ.» Намъ неизвѣстно, какого рода была эта исповѣдь; въ присутствіи Императрицы, Орлова, Глѣбова и Шишковскаго, только видно, что Арсеній до того простеръ свою дерзость въ объясненіяхъ, что Императрица зажала себѣ уши, а ему «закляпили ротъ.»

Изъ Симонова монастыря 14 Апрѣля, Арсеній представленъ былъ въ полное присутствіе Сvнода и, при первомъ допросѣ, какъ объявлено было въ газетахъ, «сознался въ своей продерзости;» но какъ полагать надобно, судя по характеру этого подсудимаго, «не пощадилъ устъ своихъ». Его собратія и сочлены при-

---

*Москов. вѣдомости 1763 года, Апр. 14.

судили его лишить сана архіерейскаго, и разстригши изъ монашества, предать суду свѣтскому, по которому Ростовскій мітрополітъ за оскорбленіе Величества долженъ быть казненъ смертію. Такой приговоръ поднесенъ на утвержденіе Государынѣ, но она, какъ значится въ указѣ сѵнодскомъ, «по великодушію и милосердію своему природному», соизволила освободить Арсенія отъ суда свѣтскаго и изстязанія, а повелѣла оставить ему одинъ только монашескій чинъ и сослать его въ отдаленный монастырь подъ присмотръ настоятеля. Осужденный призванъ былъ въ Сѵнодъ для объявленія ему и для исполненія указа. По Москвѣ тогда уже распесся слухъ, что будутъ снимать санъ съ Ростовскаго мітрополіта въ крестовыхъ патріаршихъ палатахъ, куда допущено было священство и монашество. Толпы народа, побуждаемыя любопытствомъ и состраданіемъ, окружили Сѵнодальный дворъ, такъ что и солдаты не могли ихъ разогнать, къ тому еще подѣйствовало на встревоженные умы народа, вскорѣ послѣ того случившееся, внезапное паденіе церкви Трехъ Святителей Московскихъ, смежной съ крестовою палатой*, гдѣ осудили Арсенія.

Арсеній предсталъ на судъ, какъ бы на священнослуженіе: въ архіерейской мантіи съ источниками, въ омофорѣ, въ бѣломъ клобукѣ, съ панагіею на персяхъ и съ архипастырскимъ посохомъ въ рукѣ. По прочтеніи ему высочайшаго указа, рѣшавшаго его участь, члены Сѵнода, одинъ послѣ другаго снимали съ него священныя утвари: кто мітрополічій клобукъ, кто омофоръ, кто панагію, кто отобралъ у него посохъ и т. д. Взоры всѣхъ присутствовавшихъ обращены были

---

* Іюня 4, 1763 г. Протоколы Коллегіи Экономіи, № 93.

на выраженіе его лица, подмѣчали всѣ его мановенія и слова для того, чтобъ донести Императрицѣ, которая желала узнать всѣ подробности, касавшіяся до Арсенія при его низложеніи. Но при такомъ поразительномъ дѣйствіи, Арсеній, убѣжденный въ справедливости своей, вмѣсто страха и унынія, обнаружилъ свое негодованіе на собратій, и если только вѣрить преданію современниковъ, предсказалъ нѣкоторымъ изъ судей своихъ плачевный жребій. Такъ предвѣщалъ онъ первенствующему члену Сунода Димитрію мучительную кончину: задохнуться собственнымъ языкомъ, Амвросію Зертисъ-Каменскому смерть отъ мясника: «тебя, яко вола, убіютъ,» произнесъ онъ, потомъ обратясь къ юному епископу Псковскому Гедеону, сказалъ: «ты не увидишь своей эпархіи.»*

При этомъ тротательномъ зрѣлище, не могъ удержаться отъ слезъ добрый мітрополітъ Московскій Тимоѳей. Лишенному сана подали простое чернеческое одѣяніе и взяли съ него подписку, что съ этихъ поръ не только мітрополітомъ и архіереемъ, но даже іеромонахомъ не будетъ именоваться и писаться ни подъ какимъ видомъ.

Отъ сюда начинается рядъ десятилѣтнихъ страданій Арсенія. Изъ патріаршихъ палатъ повезли его подъ строгимъ карауломъ унтеръ-офицера и четырехъ сол-

*Замѣчательно, что судей Арсенія дѣйствительно постигла предсказанная имъ бѣдственная участь. Мітрополітъ Новгородскій Димитрій, не дождавшись блистательной награды, кончилъ дни свои въ ужасныхъ страданіяхъ архіепископъ Московскій Амвросій убитъ чернію внѣ воротъ Донскаго монастыря, епіскопъ Псковскій Гедеонъ, вскорѣ послѣ того, удаленный по высочайшему повелѣнію, изъ Москвы въ свою эпархію, не доѣхавъ до Пскова, умеръ на дорогѣ.

дать, сперва въ Ѳерапонтовъ монастырь, куда нѣкогда сосланъ былъ изъ Москвы низложенный Никонъ Патріархъ, потомъ въ Николо-Корельскій, гдѣ бѣдственно кончилъ дни свои бывшій Архіепископъ Новгородскій, вице-президентъ св. Сѵнода Ѳеодосій Яновскій. Епархіальному архіерею накрѣпко предписано было приставить къ ссыльному караулъ и развѣдывать пристойнымъ образомъ, такъ ли его содержатъ, какъ приказано. Но видно явились тогда и защитники Арсенія и въ томъ числѣ Бестужевъ-Рюминъ, къ которому (30 марта 1763 г,) Государыня писала: «Я чаю ни при которомъ Государѣ столько не было за оскорбителя Величества, какъ нынѣ за арестованнаго всѣмъ Сѵнодомъ мітрополіта Ростовскаго; и не знаю, какую я бы причину подала сумнѣваться о моемъ милосердіи и человѣколюбіи? прежде сего и безъ всякой церемоніи и формы, но не столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы сѣкали, и не знаю, какъ бы я могла содержать и укрѣпить тишину и благосостояніе народа (умолча о защищеніи и сохраненіи мнѣ отъ Бога данной власти), если бы возмутители не были наказаны.»

Тѣмъ кончился духовный судъ надъ Арсеніемъ Маціевичемъ и тѣмъ началось учрежденіе духовныхъ штатовъ. Отобранныя Екатериною II отъ монастырей вотчины, большею частію, розданы близкимъ ей особамъ; за ревностное ей содѣйствіе Мітрополітъ Димитрій Сѣченовъ награжденъ тысячью душъ крестьянъ; но въ то время, какъ томительная смерть была у него за плечами, честолюбіе его не довольствовалось ни богатою наградой, ни высокимъ саномъ Мітрополіта Новгород-

скаго; онъ, какъ гласитъ преданіе, тщетно домогался и надѣялся титла всероссійскаго Мітрополіта.

Легко можно себѣ представить, какое вліяніе имѣло это преобразованіе на духовенство, на бытъ и хозяйственный обиходъ монастырскій и на духовныхъ властей, поддерживавшихъ земледѣліе, содержавшихъ училища и богадѣльни, кормившихъ слободы нищихъ; одно только замѣтимъ, что съ того года вздорожалъ хлѣбъ. Не такъ на это смотрѣло дворянство, которое роптало, что предки ихъ, на свое поминовеніе, отказывали ихъ наслѣдственныя вотчины въ монастыри. Вспоминая случайныя злоупотребленія, забывали благоупотребленіе.

Но не оставимъ злополучнаго Маціевича и послѣдуемъ за нимъ въ его заточеніе. Библіотека его, состоявшая изъ церковно-славянскихъ, чешскихъ, русскихъ, польскихъ и латинскихъ книгъ, описана, такъ какъ и самое его имущество, весьма незначительное, свидѣтельствовавшее о его нелюбостяжательности.

Въ Николо-Корельскомъ монастырѣ, онъ содержался подъ карауломъ; ему отпускали на пропитаніе сперва 10, потомъ 15 и 50 коп. въ день; но не давали ни пера, ни чернилъ, ни бумаги. Постороннихъ людей къ нему не допускали; не велѣно было входить съ нимъ въ какое-либо сношеніе; дозволено было ему только посѣщать церковь въ часы богослуженія и то подъ карауломъ; изъ всего этого видно, что опасались его пера и языка; ибо знали, что Маціевичъ не удержитъ ни того, ни другаго, чтобъ не высказать своихъ убѣжденій. Не смотря на это, мѣстныя власти тамъ не могли отвыкнуть отъ мысли, что предъ ними бывшій мітрополітъ, пострадавшій за духовенство, а не простой монахъ, признанный за государственнаго преступника. Его по-

читали мученикомъ за правду, какимъ и онъ самъ выдавалъ себя предъ окружавшими его. «Вотъ, прежде», говаривалъ онъ, «нашу братью архіереевъ почитали цари и во всемъ благословенія требовали, и тогда наша братья смѣло ихъ въ духовныхъ дѣлахъ обличала; а я какъ послалъ правильное доношеніе, такъ за мою правду и въ ссылку меня сослали.»

Архимандрітъ и братія принимали у него благословеніе, какъ у архипастыря, дозволяя ему непозволительные для заточника поступки. Арсеній, приходя въ церковь къ обѣдни по праздникамъ, вынималъ на проскомидіи части за гонящихъ и обидящихъ Церковь Божію, подъ которыми, какъ самъ объяснилъ, разумѣлъ «предателя Димитрія Новгородскаго и Гавріила Кременецкаго С.-Петербургскаго и всѣхъ нѣмецкихъ чиновъ, которые объ отнятіи монастырскихъ вотчинъ старались и въ коммиссіи присутствовали.» Послѣ заамвонной молитвы, читалъ онъ съ толкованіемъ Катихизисъ, Четьи-Минеи Толковое Евангеліе, Иѳику Іераполитику и Алфавитъ духовный, а служившіе стояли по сторонамъ его въ облаченіи, какъ обыкновенно бываетъ, когда проповѣдуетъ архіерей. Архимандрітъ часто посѣщалъ Арсенія и говорилъ съ нимъ о разныхъ предметахъ; участникомъ въ ихъ бесѣдахъ бывалъ и приставленный къ нему подпрапорщикъ Алексѣевскій. Отъ разсужденій о вѣрѣ и благочестіи переходили и къ событіямъ въ политическомъ мірѣ. Молва дошла до Бѣлаго моря, будто Императрица хотѣла сочетаться бракомъ съ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ; но будто, когда она объявила о томъ въ Сенатѣ, то всѣ сенаторы просили ее, чтобы этого не было. Арсеній, внимательный къ событіямъ въ политическомъ мірѣ, разсуждая о Госуда-

рынѣ, сказалъ, что «лучше бы ей выдти замужъ за Ивана Антоновича, который съ ней не въ большомъ родствѣ, всего въ шестомъ коленѣ.» Вскорѣ дошла до Арсенія вѣсть, что Иванъ Антоновичъ, бывшій нѣсколько мѣсяцевъ всероссійскимъ Императоромъ, погибъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Хотя манифестъ Императрицы Екатерины II и объяснилъ настоящую причину такого событія, то есть заговоръ Мировича возвести Ивана Антоновича на престолъ; но это не удержало Арсенія отъ разныхъ подозрѣній, которыя онъ обнаружилъ въ присутствіи монаха Іоасафа Лебедева, а этотъ сообщилъ своему товарищу Филарету Батогову, который въ 1767 году донесъ Архангелогородской канцеляріи. Такъ отъ устъ Арсенія «ловили слова его къ осужденію его.» Началось слѣдствіе; къ очной ставкѣ вытребовали Арсенія, Лебедева и Филарета. Въ бумагахъ у перваго нашли *молитву о гонящихъ Церковь*, выписанную изъ печатнаго Кіевскаго служебника. На допросахъ и очныхъ ставкахъ Арсеній не утаилъ того, что на него показывали доносчики. Канцелярія донесла обо всемъ Императрицѣ, которая разсматривала это дѣло сама въ Москвѣ съ генералъ-прокуроромъ и Шишковскимъ. Она повелѣла, чтобъ никто по этому доносу отнюдь истязанъ не былъ, а только бъ показана была словами строгость, сопряженная съ вѣрностію къ ея Величеству, а между тѣмъ, приказала содержать это дѣло въ глубочайшемъ секретѣ. При этомъ напомнили Арсенію и прежнія его вины: какъ онъ забылъ монаршія милости покойной Императрицы и то еще, что она дважды его изволила простить въ дерзкихъ его и тогда уже поступкахъ, и удовольствовалась тѣмъ, что ему сдѣланъ былъ выговоръ въ присутствіи Сѵнода, а по-

томъ взята съ него подписка о неписаніи впредь продерзостныхъ письменъ. Въ указѣ своемъ Екатерина II выразилась «что хотя Арсеній за всѣ вышеупомянутыя преступленія, по силѣ государственныхъ правъ подлежалъ не только жестокому истязанію, но и лишенію жизни; но какъ его разглашенія не произвели желаемаго имъ, по его злости, вреда, и остались тщетны, то ея Императорское Величество указала, изъ одного человѣколюбія и милосердія, отъ истязанія и казни его избавить, оставляя остатки дней живота его единственно на покаяніе о сдѣланномъ имъ злѣ и лукавствѣ. А чтобы и впредь изъ него такихъ зловредныхъ разглашеній по его злому обыковенію, происходить не могло и тѣмъ болѣе, чтобъ отъ такихъ злостныхъ разсѣваній легкомысленные люди не впадали въ тяжкія преступленія, какъ это уже и случилось, лишить его монашескаго чина и, переименовавъ его Андреемъ Вралемъ, послать къ неисходному житію въ Ревель.» Генералъ-Прокурору повелѣно было увѣдомить Ревельскаго оберъ-коммендапта, чтобы онъ принялъ въ свое вѣдомство одинъ казематъ въ башнѣ крѣпости и изготовилъ его способнымъ къ житію человѣческому. Этотъ казематъ на водяныхъ воротахъ величиною былъ чуть не съ могилу: $10^1/_2$ футовъ длины и 7 ширины. Арсенію объявили этотъ указъ; но онъ не произнесъ, вопреки ожиданію, ни одного слова, когда снимали съ него, чинъ монашескій, и когда надѣвали на него, вмѣсто иноческой одежды, сермягу арестанта и, вмѣсто клобука, треухъ.

Отъ Архангельска до Ревеля провожала его, какъ государственнаго преступника, двѣ перемѣнныя команды. Въ инструкціи конвойному офицеру приказано было «вести его секретно въ закрытыхъ саняхъ и никому

не показывать, разговоровъ съ нимъ ни какихъ не имѣть, объ имени и состояніи его не спрашивать.» Императрица, не смотря на свой гнѣвъ и предубѣжденіе, по видимому, заботилась о несчастномъ, велѣла дать ему платье, бѣлье и шубу, обходиться съ нимъ безъ грубости. Хворый старецъ, удрученный и лѣтами и скорбями и дальними переѣздами, даже въ заклепѣ крѣпости лишенный средствъ вредить, казался опаснымъ. Боялись его рѣзкаго, обличительнаго языка, его вліятельнаго характера.

Изъ Архангельска привезъ Арсенія въ Вологду маіоръ Тоузаковъ, 1 января 1768 года, и сдалъ его тамъ офицеру фонъ-Нолькену, который сопровождалъ его до мѣста заточенія въ Ревель. Велѣно было, какъ можно, миновать С.-Петербургъ. Въ проѣздъ Арсенія черезъ Москву Екатерина пожелала видѣть этого ненавистнаго ей человѣка. Ей представили его въ саду Головинскаго дворца. Онъ сидѣлъ тамъ на лавкѣ въ дремотѣ, склонивъ голову къ груди; Государыня, приближась къ нему, пристально на него смотрѣла; тотъ, не поднимая глазъ, сказалъ какія-то слова. Екатерина, зажавши уши, тотчасъ ушла отъ него. Тогда онъ содержался въ Преображенскомъ острогѣ при Тайной Канцеляріи, гдѣ допрашивалъ его Шишковскій. * Изъ этого мѣста истязаній повезъ его разными дорогами фонъ-Нолькенъ, въ Ревель, и тамъ сдалъ своего арестанта оберъ-коммендант Тизенгаузену, который рапортовалъ въ С.-Петербургъ, что «привезенный въ крѣпость человѣкъ имъ принятъ посаженъ въ казематъ и офицеръ съ надлежащею

---

* Зритель Іюня 2, 1862 г. Краткое извѣстіе о жизни Преосвящ. Арсенія Мацѣевича.

командою опредѣленъ для караула.»* Не выпуская своего арестанта изъ виду, Государыня писала къ Тизенгаузену: «у васъ въ крѣпкой клѣткѣ есть важная птичка; берегите, чтобъ не улетѣла! надѣюсь, не подведете себя подъ большой отвѣтъ. Народъ очень почитаетъ изстари и привыкъ считать святымъ, а онъ больше ничего, какъ превеликій плутъ и лицемѣръ.» За такого выдавала страдавшаго Арсенія раздраженная Екатерина.

Въ Архангелогородской канцеляріи оставались малоцѣнные пожитки Арсенія: св. иконы, книги, платье и пр. Она представила всеподданнѣйшій докладъ, чтобы образа (какъ будто почему-либо подозрительные и опасные для свѣта) скрыть куда-нибудь въ неизвѣстное мѣсто, гдѣ нельзя имѣть объ нихъ никакого свѣдѣнія, чтобы не было памяти объ Арсеніи, а прочія вещи отправить для продажи въ Коллегію Экономіи. Императрица утвердила такой докладъ, повелѣвъ Коллегіи Экономіи: «въ продажѣ имущества опальнаго поступать по прежнему обыкновенію, не объявлять однакожъ объ немъ, чье оно было.»

Въ Ревелѣ этотъ арестантъ отданъ былъ въ исключительное вѣдомство оберъ-комменданту, которому въ особой инструкціи приказано самому принять Андрея

---

* Въ Запискахъ И. В. Лопухина, помѣщенныхъ во 2 книгѣ Чтенія И. О. Исторіи и Древн. Россійскихъ, 1860 г. на стр. 56 въ, примѣчаніи читаемъ:.... „въ дѣлѣ по Тайной Экспедиціи, о послѣднемъ заточеніи извѣстнаго Ростовскаго мітрополіта Арсенія въ 1767 и въ началѣ 1768 года, видно, до чего и Великая Екатерина могла быть во гнѣвѣ подвигнута, сіе дѣло возникло за слово, тогда уже, когда Арсеній нѣсколько лѣтъ находился въ ссылкѣ, въ монастырѣ Архангелогородской эпархіи, лишенъ епіскопскаго и священническаго сана, за представленіе противъ отбора монастырскихъ вотчинъ.

Враля и весьма секретно посадить его въ приготовленный казематъ, «остерегая приставленныхъ къ нему офицера и солдатъ, чтобы весьма остерегались съ нимъ болтать; ибо сей человѣкъ», приписала сама Императрица, «великій лицемѣръ и легко можетъ привести къ несчастію; всего лучше еслибъ они не знали Русскаго языка. Книги Русскія дозволялось ему дать, только оныхъ ему при караульныхъ не толковать; разговоровъ съ нимъ никакихъ не имѣть, объ имени его и состояніи его не спрашивать. Если жъ, по словоохотности, самъ станетъ о себѣ разглашать, то вѣрить сему не велѣть, а въ тоже время строжайше запретить ему говорить; а если что караульные отъ него услышатъ, тотчасъ, смотря по важности, писать секретно къ генералъ-прокурору.» Вѣрно не безъ основанія изображенъ на окнѣ при портретѣ Арсенія кляпъ, налагавшій на уста молчаніе. Не выпуская изъ виду Арсенія и въ тѣсномъ заточеніи, окруженнаго стражею, такія крайнія предосторожности брала Императрица, какъ будто отъ языка и пера узника зависѣла судьба ея и судьба государства. Въ январѣ 1768 года она, въ дополненіе къ инструкціи, прислала съ эстафетой слѣдующій указъ къ Тизенгаузену: «г. Ревельскій оберъ-коммендантъ! Извѣстному вамъ арестанту опредѣлено по 10 коп. на день. Но если сіе на его содержаніе мало, то дайте мнѣ знать, дабы я могла прибавить; ибо мое намѣреніе есть, чтобы онъ нужды не терпѣлъ, а чтобъ онъ лишенъ былъ возможности сотворить людямъ невиннымъ и себѣ, чрезъ пустое болтанье, зло. Книги же дать ему можете, а денегъ отнюдь въ руки ему не давайте. Онъ сколько старъ, столько и пронырливъ. Если же ему нужда будетъ въ бѣльѣ и

одеждѣ: то удовольствуйте его безъ излишества. А въ болѣзняхъ велите его лечить и предпишите тѣмъ, кои около его, чтобы съ нимъ безъ грубости обходились.»

По прибытіи въ Ревель, Арсеній занемогъ отъ дороги, усталости и прискорбія. Оберъ-коммендантъ прислалъ къ нему гарнизоннаго лекаря Герца, съ котораго взялъ подписку, что подъ смертною казнію не будетъ спрашивать у больнаго объ его имени и званіи, и никому, до конца жизни своей, не объявитъ о немъ ни въ разговорахъ, ни догадками или какими-нибудь минами. Тизенгаузенъ каждый мѣсяцъ посылалъ въ С.-Петербургъ рапорты съ донесеніемъ, что «извѣстный арестантъ содержится по силѣ данной высочайшей инструкціи, и ведетъ себя тихо.»

Дѣйствительно, Арсеній, предавшись волѣ Промысла и утѣшая себя въ своемъ заточеніи чтеніемъ Св. Писанія, примирился съ жребіемъ своимъ. На стѣнѣ тѣсной своей тюрьмы, онъ начерталъ углемъ: «Благо, яко смирилъ мя еси.»* Въ 1771 году, послѣ смерти Тизенгаузена, поступилъ на его мѣсто Бенкендорфъ. По этому случаю, Императрица писала къ генералъ-прокурору князю Вяземскому: «Какъ Г. П. Бенкендорфъ нынѣ оберъ-коммендантомъ въ Ревелѣ опредѣленъ, то не изволишь ли писать къ нему, чтобы онъ за Вралемъ имѣлъ смотрѣніе такое, какъ и Тизенгаузенъ имѣлъ; а то боюсь, чтобы, не бывши ему порученъ Враль, не заводилъ въ междуцарствіи свои какія ни есть штуки, и чтобы не стали слабѣе за симъ

---

* Исторія Русской Церкви, Преосв. *Филарета Гумилевскаго*, періодъ V. Москва. 1848, вт. 8.

звѣркомъ смотрѣть, а намъ отъ него не выливались новыя хлопоты.»* Изъ этого видно, что Императрица не преставала Арсенія опасаться, подозрѣвать и преслѣдовать его своею мыслію, какъ будто у него въ рукахъ была какая-либо ея важная тайна.

Въ 1772 году, февраля 26, Арсеній, тяжко заболѣвъ, требовалъ священника. Оберъ-коммендантъ допустилъ къ нему духовника, который исповѣдывалъ и причастилъ прежняго архипастыря, приближавшагося къ смерти. На третій день послѣ того, въ 8 часовъ утра Арсеній скончался и въ тотъ же день вечеромъ, по пробитіи вечерней зари, погребенъ въ русской Никольской церкви. Мѣсто погребенія его донынѣ тамъ показываютъ у праваго клироса, въ придѣлѣ Успенія Божіей Матери, послѣ пристроенномъ на могилѣ Арсенія. Самъ Шишковскій, хладнокровный истязатель, чувствуя жестокость своихъ розысковъ надъ бывшимъ Мітрополітомъ, посылалъ, по самую смерть свою, въ Ревель деньги на панннхиду по несчастномъ Маціевичѣ.** Оставшуюся послѣ усопшаго рухлядь велѣно раздать нищимъ, а книги: Евангеліе, Псалтирь и Святцы отдать духовнику его Ревельскому Никольскому священнику Кондратову. Съ священника и всей команды взяты подписки, что они «подъ смертною казнію, подъ конецъ своей жизни, будутъ хранить обо всемъ этомъ глубочайшее молчаніе.» Такъ желала Екатерина II скрыть отъ современниковъ послѣднюю участь и слѣды страдаль-

* Въ газетѣ День, № 17, ст. г. Лонгинова: Новые документы для біографіи Маціевича.

** Какъ свидѣтельствуетъ Сенаторъ И. В. Лопухинъ, между прочимъ' что Арсенія исповѣдывалъ и причащалъ Ревельскій ключарь Савва. См. Зритель 1862 г. № 28.

ца, ей ненавистнаго и казавшагося опаснымъ въ самомъ заклепѣ!

Но одно преданіе такъ гласитъ: Почувствовавъ приближеніе своей кончины, Мацѣевичъ просилъ своего стража позвать священника для исполненія послѣдняго долга. Священникъ явился къ нему съ Св. Дарами: но вдругъ, выбѣжавъ отъ него въ смущеніи, сказалъ приставу: «Вы мнѣ говорили, что надобно исповѣдывать и причастить преступника, а предо-мною стоитъ на колѣняхъ архипастырь въ полномъ облаченіи.» Когда приставъ вошелъ самъ съ священникомъ въ тюрьму, предъ ними лежалъ на койкѣ въ сермягѣ арестантъ-страдалецъ и трепещущимъ голосомъ сказалъ духовнику: «Сынъ мой, предъ тобой не мітрополітъ, а недостойный рабъ Арсеній, идущій отдать отчетъ Господу Богу въ своей жизни. Видѣнное тобою чудо есть знаменіе Господне неизреченной милости Божіей: это значитъ, что душа моя скоро отлетитъ отъ скорбнаго тѣла.» Духовникъ, исповѣдавъ и причастивъ его, испросилъ у него себѣ благословеніе. Ему умирающій отдалъ на память свой молитвенникъ, на коемъ написано было: «Смиренный мітрополітъ Ростовскій Арсеній.» Другое жъ сказаніе, записанное въ старинной тетради, свидѣтельствуетъ, что опальный Арсеній на пути своемъ къ мѣсту заточенія упросилъ сопровождавшихъ его стражей остановиться у ближайшей церкви и позволить ему исповѣдываться и причаститься. Когда, по исполненіи таинства покаянія, въ концѣ обѣдни, открылись Царскія двери для преподанія Св. Даровъ, Арсеній вдругъ явился въ архіерейскомъ облаченіи и приступилъ къ Божественной Трапезѣ; потомъ опять принялъ прежній видъ арестанта. Таковыя обно-

3*

сятся въ Русскомъ мірѣ преданія, которымъ хотя и нельзя дать вполнѣ фактическаго значенія, но представляемъ ихъ, какъ свидѣтельство живѣйшаго участія духовенства и народа въ печальномъ жребіи бывшаго мітрополита Ростовскаго.

Г. Семевскій, не указывая фактическаго доказательства, назначаетъ мѣсто заключенія и кончины Маціевича въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости.* По свидѣтельству же одного путешественника, могилу этого страдальца показываютъ при Верхнеудинской кладбищенской церкви.** Какъ время кончины Арсенія, такъ и мѣсто его погребенія опредѣляютъ различно: то въ 1772, то 1779, 1787 году.

Спросятъ, отъ чего же произошли такіе толки, перешедшіе въ народное сказаніе?

Изъ дѣлъ бывшей Тайной Канцеляріи видно, пишетъ г. Чистовичь, что въ тоже самое время, какъ Арсенія Маціевича послали въ Ревель, другаго Арсенія, іеромонаха Нижегородскаго Печерскаго монастыря, за разныя преступленія, и между прочимъ, за ложный доносъ на Благовѣщенскаго архимандріта Іону, отправили въ дальній монастырь Иркутской губерніи. Объ Арсеніи Маціевичѣ не знали ничего вѣрнаго, только хо-

* Въ запискахъ И. В. Лопухина, помѣщенныхъ во 2-й книгѣ Чтеній И. О. Исторіи и Древностей Россійскихъ на стр. 67 упоминается, что за нѣсколько мѣсяцевъ, предъ кончиною Императрицы Екатерины II, заключенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость нѣкто изъ монаховъ, или послушниковъ монастырскихъ, который предсказывалъ о ея кончинѣ, и точно въ то время ковнчина случилась. Онъ былъ привезенъ въ Петербургъ уже при Павлѣ I, который нашелъ приличнымъ помѣстить его въ какой нибудь монастырь.

** Древнія святыни Ростова-великаго, соч. графа М. В. Толстаго, М. 1860 г. стр. 28.

дили слухи, что его увезли куда то изъ Николы-Корельскаго монастыря. Въ Сибири, между прочимъ, проѣзжалъ такой-то Арсеній. Молва смѣшала ихъ. Въ народѣ разгласилось, что бывшаго мітрополіта Ростовскаго везли въ Сибирь, что его видѣли въ Нерчинскомъ монастырѣ и что онъ скончался на пути въ Селенгинскій монастырь. Приверженцевъ его наказали лишеніемъ званія, а доносчиковъ наградили деньгами.

Въ такихъ превратностяхъ и тяжкихъ испытаніяхъ провелъ остальное десятилѣтіе своей жизни послѣдній мітрополітъ Ростовскій, жившій при четырехъ Императорахъ и при четырехъ Императрицахъ. Тяжба его, черезъ столѣтіе, обратила на себя вниманіе и участіе русскаго міра; подняты его дѣла, таившіяся въ пыли архивовъ; нѣкоторыя тайны распечатаны, объ немъ обнародованы письменныя свидѣтельства и преданія, возбуждены вопросы, вызваны на судъ свѣта самъ Арсеній, его судьи, друзья и враги. Почти вся жизнь его представляетъ намъ непрерывную борьбу, то съ духовною и свѣтскою властью, то съ раскольниками и вольнодумцами, то съ личными его врагами и гонителями. Въ его поступкахъ обличается его твердый до упорства, прямой до упрямства характеръ, который не поддается власти и не уступаетъ силѣ, когда дѣйствія ихъ несогласны съ его убѣжденіями и правилами. Его личныхъ убѣжденій непоколебали ни царскій гнѣвъ, ни возстаніе на его собратій, ни лишеніе святительскаго сана, ни истома въ мрачной и душной тюрьмѣ, ни розыски Шишковскаго, ни угрожавшая ему смертная казнь; обрекши себя на жертву за право собственности духовенства, Арсеній дѣйствовалъ не тайно, не ухищренно, но прямо, открыто, писалъ и говорилъ

смѣло съ самоотверженіемъ. Кормчую онъ ставилъ выше духовнаго регламента, царскаго указа и присяги, потому что смотрѣлъ на дѣло свое, какъ на дѣло Божіе, за которое стоять и жертвовать собою вмѣнялъ себѣ въ священную обязанность и заслугу. Собратія его въ тайнѣ раздѣляли его убѣжденія; но явно никто изъ нихъ не отважился присоединиться къ нему. Мало того, нѣкоторые даже возставали противъ него. При столкновеніи правъ и обязанностей, онъ опирался только на свои права, какъ пастырь Церкви, уклоняясь отъ обязанностей вѣрноподданнаго. Вотъ отъ чего смѣлость и свобода его протестовъ, направленныхъ не противъ личности Самодержицы, но противъ собратій и членовъ коммиссіи принята тогда за оскорбленіе Величества, а самое дѣйствіе за мятежъ и крамолу! Вотъ отъ чего мнѣнія объ немъ различны! Народъ, сострадая объ немъ, какъ о несчастномъ пастырѣ, почиталъ его правдивымъ, благочестивымъ, ревностнымъ поборникомъ Православія, и какъ сама Императрица выразилась въ письмѣ своемъ, «святымъ»; она же находила въ Арсеніи «лицемѣра, пронырливаго, лукаваго, злобнаго, опаснаго для себя враля». Такое мнѣніе Государыни, повидимому, возбуждено въ ней не одними рѣзкими протестами Ростовскаго владыки, въ ея царствованіе, но какими нибудь предшествовавшими обстоятельствами въ царствованіе ея тетки Елисаветы Петровны, когда были партіи и противъ нея, потому что она, какъ видно изъ ея писемъ, почитала Арсенія не только противникомъ ея воли, но и личнымъ своимъ врагомъ.

Такъ расходился судъ народа объ Арсеніѣ съ судомъ разгнѣванной Государыни.

Предавая тотъ и другой судъ суду Божію, не оставимъ забвенію пастырскихъ подвиговъ Ростовскаго митрополита, который открылъ мощи своего святаго предшественника Димитрія и, по порученію св. сνнода, почтилъ его память сочиненіемъ его житія и службы.

Подражая этому Святителю въ ревности по Православію, онъ письменно и словесно обличалъ раскольниковъ и нѣкоторыхъ успѣлъ обратить на правый путь; его дополненіе къ *Обличенію неправды раскольничей* заслуживаетъ особенное вниманіе по своему содержанію и достоинству *. Ощутительное вліяніе лютеранства въ Россіи, при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, противодѣйствіе Православію Бирона съ Миникомъ и Остерманомъ вызвало его ревность на опроверженіе его. Объ усердіи его въ проповѣданіи Слова Божія для назиданія паствы своей, свидѣтельствуютъ печатныя и письменныя его проповѣди, хранящіяся въ библіотекахъ Ярославской семинаріи и другихъ. Исторія просвѣщенія въ Россіи не забудетъ попеченій сего пастыря объ устроеніи духовныхъ училищъ и о водвореніи въ нихъ ученія, болѣе сообразнаго съ духомъ Русскаго народа и съ потребностями духовенства. «Школы при архіереяхъ», писалъ онъ въ протестѣ 6 Марта 1763 года, «не иныя нужны, только русскія: понеже въ церквахъ у насъ не по латыни, ниже другими иностранными языками читается и поется, и служба Божія совершается по русску.» Въ сочиненіяхъ его выразилась съ преданностію къ св. вѣрѣ любовь къ отечеству и приверженность къ праотеческимъ обычаямъ и нравамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отвращеніе къ нововведеніямъ.

---

* Православный собесѣдникъ. Казань, 1861 г. Декабрь.

Чуждый корысти и любостяжательности, Арсеній раздѣлялъ доходы свои съ бѣдными и нищими; доказательствомъ тому опись скуднаго его имущества. Богатство его состояло въ библіотекѣ, которая поступила въ Ярославскую семинарію. Скажутъ, недоставало только смиренія подписывавшемуся *смиреннымъ;* но кто знаетъ, что въ самомъ смиреніи этой личной добродѣтели, онъ предпочелъ ревность ополчаться перомъ и языкомъ за права Церкви, освященныя давностію, и какъ человѣкъ съ энергическимъ характеромъ не могъ не увлечься своимъ личнымъ убѣжденіемъ и въ увлеченіи своемъ не могъ удержаться отъ оскорбительныхъ и дерзкихъ выраженій. Уже путемъ тяжкой истомы и страданій, Арсеній наконецъ достигъ глубокаго смиренія въ Ревельскомъ казематѣ, на краю своей могилы. Тамъ всѣми оставленный, кромѣ своихъ суровыхъ, безмолвныхъ стражей и разныхъ гадинъ, лишенный надежды на свободу и помилованіе, онъ, подобно опальному Никону Патріарху, обращаясь къ «Посѣтителю душъ» тамъ взывалъ: «Благо яко смирилъ мя еси, Господи!»

СОБОРНАЯ ЦЕРКОВЬ УСѢКНОВЕНІЯ ЧЕСТНЫЯ ГЛАВЫ ІОАННА ПРЕДТЕЧИ.

въ бывшемъ Ивановскомъ монастырѣ.

ВЪ МОСКВѢ.

ИВАНОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ

ВЪ МОСКВѢ.

Изображенная здѣсь старинная церковь во имя Усѣкновенія честныя главы святаго Іоанна Предтечи до 1812 года была соборною Ивановскаго дѣвичьяго монастыря въ *старыхъ садѣхъ, подъ боромъ, что на Кулишкахъ*, противъ того холма, гдѣ еще въ началѣ XVI вѣка, соорудилъ Алевизъ церковь св. Владиміра. Мѣсто это, удобное для монашескаго житія, по срединѣ города, кажется отдѣленнымъ отъ него по своему положенію. Обитель сія замѣчательна сколько древностію своей, столько и достопамятными въ ней событіями. По штату, она была второклассная —ружная. До учрежденія штатовъ, за нею состояло 813 душъ по ревизіи 1744 года: въ уѣздѣ Переславля—Рязанскаго село Путятино на рѣчкѣ Воршѣ и Шацкаго уѣзда, Залѣсскаго стану село Архангельское, двѣ Сестреницы тожъ, на рѣкѣ Хопрѣ.

Основаніе ея приписывается преданіемъ: то великому князю Іоанну III, то матери царя Іоанна Васильевича, великой княгинѣ Еленѣ Глинской; сооруженіемъ церкви въ память Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи она, вѣроятно, желала ознаменовать день тезоименитства своего сына. Такъ свидѣтельствуетъ преданіе, впрочемъ не подтверждаемое историческими данными! Въ описи Ивановскаго дѣвичья монастыря

1763 г., читаемъ слѣдующее: «А когда оный монастырь построенъ, при которомъ государѣ и по «какой государской грамотѣ, и въ которомъ году, «о томъ въ означенномъ монастырѣ точнаго извѣстія «нѣтъ». * Изъ лѣтописей же открывается намъ, что въ началѣ XV столѣтія, существовалъ мужескій Іоанно-Предтечевскій монастырь подъ боромъ за Москвою рѣкой, тамъ, гдѣ нынѣ приходская церковь Срѣтенія Черниговскихъ Чудотворцевъ. ** Вѣроятно, что съ упраздненіемъ этого монастыря, подъ Замоскворѣцкимъ боромъ, основанъ соименный ему подъ Кулижскимъ боромъ, о коемъ упоминаетъ ниже приведенная надпись на Евангеліи. Въ историческихъ актахъ Ивановскій монастырь встрѣчается въ 1604 году. Такъ въ патріаршество Іова священникъ Ивановскаго монастыря, (только неизвѣстно мужескаго или женскаго?) былъ въ числѣ старостъ поповскихъ, какъ значится въ извѣтѣ боярскаго сына Ивана Чортова, 1604 года. ***

Сей монастырь устроенъ и украшенъ былъ царскими и боярскими вкладами: но лишился ихъ въ нашествіе Поляковъ и въ пожары, кои неоднократно опустошали его. Такія утраты вознаграждались вкладчицами изъ знатныхъ фамилій, поступавшими въ эту обитель. Когда указомъ Петра I, въ 1701 году, повелѣно было строить въ монастыряхъ, вмѣсто деревянныхъ, каменныя келліи; тогда и здѣсь построены каменныя же, въ томъ числѣ крестовая палата съ сѣнями. Едва минуло тому 36 лѣтъ, какъ мая 30, Троицкій пожаръ, происшедшій

* Опись Ивановскому дѣвичу монастырю, что на Кулишкахъ, учиненная 1763 года, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка поручикомъ Петромъ Свиньинымъ.

** *Карамз.* И. Г. Р. VII, пр. 383. VIII, пр. 16.

*** Акты Археографич. экспед. II, № 223.

отъ денежной свѣчки, обхватилъ почти всю Москву; имъ опустошенъ Ивановскій монастырь, гдѣ сгорѣли монашескія келліи и на церквахъ кровля; жертвою пламени сдѣлались тогда шесть монахинь. * Обитель сія время отъ времени устроивалась, какъ въ 1748 году, посѣтило ее подобное бѣдствіе; но въ 1761 году, она возобновлена щедротами Императрицы Елисаветы Петровны, которая предназначала было ее для призрѣнія вдовъ и сиротъ заслуженныхъ людей, какъ видно изъ указа 1761 года, іюня 20. Въ 1763 году монастыремъ управляла игуменья, получавшая годоваго жалованья 3 р. 45 к. монетою; монахинь въ немъ было 43, каждой выдавалось въ годъ по 1 р. 72 к., съ 1/2. Наконецъ сему монастырю суждено въ 1812 году потерпѣть одинаковую участь съ Москвою: кромѣ соборной церкви, всѣ зданія въ немъ сгорѣли, часть церковныхъ сокровищъ разграблена; а другая, до вступленія непріятелей, увезена была въ Вологду. Въ монастырѣ оставалась послѣдняя его игуменья Елпидифора съ сестрами. Когда же имъ начало угрожать буйство враговъ, ругавшихся надъ святынею, она тайно удалилась съ сестрами въ Хотьковъ монастырь. Послѣ очищенія Москвы отъ непріятелей, Ивановскій монастырь обращенъ въ приходскую церковь; въ возобновленныхъ послѣ пожара келліяхъ и пристроенныхъ зданіяхъ помѣщены были чиновники и рабочіе сvнодальной типографіи.

Изъ монастырскихъ церквей оставалась одна соборная, замѣчательная по своеобразности своего зодчества.

---

* Вѣдомость изъ Московскаго Сvнодальнаго Правленія Канцеляріи о погорѣвшихъ 1737 года въ Москвѣ Архіерейскихъ подворьяхъ и разныхъ сорокахъ церквахъ, см. *Дѣло о пожарѣ* 1737 г. подъ № 166 въ Архивѣ Сvнод. Конторы.

Она образовала квадратъ съ выдавшимися на внѣшнихъ стѣнахъ лопатками и съ четырьмя фронтонами, въ видѣ трехъугольниковъ, надъ коими возвышалась глава на трибунѣ, обитая вызолоченною жестью, а кровля листовымъ желѣзомъ. Съ востока къ церкви примыкали три шестигранныя полукружія алтаря, съ запада обширная трапеза представляла квадратную палату съ придѣлами. Въ ней, по срединѣ на четырехгранномъ, величиной въ кубическую сажень, крѣпостномъ столпѣ опирались со всѣхъ сторонъ коробовые своды. Въ стѣнахъ связи были деревянныя; окна малыя и узкія, въ послѣдствіи расширенныя; толстыя стѣны сложены изъ крѣпостныхъ кирпичей; цоколь изъ бѣлаго камня низкій; на внѣшнихъ стѣнахъ не было никакихъ орнаментовъ. Простота, прочность и низменность давали поводъ предполагать, что эта древняя *церковь-трапеза*, при первоначальной своей постройкѣ, составляла нижній (зимній) этажъ храма, на коемъ существовалъ верхній съ лѣтнею церковью. По всѣмъ признакамъ стариннаго сооруженія кирпичныхъ зданій въ Москвѣ, въ этомъ остаткѣ древняго храмоваго зодчества видна работа русскихъ мастеровъ, осторожныхъ, несмѣлыхъ, не выпускавшихъ изъ виду главныхъ практическихъ качествъ строенія: крѣпости и прочности. Хотя еще не найдено опредѣлительно время основанія сего храма, — съ вѣроятностію можно его отнести къ концу XVI столѣтія. На южной и сѣверной сторонѣ у крыльца желѣзныя двери вели въ подвалъ подъ церковью. На той же сторонѣ къ трапезѣ пристроенъ былъ каменный застѣнокъ, въ послѣдствіи обращенный въ ризничную палатку.

Внутренность главнаго храма представляла четвероконечный крестъ; его своды образовали два пересѣкающіеся полуцилиндра; въ пересѣчкѣ ихъ сквозной трибунъ. Широкія окна надъ южными и сѣверными дверями вновь продѣланы. У сѣверной стѣны находилось каменное надгробіе съ покровомъ; на верхней его плитѣ высѣчена была слѣдующая надпись: «лѣта 7146 «(1638) марта въ 1 день на память стыя прдномчнцы «Евдокіи преставися раба Божія двца Дарья, во ино«киняхъ схимница Марфа юродивая.» Подъ сводами каменной надгробницы стоялъ на помостѣ деревянный гробъ ея, гдѣ изголовьемъ ей служилъ камень по смерти; какой былъ и въ подвижнической жизни.

На каменномъ помостѣ о двухъ ступеняхъ возвышался старинный алтарный иконостасъ, столярной рѣзной, выложенный орнаментами изъ позолоченнаго свинца съ Царскими дверями рѣзными и позолоченными; надъ ними сѣнь также рѣзная позолоченная, въ коемъ помѣщены образа изъ древняго; онъ состоялъ изъ пяти поясовъ, но не въ томъ порядкѣ, въ какомъ обыкновенно устроивается: въ нижнемъ ярусѣ мѣстные образа, надъ нимъ Деисусъ и Двоенадесятые праздники, потомъ два ряда келейныхъ, выносныхъ образовъ, наконецъ поясъ Праотцевъ и Пророковъ, въ басменномъ окладѣ, писанныхъ въ Греческомъ стилѣ, по видимому, около половины XVII вѣка. Въ монастырской описи 1763 года исчислены мѣстныя иконы въ такомъ порядкѣ: по правую сторону отъ Царскихъ вратъ: 1. Живоначальныя Троицы, 2. Іоанна Предтечи. 3. Іоанна Предтечи въ житіи, 4. Усѣкновенія честныя главы Предтечевы, въ деревянномъ рѣзномъ кіотѣ; по лѣвую сторону Царскихъ вратъ: 1. Одигитріи Пресвятыя Богородицы, 2. Николая Чудотворца, по сторонамъ ко-

«при царѣ великомъ князѣ Алексіѣ Михайловичѣ всея «Россіи Самодержцѣ, построено лѣто 7169 года изъ «церковныя казны при попѣ Θеофаніѣ, при попѣ «Григоріѣ и при дьяконѣ Иванѣ.» Опись 1763 года свидѣтельствуетъ намъ о множествѣ облаченій въ ризницѣ; тамъ было 96 священническихъ ризъ, въ числѣ коихъ находились камчатныя, киндячныя, тафтяныя, парчевыя, травчатыя, грезетовыя, атласныя, объяринныя, парчевыя, обнизанныя жемчугомъ, полуобъяринныя, канаватныя, транцепелевыя, изорбатныя, бѣлокосовыя, косматаго бархату и пр. Епитрахилей было 40, подризниковъ 23, поясовъ 11, поручей 57, стихарей 36, орарей 22, воздуховъ 100, пеленъ 41 и пр.

На здѣшнихъ колоколахъ читаемъ слѣдующее: 1) на поліелейномъ: «Лѣта 7149 (1641) Іюня въ 12 день «повелѣніемъ великого гдря цря і великаго кнзя Ми«хаіла Θедоровича всея Руси самодерьжца слитъ сеі «колокол в преіменітомъ царствующем граде Москвѣ «выವановско девичей мпрь Усѣкновения чтныя главы «въ 29 лѣто гдртва его, мастеръ Степанка Ореθъевъ, «ученикъ немчина Івана Θалка.» 2) на будничномъ: «Лѣта 7195 (1687) го лит сеі колокол на Плесо къ «церкви Воскресенію Хрву, по обѣщанію посадских «людей Феоктиста да Артемья Івановых детеі Авери«ныхъ.» Между орнаментами этого колокола помѣщены двуглавые орлы. 3) На большомъ: «1755 году Апреля 15 «дня вылит сей колокол въ Ивановской двичь мнтр, что в Москвѣ на Кулишкахъ, тщаніемъ того мнтря ігуменіи «Елены і с сестрами на зборные мирские днги, весу в «нем 155 пуд, лил мастер Костентин Михайловъ снъ «Слизовъ.» 4) На другомъ большомъ: «1763 году «Марта 1 день вылит сей колокол въ Ивановской двчь «мнтрь при ігуменіи Назареты і с сестрами, весу 60

«пуд 23 фунта, лил алдерманъ Костентин Михайлов «снъ Слизовъ.» На немъ вылитъ образъ Спасителя, Божіей Матери и Св. Николая.

Подъ церковнымъ помостомъ находились обширные подвалы. Въ низменной трапезѣ были два придѣла, одинъ въ честь Казанскія Богоматери, перенесенный сюда со святыхъ воротъ монастыря, и Св. Николая Чудотворца. По описи 1753 года, надъ святыми воротами была церковь въ память Происхожденія Честныхъ Древъ.

Къ этимъ воротамъ и оградѣ пристроена была келлья настоятельницы съ выпускными флигелями длиною 10 саж., а шириною $3^1/_2$ саж. Сестринскія келліи занимали мѣсто по обѣ стороны воротъ, тѣ и другія на 37 саж. длиною, потомъ келльи церковническія, одноэтажныя; однѣ на 14 саж. длиною, а другія на 7 саж. Кругомъ монастыря ограда каменная на $124^1/_2$ саж.

Вставленные въ стѣнѣ церкви надгробные камни указываютъ здѣсь мѣсто погребенія князей Засѣкиныхъ, Волхонскихъ и Шаховскихъ, бояръ Глѣбовыхъ, Волынскихъ, Ознобишиныхъ, Хомутовыхъ, Ордыно-Нащокиныхъ, Резановыхъ, Свіязевыхъ, Елизаровыхъ, Окуньковыхъ, Оболенскихъ и Лихаревыхъ

Вотъ въ такомъ видѣ представлялся до 1860 года обращенный въ приходскую церковь Ивановскій монастырь съ его церквами, колокольнею и другими зданіями, какъ показываетъ приложенный здѣсь точный его рисунокъ. Отъ прежняго быта остаются теперь на память древнія святыя ворота и при нихъ часовня съ келльею и часть ограды.

Къ достопамятностямъ сего монастыря еще должно отнести и то, что Патріархъ Іоакимъ, вѣроятно, по примѣру своихъ предшественниковъ, въ храмовый празд-

никъ 29 августа, за всенощной читалъ шестопсалміе, выходилъ на литію и величаніе, служилъ обѣдню; наканунѣ молебствовалъ о здравіи Царевица Іоанна Алексіевича. * На этотъ праздникъ 1708 г. здѣсь, въ присутствіи Царевны Маріи Алексѣевны, служилъ обѣдню и сказывалъ поученіе Святитель Димитрій Ростовскій. ** Цари Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ посѣщали монастырь не только въ храмовый его праздникъ, но и въ другіе дни, какъ показываютъ Царскіе Выходы. *** На святой недѣлѣ они здѣсь жаловали игуменью съ сестрами къ рукѣ, раздавали имъ свѣтлодневныя яица и ручную милостыню.

Какъ почти во всѣхъ женскихъ обителяхъ, въ часы свободные отъ богослуженія, занимаются преимущественно какимъ-либо ремесломъ: пряжею нитокъ, плетеніемъ кружевъ, вышиваніемъ образовъ шелками и золотомъ и т. п.; то монахини и бѣлицы Ивановскаго монастыря особенно упражнялись въ пряденіи и мотаніи шерсти, вязаніи шерстяныхъ чулокъ. Въ монастырскій праздникъ Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, или какъ называетъ простонародіе, Ивана Постнаго, Августа 29, тамъ изстари бывала бабья шерстяная и нитяная ярмарка, на которую стекаются изъ окрестностей Москвы крестьянки. Она подробно описана въ № 9 *Московскихъ Вѣдомостей* 1850 г.

Старая опись библіотеки Ивановскаго монастыря показываетъ, что черницы его любили чтеніе душеполезныхъ книгъ.

---

* Выходы Государей Царей и пр.

** Дневныя его записки въ древней Росс. Вивліоѳикѣ, 2 изд. т. XVII.

*** Чиновникъ Патр. Іоакима 1674 и 76 г. въ библ. Новг. Софійск. собора.

О прежнемъ бытѣ напоминаютъ намъ не однѣ только оставшіяся св. иконы, утвари и надгробные камни, но и живущія въ преданіяхъ устныхъ и сохранившіяся въ хартіяхъ достопамятныя событія и исключительныя личности, съ которыми связана лѣтопись этой обители благочестія, имѣвшая нѣкогда административное назначеніе въ жизни Москвы. Въ ея стѣнахъ заключалось немало таинственнаго, что нашъ вѣкъ приводитъ въ явленіе.

Въ этомъ монастырѣ хоронились не одни усопшіе, уединялись не одни умершіе міру; но въ безмолвныхъ его стѣнахъ заключаемы были и опальные, жившіе подъ строгимъ надзоромъ, таилось и гнѣздо еретиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Божіихъ людей. Объ нихъ скажемъ впослѣдствіи. Здѣсь неволею была пострижена и заключена подъ началъ разлученная съ супругомъ своимъ въ 1610 году Царица Марія Петровна Шуйская. * Сюда прислана была изъ Владиміра постриженая также насильно на Бѣлѣ-озерѣ, вторая супруга несчастнаго Царевича Іоанна Іоанновича Царевна Прасковья Михайловна изъ роду Соловыхъ. Когда она скончалась въ этой обители 1620 года, тѣло ея перенесено въ Вознесенскій монастырь и тамъ погребено въ усыпальницѣ Русскихъ Великихъ Княгинь и Царицъ. ** Вмѣстѣ съ другою супругой Царевича, Евдокіею Богдановною Сабуровой, во иночествѣ Александрою, она жила послѣ смерти его 38 лѣтъ, и скончалась въ одинъ съ нею годъ.

Сюда, подобно какъ и въ другіе монастыри, присылались подъ видомъ сумасшедшихъ и секретныхъ женщины изъ Сыскнаго приказа, изъ Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, раскольницы изъ Раскольничьей

* *Карамз.* И. Г. Р. XII 68, и пр. 571, 624.

** Лѣтопись о многихъ мятежахъ. Спб. 1771, стр. 349.

конторы и замѣшанныя въ политическихъ и уголовныхъ дѣлахъ, въ числѣ ихъ бывали вытерпѣвшія жестокія истязанія въ застѣнкахъ и, какъ говорилось, «очистившіеся кровію.» Ихъ содержали настоятельницы подъ строгимъ надзоромъ, въ особенныхъ кельяхъ, подвалахъ и застѣнкахъ, что давало этой обители благочестія видъ таинственный и мрачный. Здѣсь нашли себѣ могилы два лжеучителя такъ называвшихся людей Божіихъ, лжехристы Иванъ Тимоѳеевъ Сусловъ и Прокопій Лупкинъ, которые многихъ увлекли своимъ лжеученіемъ о таинственномъ воскресеніи и о таинственной смерти; родныхъ своихъ они жаловали, кого въ образъ Николая чудотворца, кого въ образъ Иліи Пророка и т. д.; но по Сенатскому указу 1739 года, трупы ихъ, выкопанные изъ земли палачами, вывезены въ поле, вѣроятно, потому, что на ихъ могилы сбирались ихъ послѣдователи для чествованія ихъ памяти. Черезъ два года по вступленіи на престолъ Императрицы Анны Ивановны, именно въ 1733 году, открытъ разбойникомъ Семеномъ Карауловымъ въ Ивановскомъ монастырѣ притонъ людей Божіихъ у старицы Анастасіи; о томъ донесено имъ въ страшную тогда канцелярію Розыскныхъ тайныхъ дѣлъ. У Настасьи по праздникамъ сбирались въ келліи послѣдователи Суслова, мущины и женщины; тамъ они, по благословенію и подъ предводительствомъ своего начальника, кружились по кельи, подпрыгивая, сколь можно выше, съ увѣренностью, будто Духъ Святый ихъ поднимаетъ, нѣкоторые изъ нихъ били себя палками и цѣпами, другіе, будто движимые Духомъ, нѣчто прорицали, потомъ изъ рукъ предводителя, вмѣсто св. причастія, принимали куски хлѣба и пили изъ стакана квасъ, или воду. Такое богомерзкое дѣйствіе у нихъ вмѣнялось

МОНАХИНЯ ДОСИФЕЯ

въ таинственное крещеніе Духомъ Святымъ. Оно оканчивалось пиршествомъ, или такъ называемымъ утѣшеніемъ. Почитая нескверное брачное ложе скверною плотскою и великимъ грѣхомъ, мущины съ женщинами ночевали въ одной горницѣ. У самой ересеначальницы найдены подъ кровлею на чердакѣ постели и одна старица, при розыскѣ, созналась, что въ слѣдствіе такого свальнаго ночлега, родила ребенка. По приговору канцеляріи Розыскныхъ дѣлъ, Настасья и съ нею разстрига Агаѳья Карпова, также Высокопетровскаго монастыря іеромонахъ Филаретъ и три разстриги казнены смертію, какъ еретики и богохульники, а прочіе, по наказаніи ихъ кнутомъ, сосланы въ дальніе монастыри въ тяжкую работу вѣчно. * Скопище это не могло быть безъ тайнаго соучастія и сочувствія нѣкоторыхъ другихъ въ монастырѣ.

Сюда прислана была въ 1785 году, по секретному повелѣнію Императрицы Екатерины II, одна женщина не старыхъ лѣтъ, по видимому, знатнаго происхожденія. Неизвѣстно, какое было ея въ свѣтѣ значеніе, какое имя и фамилія; но здѣсь, въ монашествѣ, она наречена Досиѳеею. Никто ее не видалъ, кромѣ игуменіи, духовника, причетника, недавно умершаго въ глубокой старости, да московскаго купца Филиппа Никифоровича Шепелева, торговавшаго чаемъ и сахаромъ на Варваркѣ, отъ котораго мы, за нѣсколько тому лѣтъ, заимствовали нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой таинственной монахинѣ. По ихъ словамъ, она была уже пожилая, средняго роста, худощава тѣломъ и стройна станомъ; не смотря на свои лѣта и долговременное заключеніе, еще сохраняла въ лицѣ нѣкоторыя черты прежней красоты, ея пріемы и обращеніе обна-

* См. Указъ 1739 г. Іюня 17.

руживали благородство ея происхожденія и образованность. Старый причетникъ видѣлъ какихъ-то, по его замѣчанію, знатныхъ особъ, допущенныхъ игуменьею на короткое время къ затворницѣ, которая говорила съ ними на иностранномъ языкѣ. Досиѳея жила въ одноэтажныхъ каменныхъ келльяхъ, примыкавшихъ къ восточной части ограды монастыря, близь покоевъ игуменьи, и недавно еще сломанныхъ. Все ея помѣщеніе составляли двѣ уютныя низменныя комнатки подъ сводами и прихожая для келейницы; ихъ нагрѣвала изращатая печь съ лежанкою. Окна обращены были на монастырь. * На содержаніе ея отпускалась особенная сумма изъ казначейства; столъ она имѣла хорошій. Иногда на имя ея присылались къ игуменьи отъ неизвѣстныхъ лицъ значительныя суммы денегъ, которыя она употребляла болѣе на украшеніе церкви, на пособіе бѣднымъ и на подаяніе нищимъ. Къ окошкамъ ея, задернутымъ занавѣсками, иногда любопытство и молва, привлекали народъ; но штатный служитель, заступавшій мѣсто караульнаго, отгонялъ любопытныхъ. Въ церковь Досиѳея выходила весьма рѣдко и то въ сопровожденіи приставленной къ ней старицы. Корридоръ и крытая деревянная лѣстница отъ ея келлій вели прямо въ надворотную церковь, гдѣ духовникъ ея съ причетникомъ совершалъ богослуженіе для нея одной. Тогда церковныя двери запирались изнутри, чтобы никто не могъ войти. Все время своей затворнической жизни она посвящала молитвѣ, чтенію духовныхъ книгъ и рукодѣлію; вырученныя ею за труды деньги раздавала черезъ свою келейницу нищей братіи.

* Мнѣ ихъ показывалъ старый причетникъ, служившій въ монастырѣ полвѣка. Во время пребыванія Досиѳеи въ монастырѣ, я бывалъ тамъ съ отцемъ моимъ и матерью, и видѣлъ ея погребеніе. И. С.

Послѣдніе годы Досиѳея провела въ безмолвіи и въ подвигахъ благочестія. Послѣ 25-лѣтняго пребыванія въ Ивановскомъ монастырѣ, она скончалась 4-го февраля 1810 года, 64 лѣтъ. Какъ она прислана была въ этотъ монастырь по секретному указу 1785 года, то имени ея мы не нашли въ клировыхъ вѣдомостяхъ. Хотя въ продолженіе десяти лѣтъ царствованія Александра I-го и содержали ее нѣсколько свободнѣе; но все еще держались прежняго указа и она оставалась въ забвеніи.

Хотя жизнь Досиѳеи въ монастырѣ была сокровенною для свѣта; но ея погребеніе было торжественное и великолѣпное. Отпѣвалъ ее, за болѣзнію Митрополіта Платона, Викарій его, Преосвященный Августинъ съ почетнымъ духовенствомъ. На отпѣваніе съѣхались Главнокомандующій столицы графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, женатый на графинѣ Прасковьѣ Кириловнѣ Разумовской, и другіе вельможи Екатерининскаго времени. Стеченіе народа въ монастырѣ, было обыкновенное. Тѣло Досиѳеи погребено не въ томъ монастырѣ, гдѣ обыкновенно хоронили инокинь Ивановской обители, но въ Новоспасскомъ монастырѣ, усыпальницѣ Романовыхъ, у восточной ограды, на лѣвой сторонѣ отъ колокольни. Надъ ея могилою, на дикомъ камнѣ надгробія, подъ № 122, читаемъ слѣдующую надпись: «подъ симъ камнемъ по«ложено тѣло усопшія о Господѣ монахини Досиѳеи, «обители Ивановскаго монастыря, подвизавшейся о «Христѣ Іисусѣ въ монашествѣ 25 лѣтъ и скончав«шейся Февраля 4-го 1810 года. Всего ея житія было «64 года. Боже, всели ея въ вѣчныхъ Твоихъ обите«лехъ.»

Въ настоятельскихъ келліяхъ Новоспасскаго мона-

руживали благородство ея происхожденія и образованность. Старый причетникъ видѣлъ какихъ-то, по его замѣчанію, знатныхъ особъ, допущенныхъ игуменьею на короткое время къ затворницѣ, которая говорила съ ними на иностранномъ языкѣ. Досиѳея жила въ одноэтажныхъ каменныхъ келльяхъ, примыкавшихъ къ восточной части ограды монастыря, близь покоевъ игуменьи, и недавно еще сломанныхъ. Все ея помѣщеніе составляли двѣ уютныя низменныя комнатки подъ сводами и прихожая для келейницы; ихъ нагрѣвала изращатая печь съ лежанкою. Окна обращены были на монастырь. * На содержаніе ея отпускалась особенная сумма изъ казначейства; столъ она имѣла хорошій. Иногда на имя ея присылались къ игуменьи отъ неизвѣстныхъ лицъ значительныя суммы денегъ, которыя она употребляла болѣе на украшеніе церкви, на пособіе бѣднымъ и на подаяніе нищимъ. Къ окошкамъ ея, задернутымъ занавѣсками, иногда любопытство и молва, привлекали народъ; но штатный служитель, заступавшій мѣсто караульнаго, отгонялъ любопытныхъ. Въ церковь Досиѳея выходила весьма рѣдко и то въ сопровожденіи приставленной къ ней старицы. Корридоръ и крытая деревянная лѣстница отъ ея келлій вели прямо въ надворотную церковь, гдѣ духовникъ ея съ причетникомъ совершалъ богослуженіе для нея одной. Тогда церковныя двери запирались изнутри, чтобы никто не могъ войти. Все время своей затворнической жизни она посвящала молитвѣ, чтенію духовныхъ книгъ и рукодѣлію; вырученныя ею за труды деньги раздавала черезъ свою келейницу нищей братіи.

* Мнѣ ихъ показывалъ старый причетникъ, служившій въ монастырѣ полвѣка. Во время пребыванія Досиѳеи въ монастырѣ, я бывалъ тамъ съ отцемъ моимъ и матерью, и видѣлъ ея погребеніе. И. С.

Послѣдніе годы Досиѳея провела въ безмолвіи и въ подвигахъ благочестія. Послѣ 25-лѣтняго пребыванія въ Ивановскомъ монастырѣ, она скончалась 4-го февраля 1810 года, 64 лѣтъ. Какъ она прислана была въ этотъ монастырь по секретному указу 1785 года, то имени ея мы не нашли въ клировыхъ вѣдомостяхъ. Хотя въ продолженіе десяти лѣтъ царствованія Александра I-го и содержали ее нѣсколько свободнѣе; но все еще держались прежняго указа и она оставалась въ забвеніи.

Хотя жизнь Досиѳеи въ монастырѣ была сокровенною для свѣта; но ея погребеніе было торжественное и великолѣпное. Отпѣвалъ ее, за болѣзнію Митрополіта Платона, Викарій его, Преосвященный Августинъ съ почетнымъ духовенствомъ. На отпѣваніе съѣхались Главнокомандующій столицы графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, женатый на графинѣ Прасковьѣ Кириловнѣ Разумовской, и другіе вельможи Екатерининскаго времени. Стеченіе народа въ монастырѣ, было обыкновенное. Тѣло Досиѳеи погребено не въ томъ монастырѣ, гдѣ обыкновенно хоронили инокинь Ивановской обители, но въ Новоспасскомъ монастырѣ, усыпальницѣ Романовыхъ, у восточной ограды, на лѣвой сторонѣ отъ колокольни. Надъ ея могилою, на дикомъ камнѣ надгробія, подъ № 122, читаемъ слѣдующую надпись: «подъ симъ камнемъ по«ложено тѣло усопшія о Господѣ монахини Досиѳеи, «обители Ивановскаго монастыря, подвизавшейся о «Христѣ Іисусѣ въ монашествѣ 25 лѣтъ и скончав«шейся Февраля 4-го 1810 года. Всего ея житія было «64 года. Боже, всели ея въ вѣчныхъ Твоихъ обите«лехъ.»

Въ настоятельскихъ келліяхъ Новоспасскаго мона-

стыря, по сказанію г. Мельникова, хранится портретъ Таракановой, который почитали за изображеніе погребенной тамъ монахини Досиѳеи, въ мірѣ принцессы Доротеи, какъ значилось въ надписи. Это списокъ, сдѣланный архимандрітомъ Аполлосомъ съ подлинника, хранившагося въ селѣ Новоспасскомъ, Деденевѣ тожъ г. Головина.

Предоставляя времени открытіе истиннаго значенія этой загадочной затворницы въ Ивановскомъ монастырѣ, не повторяемъ здѣсь того, что высказано о Таракановой и Досиѳеѣ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1859 г., т. XXIV, въ Русской Бесѣдѣ 1860 г. № 6 и въ Сѣверной Пчелѣ 1860 г. № 39.

Тамъ въ одно время съ Досиѳеею, нѣсколько лѣтъ содержалась подъ крѣпкимъ карауломъ Дарья Николаева Салтыкова, урожденная Иванова, извѣстная въ народѣ подъ именемъ *Салтычихи* и *людоѣдки*; поэтому только нѣкоторые ошибочно смѣшивали ее съ Досиѳеею. Этотъ извергъ женскаго пола и человѣчества, переименованный въ указѣ Императрицы Екатерины II, 1768 г. Іюня 12, мущиною, заключенъ былъ тридцать три года, сперва въ склепѣ подъ соборною церковью, потомъ въ застѣнкѣ, при ней бывшемъ. Насущную скудную пищу подавалъ ей солдатъ сперва въ окно, потомъ въ дверь. Тамъ она, по сказанію старожиловъ, родила отъ своего караульнаго. * Конечно, ужасно было ея наказаніе; но ужаснѣе злодѣйство, неслыханное на Руси. Дѣло производилось объ ней въ Сыскномъ приказѣ, гдѣ ее допрашивали и, для склоненія къ сознанію, при ней пытали другихъ

* Такъ намъ разсказывалъ достопочтенный 85-лѣтній старецъ, ревнитель и знатокъ отечественной старины, Павелъ Ѳедоровичъ Коробановъ, современникъ Салтыковой

преступниковъ, какъ говорились тогда «на заказъ»; оно уличаетъ Салтыкову въ умерщвленіи разными муками 139 человѣкъ ея крестьянъ и дворовыхъ. * Молва народная даже обвиняла ее въ людоѣдствѣ, будто бы Салтычиха употребляла себѣ на жаркое, вмѣсто сладкаго мяса, женскія груди, но въ указѣ 1768 года, Декабря 10, не упомянуто о *людоѣдствѣ* Салтыковой, какъ пишетъ г Мельниковъ, только названа она *мучительницей* и *душегубицей*. Салтыкова умерла въ монастырскомъ заклепѣ за 10 лѣтъ до кончины Досиѳеи и похоронена въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ погребались ея родственники. Монахиней она никогда не бывала. Съ нею Досиѳея представляетъ совершенную противоположность даже въ образѣ жизни. Послѣдняя никогда не показывалась у своихъ, всегда завѣшенныхъ оконъ, а первая, когда сберутся любопытные у окошечка за желѣзною рѣшеткою ея застѣнка, ругалась, плевала и совала палкою сквозь открытое въ лѣтнюю пору окошечко, обнаруживая тѣмъ свое закоренѣлое звѣрство, которое не погасило въ ней ни раскаяніе въ злодѣйствахъ, ни истома долговременнаго заключенія въ мрачномъ заклепѣ. Въ прошломъ году этотъ застѣнокъ вмѣстѣ съ церковію разобранъ; точное изображеніе его осталось въ приложенномъ здѣсь рисункѣ.

Не распространяясь болѣе въ воспоминаніяхъ о прежнемъ бытѣ Ивановскаго монастыря, скажемъ нѣсколько словъ о его возстановленіи, которымъ онъ обязанъ предсмертному желанію Г-жи Макаровой-Зубачевой,

* Дѣло о Салтыковой въ экстрактѣ изъ протоколовъ Сыскнаго приказа сообщено намъ Г. Горюшкинымъ, бывшимъ въ томъ приказѣ подъячимъ, и потомъ профессоромъ законовѣдѣнія въ Московскомъ Университетѣ.

завѣщавшей на этотъ предметъ значительную сумму денегъ.

По ходатайству Московскаго Митрополіта Філарета въ 1859 году, Государь Императоръ соизволилъ Высочайше утвердить возстановленіе этой иноческой обители въ Москвѣ. Въ 1861 году, закладка освящена Митрополітомъ, при многочисленномъ стеченіи Московскихъ жителей, которое обнаружило ихъ участіе и радость о возобновленіи древняго дома Іоанна Крестителя. Приступлено къ очищенію мѣстъ отъ прежнихъ зданій и къ сооруженію новыхъ обширнѣйшихъ и цѣлесоотвѣственныхъ по плану Академика М. Д. Быковскаго, украсившаго древнюю столицу уже нѣсколькими произведеніями храмоваго зодчества.

Теперь возстановляемый древній монастырь въ Москвѣ, получаетъ новое назначеніе, соотвѣтственное истинной цѣли монашества: служить Богу и человѣчеству. Съ такою цѣлію устроивается въ этой обители вѣры и благочестія училище для сиротъ женскаго пола и больница не только для сестеръ Ивановскаго, но и другихъ монастырей. Въ школѣ предназначается преподавать ученіе болѣе образованнымъ изъ монахинь; за больными ходить болѣе способнымъ для человѣколюбиваго упражненія. Такимъ образомъ трудъ соединится съ молитвою, какъ жертва благоугодная Богу и полезная человѣчеству.

ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ ѲЕОДОРОВНА

ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ ѲЕОДОРОВНА.

Царица Евдокія Ѳеодоровна, первая супруга Петра Великаго и послѣдняя Царица изъ Русскихъ боярышенъ, была изъ рода Лопухиныхъ.

Лопухины не считались знатными, но пользовались особеннымъ расположеніемъ Царицы Натальи Кирилловны, которая и женила Петра на молодой, прекрасной Авдотьѣ. Отецъ ея Илларіонъ Абрамовичъ Лопухинъ послѣ бракосочетанія Царя былъ переименованъ въ Ѳедора, точно такъ, какъ въ 1684 году отецъ супруги Царя Ивана Алексѣевича Александръ Салтыковъ былъ также названъ Ѳедоромъ.

28 Января 1689 года совершился бракъ, скромно, тихо, безъ всякаго особеннаго торжества, даже не въ Благовѣщенскомъ соборѣ, гдѣ обыкновенно вѣнчались Цари Русскіе, а въ небольшой придворной Церкви Св. Апостолъ Петра и Павла. Священнодѣйствовалъ духовникъ Петра Протопопъ Меркурій. (*)

Едва миновалъ медовой мѣсяцъ, Петръ оставилъ молодую жену и поскакалъ въ Переяславль строить суда съ нѣмецкими корабельными мастерами. (**)

Евдокія любила Петра—ей было грустно оставаться одной, и вотъ письмо ея летитъ къ молодому супругу: «Государю моему радости Царю Петру Алексѣевичу.

(*) Древ. Рос. Вивліоѳ. II. 194.

(**) Устр. Ист. Петр. Вел. т. II. стр. 29.

Здравствуй свѣтъ мой, на множество лѣтъ. Просимъ милости, пожалуй Государь, буди къ намъ замѣшкавъ. А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челомъ бьетъ.» (*)

Звала Петра и Царица Наталья Кирилловна возвратиться на 27 Апрѣля, день, въ который Царское семейство по обыкновенію совершало панихиду по Царѣ Өеодорѣ Алексѣевичѣ въ Архангельскомъ соборѣ. Петру кораблестроеніе было важнѣе паннихиды—ему не хотѣлось возвращаться. «Дражайшая матушка, писалъ онъ къ Царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, недостойный сынишка твой Петрушка челомъ бьетъ. Къ Москвѣ я быть готовъ, только, ей, ей, дѣло есть. Наипокорственнѣ предаюсь въ волю вашу.» Нехотя Петръ возвратился къ паннихидѣ, но черезъ мѣсяцъ ускакалъ на озеро Плещеево.

8 Іюня 1689 года, опять паннихида по Царѣ Өеодорѣ Алексѣевичѣ—опять вызвали Петра въ Москву. На этотъ разъ онъ не могъ отлучиться изъ Преображенскаго: гроза висѣла надъ Царскимъ домомъ.

Властолюбивая Царевна Софія Алексѣевна, испуганная развивавшеюся самостоятельностію въ Петрѣ и твердымъ его характеромъ, замыслила быть Царицею и возбудила стрѣльцевъ къ возмущенію—жизнь Петра была въ опасности. 7 Августа 1689 года, день назначенный для захвата Петра въ Преображенскомъ, преданные Петру стрѣльцы, узнавъ объ заговорѣ, прискакали въ Преображенское въ полночь, извѣстить его объ опасности. Испуганный Петръ прямо съ постели, босой, въ одной сорочкѣ, бросился въ конюш-

(*) Устр. Ист. Петр. Вел. т. II. стр. стр. 402.

нію, вскочилъ на коня и скрылся въ ближайшій лѣсъ; сюда принесли ему платье, онъ на скоро одѣлся и, не теряя ни минуты, поскакалъ въ Троицкую Лавру. Въ шесть часовъ утра пріѣхалъ онъ въ монастырь: его сняли съ коня, внесли въ хоромы, и положили на постель. Царица Евдокія съ Царицею Натальею Кирилловною пріѣхала вслѣдъ за нимъ въ Лавру — она была уже беременна. (*)

Такимъ грустнымъ событіемъ встрѣтила Евдокія первый годъ своего супружества.

Въ 1690 году, 18 Февраля Царица разрѣшилась отъ бремени — новорожденный былъ нареченъ именемъ своего знаменитаго дѣда.... Это былъ несчастный Царевичъ Алексѣй Петровичъ.

3 Октября 1691 года Царица подарила Петра еще другимъ сыномъ Александромъ—но онъ жилъ недолго: скончался черезъ семь мѣсяцевъ.

Немногія уцѣлѣвшія письма Евдокіи къ Петру свидѣтельствуютъ, что первые три или четыре года брака прошли въ мирѣ и согласіи. (**) Но Петръ среди заботъ и трудовъ беспрестанно отлучался отъ Царицы и замѣтно холодѣлъ къ ней; изъ походовъ онъ не писалъ къ женѣ своей; Царица грустила, вызывала его къ себѣ—но онъ уже не думалъ объ ней, а веселился въ Нѣмецкой слободѣ. Скоро онъ пересталъ и любить Евдокію: Анна Монсъ, хорошенькая, своенравная нѣмочка завладѣла сердцемъ Царя. Весьма вѣроятно, что Царица узнала объ этомъ, начала преслѣдовать Петра ревностію—это ему надоѣдало, и послѣ кон-

(*) Устр. Ист. Петр. Вел. т. Вел. II стр. 59.
(**) Устр. Ист. Петр. Вел. т. стр. 187.

чины Царицы Наталіи Кирилловны, поддерживавшей согласіе между супругами, Царь передъ отъѣздомъ за границу въ 1696 году рѣшился разстаться съ Евдокіею и удалить ее въ монастырь. Изъ Лондона онъ писалъ къ боярамъ Льву Кирилловичу Нарышкину и Тихону Никитичу Стрѣшневу, также и къ духовнику Царицы, чтобы они склонили ее добровольно постричься. (*)

25 Августа 1698 года Петръ возвратился изъ заграничнаго путешествія; Евдокія ожидала его къ себѣ, но онъ не посѣтилъ ее—а былъ у Анны Монсъ. Довѣренные отъ Петра продолжали убѣждать идти въ монастырь—она не соглашалась. 31 Августа въ домѣ Почтмейстера Виніуса Петръ самъ четыре часа бесѣдовалъ съ женою своею на единѣ, уговаривалъ ее постричься—Евдокія упорствовала. (**) Черезъ три недѣли, а именно 23 Сентября 1698 года судьба ея была рѣшена. Царевна Наталія Алексѣевна, любимая сестра Петра, взяла сына отъ Евдокіи изъ Кремлевскаго дворца и отвезла въ Преображенское—а Царицу Евдокію, въ самой простой каретѣ, безъ свиты, въ сопровожденіи только карлицы отвезли въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь.

Но Петру недостаточно было ссылки Евдокіи — онъ рѣшился навсегда покинуть ее.

Въ Маѣ 1699 года въ Покровской монастырь пріѣхалъ Окольничій Семенъ Языковъ — жилъ недѣль съ десять въ Подмонастырской Слободѣ и ходилъ ежедневно къ Царицѣ; пріѣздъ его сопровождался какою то таинственностью. Слухи прошли въ монастырѣ и

(*) Устр. Ист. Петр. Вел. т. III стр. 188 и 189.

(**) Тамъ же стр. 189.

въ народѣ, что Языковъ пріѣзжалъ, по приказанію Царя, постричь Евдокію... Эти слухи были справедливы: по требованію Языкова, Архимандритъ Спасо-Евѳимьева монастыря прислалъ къ нему Іеромонаха Иларіона, для тайнаго дѣла. Языковъ привелъ Іеромонаха въ келлью казначеи Маремьяны, гдѣ жила Царица, и объявилъ ему приказаніе Царя постричь Царицу. Постриженіе произведено за занавѣсомъ такъ тайно, что и казначея не видала ничего... Царица Евдокія была наречена инокинею Еленою. Православный русской народъ никогда не простилъ Петру постриженія Царицы безъ церковнаго суда и приговора—и всегда порицалъ за это Царя. Это подтверждается дѣлами, сохранившимися Преображенскаго Приказа и Тайной Канцеляріи...

Въ горѣ и нищетѣ жила Царица—инокиня первое время въ монастырѣ Покровскомъ. Петръ забылъ объ ней совершенно, даже не назначилъ ей никакого денежнаго содержанія; родные ея Лопухины помогали ей: кто платьемъ, кто съѣстными припасами. При ссылкѣ не подумали даже о келльи, гдѣ ей жить—она помѣстилась, какъ мы видѣли, у казначеи Маремьяны.

Послѣ отъѣзда Языкова, монастырскія власти отписали въ Москву просьбу о дозволеніи построить для Царицы — инокини особыя келльи Разрѣшили построить на монастырскія деньги. Первоначально соорудили келльи возлѣ теплой церкви и трапезы—потомъ въ 1705 г. выстроили другія при церкви Благовѣщенія, которая надъ святыми воротами. Первыя сгорѣли въ 1710 году.

Тяжелъ переходъ изъ царскихъ чертоговъ въ монастырскую келью, грустно для молодой самолюби-

вой женщины переодѣться изъ золотыхъ парчей въ черную рясу, и при томъ безъ вины, насильственно... Царица предалась молитвѣ... Но картина прошедшаго величія рисовалась въ ея воображеніи, а несправедливость наказанія вызывала надежды не смягчится ли со временемъ Царь...

Дошли до Царицы слухи, что въ Сновидскомъ монастырѣ Игуменъ Досиѳей пророчествуетъ... Царица отправилась къ нему...

Игуменъ Сновидскаго монастыря Досиѳей дѣйствительно пользовался репутаціею богоугоднаго человѣка и предсказателя—говорили въ народѣ, что ему бываютъ видѣнія, гласы отъ образовъ... Въ послѣдствіи времени, когда Досиѳей былъ Архимандритомъ Спасо-Евѳимьева монастыря, самъ Меньшиковъ не избѣжалъ всеобщаго заблужденія: когда производилось надъ нимъ слѣдствіе и угрожала потеря благоволенія Петра, онъ писалъ къ Досиѳею, просилъ его помолиться за него и спрашивалъ: будетъ ли отъ несчастія и гнѣва Царскаго освобожденъ. Досиѳей отвѣчалъ ему, что Богъ его освободитъ — и когда оправдалось пророчество и Меньшиковъ былъ прощенъ, княгиня Меньшикова прислала Досиѳею 100 червонцевъ и сто рублей деньгами, чтобъ раздать нищимъ и въ богадѣльни. По ходатайству княгини Меньшиковой, Досиѳей былъ возведенъ въ санъ Епископа Ростовскаго.

Царица передала игумену Досиѳею въ искренней бесѣдѣ о своемъ тяжеломъ горѣ.. Игуменъ утѣшалъ ее и въ темныхъ пророческихъ намекахъ показалъ будущее болѣе отраднымъ, предсказывая, что Царь возратитъ ее къ себѣ... Много ли нужно для души вѣрующей? Царица возвратилась въ Покровской мона-

стырь и тотчасъ же сняла монашеское платье.... Тайна, съ которою было произведено постриженіе Евдокіи при Языковѣ, было извѣстно немногимъ лицамъ, преданнымъ Царицѣ.. Надѣвая свѣтское платье, Царица-инокиня была увѣрена, что никто не знаетъ о ея постриженіи въ монастырѣ, кромѣ близкихъ ей лицъ...

Переобразившись въ свѣтское лицо, Евдокія создала себѣ образъ жизни далеко не такой, на которой вѣроятно обрекалъ ее Петръ.

Новопостроенныя въ 1705 г. кельи были обширны. Царица помѣстила въ нихъ своихъ приближенныхъ монахинь: Каптелину, Мареу, Досиѳею. Изъ Москвы къ ней явился прежній ея карло Иванъ Терентьевъ.. Кельи примыкали къ Благовѣщенской церкви надъ св. вратами — изъ сѣней Царицыныхъ келлій прямо можно было пройти въ церковь, въ которой устроено было для Царицы особое закрытое мѣсто съ слюдяными окошками. При кельяхъ Царицы ежедневно наряжалось отъ монастыря шесть человѣкъ дневальныхъ, для посылокъ и различныхъ домашнихъ порученій. На поварнѣ было два повара. Кушанье готовилось: въ постные дни рыбное, въ скоромное мясное. Царица рѣдко кушала мясное, потому, что бывала отъ него больна. Провизія покупалась на монастырскія деньги, но въ монастырскихъ расходныхъ книгахъ мясную провизію записывали *рыбою*. (*) Изъ

(*) Примѣчаніе. Всѣ эти свѣденія и послѣдующій разсказъ извлечены изъ слѣдственнаго дѣла 1720 г. о поѣздкахъ Царицы по монастырямъ, а также изъ другихъ архивныхъ документовъ и изъ Истор. Петра Вел. г. Устрялова.

поварни кушанье носили до сѣней келльи дневальные— въ сѣняхъ принимали у нихъ монахини и дѣвицы.

Въ храмовой монастырской праздникъ Покрова Богородицы и въ дни тезоименитства Петра и Царевича Алексѣя Петровича въ Покровской монастырь обыкновенно пріѣзжали изъ Суздаля Архіерей и свѣтскія власти: воеводы и ландраты. Послѣ обѣдни они являлись къ Царицѣ на поклонъ. Приходили и Суздальскіе земскіе и таможенные бурмистры съ подносомъ рыбы, калачей, меда, яблоковъ... Архіерея и воеводъ Царица принимала къ себѣ въ келію, жаловала изъ собственныхъ рукъ чаркою водки и краснымъ питіемъ. Бурмистровъ къ себѣ не допускала—ихъ угощали виномъ на монастырскомъ погребу и, послѣ угощенія, они приходили предъ крыльцо царицыныхъ келлій и кланялись трижды въ землю.

Въ эти праздничные дни Царица жаловала Архіерея и воеводъ, игуменью, и духовника своего Өедора Пустыннаго *подачами* съ своего стола. Это были: круглые пироги, на блюдахъ вареная и жареная рыба, тельное; Игуменьѣ посылались особенно левашники. Царица носила всегда мірское платье изъ синихъ, зеленыхъ и изъ другихъ дикихъ смирныхъ цвѣтовъ кунтушы, шубы русскія, тѣлогрѣи и душегрѣйки коroткія; на головѣ повойники, связки бѣлыя, шапки Польскія. Она интересовалась, что дѣлалось въ Царскомъ кругу и особенно о своемъ *ненаглядномъ Алешѣ*, о Царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ; вѣсти объ немъ она получала въ письмахъ брата своего Авраама Лопухина и отъ другихъ, какъ на пр. отъ князя Семена Щербатова, отъ княгини Настасьи Троекуровой—пере-

писка производилась через духовника ея Өедора Пустыннаго, ключаря Суздальской Соборной церкви.

Такъ жила Царица въ Покровскомъ монастырѣ, забывала свое горе, поддерживаемая въ надеждахъ возвратиться къ Царю пророчествами Досиөея.

Въ 1710 году духовникъ Өедоръ Пустынный предложилъ ей познакомиться съ пріѣхавшимъ въ Суздаль для набора рекрутъ Маіоромъ Степаномъ Глѣбовымъ. Какъ бы предчувствуя послѣдствія этого знакомства, она нѣсколько дней не соглашалась; духовникъ принесъ ей отъ Глѣбова богатые подарки; два мѣха песцовыхъ, пару соболей и сорокъ собольихъ хвостовъ. Глѣбовъ былъ богатъ, молодъ, а духовникъ Царицы и ближняя ея монахиня Каптелина корыстолюбивы, онъ подкупилъ ихъ и они уговорили Царицу принять ее.— Евдокія согласилась и при помощи Каптелины, не устояла противъ обольщеній Глѣбова... Письма Царицы къ Глѣбову, сохранившіяся въ Архивныхъ дѣлахъ, свидѣтельствуютъ какъ горячо она его любила, а онъ напротивъ скоро началъ отставать отъ нее. (Письма ея напечатаны въ 6 томѣ Исторіи Петра Великаго, Устрялова) Вотъ нѣсколько выписокъ изъ ея писемъ къ Глѣбову: «Забылъ скоро меня. Не умилостивили тебя здѣсь мы ничѣмъ. Мало знать лице твое и руки твои и всѣ члены твои и составы рукъ и ногъ твоихъ мало слезами моими не умѣли угодное сотворить... свѣтъ мой, батюшка мой, душа моя, радость моя, знать уже злопроклятый часъ приходитъ, что мнѣ съ тобою разставаться. Лучше бы мнѣ душа моя съ тѣломъ разсталась. Охъ свѣтъ мой... Какъ мнѣ на свѣтѣ быть безъ тебя. Какъ живой быть. И такъ Богъ вѣсть каково ты мнѣ милъ. Уже мнѣ нѣтъ тебя

миляе, ей Богу, охъ любезный другъ мой. За что ты мнѣ таково милъ. Носи, сердце мое, мой перстень, меня люби, а я такой же себѣ сдѣлала... я тебя до смерти не покину; никогда ты изъ разума не выдешь. Ты мой другъ меня не забудешь ли, а я тебя ни на часъ не забуду... Послала я къ тебѣ галстухъ, носи душа моя. Ничего ты моего не носишь, что тебѣ не дамъ я. Знать я тебѣ не мила, то-то ты моего и неносишь. То ли твоя любовь ко мнѣ... Какъ мнѣ будетъ твою любовь забыть, какъ жить мнѣ безъ тебя душа моя... Что ты меня покидаешь, кому меня вручаешь, охъ другъ мой, охъ свѣтъ мой»...

Въ первое время страстной любви своей къ Глѣбову, Царица не скрывала передъ приближенными своей связи съ нимъ; онъ съ своей стороны также не скромничалъ и не берегъ репутаціи Царицы. Одинъ разъ онъ явился на паперть Благовѣщенской церкви во время заутрени, когда никого изъ постороннихъ не пускали, казначея Маремьяна велѣла вывести его за монастырь. Царица разсердилась на Маремьяну: чортъ тебя спрашиваетъ, говорила Царица, ужь ты и за мною примѣчать стала. Я знаю Степана: человѣкъ честный и богатый будетъ ли тебя съ его безчестья.» По ночамъ Глѣбовъ прихаживалъ къ Царицѣ и безъ всякой предосторожности, проходилъ мимо спящихъ прислужницъ. Многіе въ монастырѣ знали о связи Евдокіи съ Глѣбовымъ, но боялись болтать. Управитель монастыря Аѳанасій Сурминъ услышалъ отъ протопопа Симеона, что Глѣбовъ ходитъ къ Царицѣ по ночамъ, пересказалъ объ этомъ Епископу Досиѳею, — Досиѳей, разумѣется, сообщилъ Царицѣ. Она призвала Сурмина къ себѣ: «для чего ты воръ такія слова говоришь? зна-

ешь ты, что у меня сынъ живъ и тебѣ заплатитъ?» По вліянію раздраженной Евдокіи Сурминъ былъ отставленъ отъ должности, а протопопа Симеона отрѣшили отъ мѣста и еще грозили смертнымъ страхомъ, что заставило его постричься въ монахи. Досиѳей потворствовалъ явно любовной связи Царицы съ Глѣбовымъ. Она пріѣзжала къ нему въ Спасо-Евѳиміевскій монастырь вмѣстѣ съ Глѣбовымъ и ужинала у него въ кельѣ. Но счастіе Евдокіи не долго продолжалось: Глѣбовъ черезъ два года покинулъ ее совершенно. Мысли ея опять обратились къ надеждамъ возвратиться къ Петру на царскій престолъ. Она молилась, но утѣшенія не было. Она приходила въ отчаяніе: «много я молюсь Богу, говорила она Ростовскому Епископу Досиѳею, навѣстившему ее, много я молюсь Богу, а Богъ меня не слушаетъ!» Досиѳей уговаривалъ ее не роптать, не отпадать отъ Бога и чтобъ поддержать въ ней вѣру, каждый годъ утѣшалъ ее пророческими словами: «Будешь Царицею!» Годъ проходилъ, Царица спрашивала: «что же»? Досиѳей отвѣчалъ: «это за грѣхи отца твоего, который погрязъ въ аду!» Царица посылала къ нему деньги, чтобъ молился за душу отца.—Къ слѣдующему году Досиѳей сообщилъ ей, что онъ видѣлъ ее отца, уже вышедшаго изъ ада по поясъ. На слѣдующій годъ отецъ Евдокіи, по словамъ Досиѳея, уже выходилъ изъ ада по колѣна.

Царица обратилась къ богомолью по монастырямъ; поѣздки происходили обыкновенно лѣтомъ, сверхъ того, Царица часто ѣздила въ Спасо-Евѳиміевскій монастырь, въ Преподобенскій Дѣвичій и въ приходскія Суздальскія церкви, преимущественно въ Казанскую и Тихвинскую; въ Суздаль ѣздила всегда ночью въ игуменской ка-

ретѣ. О подробностяхъ ея поѣздокъ по монастырямъ сохранившіяся свѣдѣнія относятся къ 1716 и 1717 годамъ.

Въ Боголюбовъ монастырь въ Августѣ 1717 года въ каретѣ на двухъ лошадяхъ, приѣхала Царица къ самой церкви и прошла въ нее, скрытая подъ балдахиномъ изъ краснаго сукна, который несли надъ нею, приѣхавшія съ нею монахини. Ключи отъ церкви взяты были у пономаря еще до приѣзда царицы служителями ея. Церковное служеніе совершалъ приѣхавшій съ Царицею попъ и клирошанки, во время службы церковь была заперта. Послѣ вечерни, Царица вышла изъ церкви опять подъ краснымъ сукномъ, сѣла въ карету и доѣхала до игуменскихъ келлій, гдѣ и ночевала. Всенощную и на другой день литургію, совершалъ приѣхавшій съ нею священникъ, а Игуменъ и монахи не смѣли, по отданному приказанію, выходить изъ келлій. Послѣ литургіи Царица возвратилась опять за красными сукнами въ игуменскія келліи.

Здѣсь, явились на крыльцо, строитель Покровскаго монастыря (который въ верстѣ отъ Боголюбова) Гедеонъ и Игуменъ Боголюбова монастыря Аверкій.

Царица принимала ихъ въ свѣтскомъ платьѣ, въ кунтушѣ и въ польской шапкѣ. Аверкій поднесъ ей хлѣбъ,она приказала отнести его въ трапезу къ братіи, которыхъ въ это время угощали служители Царицы рыбою, пивомъ и медомъ; сверхъ того престарѣлый царицынскій слуга раздавалъ монахамъ по гривнѣ каждому. Послѣ трапезы монахи разошлись по келліямъ, а Царица уѣхала изъ монастыря. Служители Царицы возвратили монахамъ ключи отъ церкви. Игуменъ, съ келейникомъ и шестью монахами, пошелъ осмотрѣть

церковь, въ которой такъ таинственно при Царицѣ совершено богослуженіе. Они нашли у образа Боголюбской Богородицы привѣшенный мужской крестъ золотой или серебряной золоченый и еще положены были деньги: два рублевика и четыре полтинника... Вѣроятно это было приношеніе Царицы.

Въ Генварѣ 1718 г. Игуменъ отправился съ поклономъ въ Покровскій монастырь и поднесъ Царицѣ образъ Богородицы, хлѣбъ и полъ-осмины муки пшеничной; при этомъ онъ просилъ Царицу о строеніи ветхой церкви.

—«Слышала я, что та церковь ветха,» отвѣчала Царица. Я пришлю каменьщиковъ осмотрѣть, что надо какихъ припасовъ.»

Игуменъ получилъ при этомъ свиданіи отъ Царицы, два рубля денегъ для раздѣла съ братіею. Каменьщики дѣйствительно приходили въ Боголюбовъ монастырь, осмотрѣли церковь, объявили, что перестройка будетъ стоить 700 р.,—но болѣе не возвращались.

Отправляясь на богомолье въ дер. Кусуново къ церкви Николая Чудотворца, поѣздъ Царицы всегда объѣзжалъ стороною Владиміръ. У самой дер. Кусуново переправа черезъ р. Клязьму. Здѣсь на перевозѣ являлись обыкновенно Владимірскіе бурмистры и цѣловальники и подносили Царицѣ вишни и коврижки; но въ лицо Царицу имъ не удавалось видѣть: она всегда оставалась въ каретѣ и была невидима за завѣшанными окнами. Вишни и кавришки принималъ отъ бурмистровъ карло Иванъ Терентьевъ—онъ во время поѣздовъ былъ всегда верхомъ и возлѣ царицыной кареты. Бурмистровъ и цѣловальниковъ отъ имени Царицы тутъ же угощали виномъ и пивомъ.

Когда Царица отъѣзжала съ перевозу, бурмистры и цѣловальники кланялись позади кареты трижды въ землю.

Въ *Кусуновѣ* Царица останавливалась съ своимъ поѣздомъ на лугу; для нея устроивался особой шатеръ,—прочіе всѣ съ ней пріѣхавшіе помѣщались въ палаткахъ. Служителей было болѣе двадцати человѣкъ, подводъ пятнадцать. Въ деревенской церкви священникъ Царицы отправлялъ обыкновенно всенощную и литургію; но церковь на это время запиралась для постороннихъ.

До пріѣзда Царицы въ Кусуново всегда пріѣзжали впередъ ея служители, занимали мѣсто на лугу и разбивали шатеръ для Царицы и палатки—одну особую для попа, одну для монахинь и нѣсколько палатокъ для прислуги. Ключи отъ церкви отбирали отъ священника и даже въ колокола звонили служители Царицы. Деревенскому священнику, отъ имени Царицы, давали когда полтину, когда полуполтину—а въ церковную кружку рубль. Сверхъ того Царица дарила въ церковь разныя вещи: воздухи камчатные, ризы двоеличной камки, оплечья парчевыя, серебряныя.

Послѣ обѣдни Царица возвращалась въ свой шатеръ, гдѣ собирались ея приближенные; она жаловала ихъ водкою изъ своихъ рукъ, а въ это время попъ Гаврило, пріѣзжавшій всегда съ Царицею (онъ былъ сынъ Духовника ея Ѳеодора Пустыннаго), заставлялъ деревенскаго попа совсѣмъ церковнымъ его причтомъ класть три земныхъ поклона по направленію къ шатру Царицы.

Въ шатрѣ Царица обѣдала одна—сзади ея стояла обыкновенно изъ ея приближенныхъ жена подъ-

ячаго Жиркина, сестра Епископа Ростовскаго Досиѳея; во время стола Царица жаловала Жиркину подачками, а мужъ Жиркиной подносилъ Царицѣ бутылку вишневаго морса, а отъ нея получалъ рюмку водки.

Изъ Кусунова Царица ѣздила молиться за 20 верстъ къ церкви Николая Чудотворца, что на полѣ, на погостѣ. Возвращаясь опять мимо Владиміра одинъ разъ Царицѣ захотѣлось квасу; бывшая при ней вдова Лихонина предложила, не угодно ли послать въ городъ къ одной ея знакомой и родственницѣ, ко вдовѣ Мыльниковой. Верховой слуга поскакалъ съ четвертинкою за квасомъ и квасъ очень понравился Царицѣ. На слѣдующій годъ, проѣзжая мимо Владиміра, Царица велѣла остановиться поѣзду и послала верховаго за вдовою Мыльниковою; она явилась съ малолѣтною своею дочкой и поднесла къ каретѣ Царицы прянишную коврижку; Мыльниковой очень хотѣлось видѣть Царицу, но она неудостоилась этой чести: окна кареты были завѣшаны и за окно протянулась къ Мыльниковой ручка Царицы, которую она и поцѣловала,—дочери ея выброшена была изъ окна золотая лента и поѣздъ Царицы тронулся впередъ....

Въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ Царица останавливалась всегда въ келліяхъ, построенныхъ для пріѣзда властей; слушала здѣсь вечерню, утреннюю литургію и молебенъ св. Ѳеодору Стратилату. Сюда пріѣзжалъ къ ней на поклонъ Архимандритъ Рождественскаго Владимірскаго монастыря Гедеонъ и подносилъ Царицѣ на блюдѣ хлѣбъ монастырскій, а на хлѣбѣ «рыбы чернаго суща два лыка», свѣжія стерляди и въ кузовкахъ свѣжія вишни. Архимандритъ, входя, спрашивалъ Царицу о здравіи тѣлесномъ, а она его спрашивала о спасе-

нiи душевномъ; принимая хлѣбъ съ рыбою, Царица сама подносила Архимандриту ренскаго или церковнаго и жаловала полотенцемъ; онъ кланялся портищемъ камки. При прощанiи Царица, принимая благословенiе Архимандрита, цѣловала его руку.

Въ Кузминъ монастырь Царица прiѣзжала 9 Iюля 1717 года; за четверть часа до ея прiѣзда прискакалъ служитель Покровскаго монастыря къ Игумену:

— Ѣдетъ, говорилъ слуга, сюда въ монастырь Царица Евдокiя Ѳеодоровна, прикажи, чтобъ монахи оставались въ келлiяхъ и на монастырь не выходили и изъ келлiй въ окна не смотрѣли. Вели отдать имъ ключи отъ церкви. Пополудни Царица подъѣхала къ Соборной церкви въ каретѣ и пробывши тамъ съ полчаса, прошла за *красными сукнами* въ игуменскiя кельи; передъ вечернею слуга Царицы Василiй Ширинъ пришелъ къ Игумену, который на время прiѣзда Царицы перешелъ въ казначейскiя келлiи.

— Надобно тебѣ идти къ ней Царицѣ на поклонъ съ хлѣбомъ, для того, что и прежнiе игумены къ ней для её чести хаживали, говорилъ Ширинъ.

Игуменъ призвалъ уставщика, монастырскаго монаха Модеста.

—Что прежнiе игумены, до моей бытности, къ ней бывшей Царицѣ на поклонъ съ хлѣбомъ хаживали-ли?

—Прежнiй игуменъ Симеонъ, на поклонъ къ ней съ хлѣбомъ подходилъ—отвѣчалъ уставщикъ.

Игуменъ съ хлѣбомъ и свѣжею рыбою явился на крыльцѣ своей келлiи. Царица велѣла допустить къ себѣ—монахини приняли хлѣбъ и рыбу и поднесли рюмку ренскаго Царица принимала игумена одѣтая

въ свѣтскомъ платьѣ: въ зеленомъ кунтушѣ, на головѣ польская шапка.

Всенощную въ церкви служилъ привезенный съ Царицею священникъ и крылошанки; никого въ церковь не пускали. На другой день, послѣ обѣдни, служители Царицы вызвали монаховъ изъ келлій и угощали ихъ въ трапезѣ отъ имени Царицы: круглымъ пирогомъ, рыбою, а потомъ роздали каждому монаху по гривнѣ, игумену пол-полтины.

Изъ трапезной игуменъ съ братіею отправился благодарить Царицу; они выстроились противъ оконъ ея келліи и поклонились трижды въ землю. Изъ окна карло Царицы, Иванъ Терентьевъ, спросилъ ихъ: довольны ли вы?

—Довольны, отвѣчали монахи и разошлись по келліямъ.

Передъ отъѣздомъ, когда Царица сѣла въ карету, окна которой были завѣшаны, служители велѣли игумену собрать братію и поклониться трижды въ землю передъ каретою.

Карета тронулась; игуменъ съ братіею чинно шли за каретою и проводили за монастырскія ворота—здѣсь опять три поклона въ землю передъ каретою.

Послѣ отъѣзда Царицы, игуменъ нашелъ въ церкви на мощахъ Св. Козмы Яхринскаго чудотворца привязанный рублёвикъ. Вѣроятно это былъ даръ Царицы. При игуменѣ Симонѣ, по словамъ монаховъ, въ пріѣзды свои клала на гробъ святаго *золотой*. (О пріѣздѣ Царицы во времена игумена Симона см. Временникъ 1856. 24 кн. Смѣсь стр. 51—53).

Вообще поѣздки Царицы по монастырямъ были довольно торжественны. Впереди ѣхали верхомъ слу-

жители монастырскіе, потомъ карета Царицы съ опущенными занавѣсами; она ѣздила постоянно съ своимъ другомъ, старицею Каптелиною. Возлѣ кареты карло Иванъ Терентьевъ верхомъ, потомъ опять служители монастырскіе; за ними другая карета съ платьемъ и рухлядью Царицы; потомъ коляска съ монахинями и попомъ; за ними тянулись подводы (до 15-ти) съ съѣстными припасами и напитками; тутъ же ѣхали и повара.

Весьма замѣчательно, что въ эту эпоху доносовъ, всѣ эти поѣздки Царицы остались неизвѣстными Петру до 1720 года.

Царица, живя въ Покровскомъ монастырѣ, никуда не выходила изъ келлій и только одинъ разъ, а именно въ 1715 году посѣтила соборную церковь и то по особенному случаю. 26 Октября 1715 г. къ Царицѣ привезъ изъ Москвы купецъ Козаковъ радостную вѣсть, что у Царевича Алексѣя Петровича родился сынъ, Царевичъ Петръ. Козаковъ съ этимъ извѣстіемъ былъ присланъ къ Царицѣ отъ ея брата Аврама Лопухина. Скоро узналъ объ этомъ весь монастырь. Приближенные Царицы явились къ ней съ поздравленіемъ. Она принимала ихъ одѣтая въ лазоревомъ кунтушѣ и въ польской шапкѣ, жаловала къ рукѣ. Потомъ отправилась въ соборную церковь пѣть молебенъ, но она шла невидимая, «*огражденная красными сукнами*», въ родѣ закрытаго со всѣхъ четырехъ сторонъ балдахина, который держали надъ нею келейныя монахини. Въ церкви она стояла «*за красными же сукнами*» и по окончаніи богослуженія высунула руку, которую цѣловали подходившія монахини.

Въ 1716 году Царевичъ Алексѣй Петровичъ, на котораго Царица возлагала всѣ свои надежды, бѣжалъ за границу. (См. Устрялова т. VI. Истор. Петра Вел.) Царица узнала объ этомъ отъ юродиваго Михайлы Босаго, который часто прихаживалъ къ ней изъ Москвы съ вѣстями и подарками отъ брата ея, Аврама Лопухина, отъ Царевенъ Маріи и Екатерины Алексѣевнъ и отъ Царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Михайло Босой появился въ монастырѣ съ 1717 г. и былъ въ большемъ почетѣ у Царицы; для него при келейной ея церкви устроенъ былъ особый чуланъ. Царица называла его *батюшкою* и сажала съ собою за столъ обѣдать. Босой тоже пророчествовалъ Царицѣ, что она будетъ возвращена къ Москвѣ. Почти каждый разъ, когда приходилъ изъ Москвы, онъ приносилъ Царицѣ какой нибудь подарокъ отъ Царевны Маріи Алексѣевны: то деньги, то шапку круглую соболью, то шапку Польскую соболью. Отъ имени Царевны онъ передалъ Царицѣ, что Царевичъ Алексѣй Петровичъ бѣжалъ отъ отца, потому что онъ хочетъ постричь его и что сдѣлалъ хорошо, а тамъ (т. е. за границею) «проживетъ какъ въ раѣ.» Царица письменно благодарила Царевну за сообщаемыя ей извѣстія и просила чтобъ и впредь увѣдомляла, что будетъ дѣлаться у отца съ сыномъ.

Въ Февралѣ 1718 г. Петръ Андреевичъ Толстой привезъ Царевича въ Москву изъ Италіи. 3-го Февраля послѣдовало торжественное отреченіе Царевича Алексѣя Петровича отъ престолонаслѣдія, въ пользу сына Екатерины Царевича Петра Петровича. На другой день начался страшный «*Кикинскій*» розыскъ, окончившій-

ся только въ Петербургѣ въ Іюнѣ 1718 г. пытками и смертію несчастнаго Царевича Алексѣя.

Царица ничего не знала о московскихъ событіяхъ, не предчувствовала, что надъ нею собирается гроза, и беззаботно, въ кругу своихъ приближенныхъ щеголяла въ кунтушахъ и тѣлогрѣйкахъ... Февраля съ 6-го на 7-е Царевна Марія Алексѣевна послала къ ней Михайлу Босаго съ ведромъ лимоновъ и съ извѣстіями, что случилось съ Царевичемъ. Босой отправился, но почти у самаго монастыря его обогналъ гвардіи капитанъ поручикъ Скорняковъ-Писаревъ съ военною командою на подводахъ... Босой смекнулъ, что не ладно идти въ монастырь и проѣхалъ въ деревню Степана Лопухина, гдѣ его въ послѣдствіи и поймали... Такимъ образомъ до Царицы не дошли ни лимоны, ни извѣстія о Царевичѣ...

За чѣмъ же скакалъ Писаревъ въ монастырь съ солдатами?

Вотъ, что случилось въ Москвѣ.

8-го Февраля Царевичъ, въ дополнительномъ объясненіи на заданные ему вопросные пункты, показалъ, что Царевна Марья Алексѣевна, при встрѣчѣ съ нимъ въ Октябрѣ 1716 г. въ Либау, разсказывала ему про его мать: «было де ей откровеніе самой и инымъ, «что отецъ твой возметъ ее къ себѣ и дѣти будутъ; «а такимъ образомъ: что отецъ твой будетъ боленъ «и во время болѣзни его будетъ нѣкакое смятеніе, «и придетъ де отецъ въ Троицкій монастырь на Сер«гіеву память, и тутъ мать твоя будетъ же, и отецъ «исцѣляетъ отъ болѣзни и возметъ ее къ себѣ и смятеніе «утишится.» (См. Устрялова т. VI Ист. Петра В. стр. 457).

Этого показанія было достаточно, чтобы возбудить въ Петрѣ подозрѣніе, при томъ же вѣроятно сообщили ему наконецъ то, что почти всѣ знали, кромѣ его одного, что Царица инокиня уже давно скинула монашеское платье и ходитъ въ свѣтскомъ (Въ манифестѣ по суздальскому розыску сказано: «А по нѣ«которому извѣстію Царскому величеству явилось, что «она, бывшая Царица, монашеское платье съ себя «скинула и ходила въ мирскомъ.» (См. Ист. Петра В. Устрялова т. VI.) 8-го Февраля Скорняковъ-Писаревъ отправленъ былъ въ Суздаль.

10-го февраля, въ полдень, Скорняковъ пріѣхалъ въ монастырь, окружилъ его часовыми, и ни кѣмъ незамѣченный прошелъ прямо въ келльи къ Царицѣ. Мгновенно разнеслась по монастырю вѣсть о пріѣздѣ съ солдатами грознаго посланника Царскаго и что монастырь запертъ; нѣкоторые отъ страха спасались бѣгствомъ черезъ монастырскія стѣны по веревкамъ. Скорняковъ засталъ Царицу въ свѣтскомъ платьѣ, въ тѣлогрѣѣ и повойникѣ. Онъ приступилъ къ осмотру сундуковъ, нигдѣ не нашелъ монашеской одежды, а все тѣлогрѣйки и кунтуши разныхъ цвѣтовъ. Открывая сундуки и ларцы, Скорняковъ нашелъ лоскутокъ бумаги, на которомъ было написано: «Человѣкъ еще ты молодой. Первое искуси себя въ постѣ, въ терпѣніи и послушаніи, воздержаніи брашна и питія. А и здѣсь тебѣ монастырь; а какъ придешь достойныхъ лѣтъ, въ то время исправится твое обѣщаніе.» При открытіи этого письма Царица оробѣла и хотѣла вырвать его изъ рукъ Скорнякова, объясняя, что это списокъ съ помѣты челобитной мужика, который приходилъ постричься. Записка была писана рукою духовника

Царицы ключаря Өедора Пустыннаго. Другая записка, найденная въ ларцѣ, была слѣдующая: Доношу вамъ подлинно: Государя Царевича Алексѣя Петровича въ Москву въ скорыхъ числахъ ожидаютъ; есть подлинныя письма, а при немъ Государь будетъ же Петръ Андреевичъ Толстой. Доложите гдѣ знаете, именно ожидаютъ. Приказано, его, государя Царевича, хоромы устраивать; именно государь будетъ; а какъ его, государя, Богъ принесетъ въ Москву, писать буду именно и немедленно. Пишите ко мнѣ. Матушка Ирина Аөонасьевна въ добромъ здравіи. 17-го Генваря 1718 г.» Это письмо писано было къ Өедору Пустынному отъ стряпчаго Михайлы Воронова.

Скорняковъ отправилъ къ Петру копіи съ этихъ писемъ, обличавшихъ связь Царицы съ приближенными Царевича и ожидая дальнѣйшихъ приказаній, приступилъ 11-го Февраля къ допросамъ нѣкоторыхъ лицъ въ монастырѣ. Тутъ же онъ открылъ, что по таблицѣ, находившейся въ монастырѣ церкви на жертвенникѣ, Инокиню Елену поминаютъ Царицею Евдокіею.

14-го Февраля, Скорняковъ, забравъ всѣхъ жившихъ въ кельѣ Царицы старицъ, крылошанокъ и дѣвокъ,—весь церковный причетъ монастырской, и нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ, отправился вмѣстѣ съ Царицею въ Москву.

Съ дороги къ Москвѣ, 15-го Февраля, Царица-инокиня Елена написала собственноручно слѣдующее письмо къ Петру:

Всемилостивѣйшій Государь!

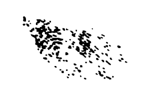
«Въ прошлыхъ годѣхъ, а въ которомъ не упомню, «при бытности Семена Языкова, по обѣщанію своему, «пострижена я была въ Суздальскомъ Покровскомъ

«монастырѣ въ старицы и наречено мнѣ было имя «Елена. И по постриженіи въ иноческомъ платьѣ хо«дила съ полгода, и не восхотя быть инокою, оставя «монашество, и скинувъ платье, жила въ томъ мона«стырѣ скрытно, подъ видомъ иночества, мирянкою. «И то мое скрытіе объявилось чрезъ Григорья Писа«рева. И нынѣ я надѣюся на человѣколюбивыя вашего «величества щедроты. Припадая къ ногамъ вашимъ «прошу милосердія, того моего преступленія, о про«щеніи, чтобъ мнѣ безгодною смертію не умереть. А «я обѣщаюсь по прежнему быть инокою и пребыть въ «иночествѣ до смерти своея и буду Бога молить за «тебя, Государя. Вашего величества нижайшая раба,

«бывшая жена ваша Авдотья.»

Но эта покорная повинная не смягчила Петра. Начался страшный розыскъ, извѣстный подъ именемъ *Суздальскаго.* Всѣхъ привезенныхъ съ Царицею допрашивали, пытали. Ужасныя мученія развязали языки приближенныхъ Царицы; они разсказали все, кромѣ прогулокъ ея по монастырямъ; (*) открыты всѣ ея сношенія съ Царевною Маріею Алексѣевною, вся ея переписка съ братомъ ея Аврамомъ Лопухинымъ, съ племянникомъ Григорьемъ Собакинымъ, и съ другими. Открылись пророчества Досиѳея, не только Царицѣ, но и Царевнѣ Маріи Алексѣевнѣ, а брату Царицы,

(*) *Примѣчаніе.* О поѣздкахъ Царицы по монастырямъ открылось въ 1720 г. При слѣдствіи въ Тайной Канцеляріи, арестовано и посажено было въ тюрьмы во Владимірѣ и Суздалѣ болѣе 150 человѣкъ. Нѣкоторые были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь, между ними былъ Жиркинъ съ женою.

Авраму Лопухину Досифей предсказывалъ, «что Евдокія и послѣ смерти Петра будетъ Царицею и съ сыномъ.» (См. Устрял. Ист. Петра В. т. VI, стр. 218.) Открылась и связь Царицы-инокини съ Степаномъ Глѣбовымъ.

Петръ Первый въ эти дни былъ жестокъ и безъ всякаго состраданія къ прежней женѣ своей. Евдокію привели на Генеральномъ дворѣ на очную ставку съ Глѣбовымъ и здѣсь она написала слѣдующее признаніе: «Февраля 21 дня, я, бывшая Царица, старица Елена, привожена на Генеральный дворъ и съ Степаномъ Глѣбовымъ на очной ставкѣ сказала, что я съ нимъ блудно жила въ то время, какъ онъ былъ у рекрутскаго набора: и въ томъ я виновата. Писала своею рукою, я, Елена.»

5-го Марта 1718 г., въ Столовой палатѣ «при освященномъ соборѣ, при министрахъ и прочихъ духовнаго и гражданскаго чина людехъ» читанъ манифестъ, въ которомъ изложено все, что по слѣдствію открылось о Царицѣ, о Досифеѣ, о Царевнѣ Маріи Алексѣевнѣ, о Степанѣ Глѣбовѣ, о Михайлѣ Босомъ и др. Въ манифестѣ не было никакого рѣшенія, а только изложеніе дѣла. (*)

Рѣшеніе состоялось 14 и 16 Марта, по приговору министровъ на Генеральномъ дворѣ. Приговоръ подписали: Князь Рамодановской, Борисъ Шереметьевъ Генералъ-Фельдмаршалъ, Графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, Генералъ-Адміралъ Графъ Апраксинъ, Графъ Гаврило Головкинъ, Тихонъ Стрѣшневъ, Князь Петръ

(*) См. Устрялова т. VI Исторіи Петра Велик. Стр. 477.

Прозоровской, Баронъ Петръ Шафировъ, Алексѣй Салтыковъ, Василій Салтыковъ. Какія кому назначены казни и наказанія описано подробно въ Исторіи Петра В. Устрялова т. VI, стр. 218.

Исполненіе приговоровъ послѣдовало 16-го марта. Мы поименуемъ нѣкоторые.

Степанъ Глѣбовъ посаженъ на колъ.

Ростовской Епископъ Досифей, по разстриженіи Демидъ, колесованъ.

Ключарю Өедору Пустынному отрубили голову.

Игуменью Покровскаго Монастыря Марөу и старицу Каптелину, по наказаніи кнутомъ, сослали въ Александровскую слободу, въ тюрьму.

Царевну Марію Алексѣевну отвезли въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Царица-инокиня Елена, 20 Марта 1718 отправлена въ Ладогу съ подпоручикомъ Преображенскаго полка Өедоромъ Новокщеновымъ. Ему приказано: въ дорогѣ хранить Царицу-инокиню за крѣпкимъ карауломъ, никого къ ней не допускать, разговоровъ съ ней никому не дозволять, писемъ или денегъ ей не давать, а приносителей брать подъ арестъ. Съ Царицею была отправлена изъ прислуги одна только ея карлица. Судьба этой несчастной была неразлучна съ Царицыною, она была сослана съ нею въ Суздальской монастырь.

19-го Апрѣля 1718 г., подпоручикъ Новокщеновъ привезъ Евдокію въ Ладожскій монастырь, и помѣстилъ ее въ келльяхъ игуменьи. Монастырь былъ въ жалкомъ положеніи: ни ограды, ни забора; черезъ монастырь даже проходила проѣзжая дорога. Новокщеновъ не зналъ, какія мѣры принять, чтобы сторо-

жить царицу, и испрашивалъ разрѣшенія; ему приказано дожидаться другаго офицера, который пришлется на смѣну. Дѣйствительно, 2-го Мая 1718 г., посланъ былъ капитанъ Семенъ Масловъ принять отъ Новокщенова Царицу; ему дана была слѣдующая инструкція.

«Господину капитану Маслову, будучи въ Старой Ладогѣ, чинить по сему:

1.

«Пріѣхавъ въ Ладогу, пребывающую въ состоящемъ дѣвичьемъ монастырѣ, бывшую царицу у присланнаго при ней изъ Москвы, отъ гвардіи офицера принять и во всемъ ея содержаніи поступать не оплошно.

2.

«Ради караулу при ней, и около всего монастыря, употреблять данныхъ шлютельбургскаго гарнизона капрала, и преображенскихъ солдатъ, которые оттуда дадутся, а именно двѣнадцать человѣкъ.

3.

«Потребные ей припасы, безъ которыхъ пробыть невозможно, безъ излишества, брать отъ ладожскаго ландрата Подчерткова, о чемъ къ нему указъ посланъ.

4.

«Въ монастырь не токмо мужеска, ни женска пола, никакого состоянія и чина людей, также изъ монастыря, какъ ее бывшую царицу, такъ и прочихъ пребывающихъ въ томъ монастырѣ монахинь, и опредѣленныхъ для отправленія Божіей службы священниковъ, отнюдь не впускать.

5.

«Имѣть доброе око, чтобы какимъ потаеннымъ образомъ ей царицѣ и сущимъ въ монастырѣ монахинямъ, также и она къ монахинямъ никакихъ, ни къ кому, ни о чемъ писемъ отнюдь не имѣли, чего опасаясь подъ потеряніемъ живота, смотрѣть неусыпно и для лучшей въ томъ осторожности велѣть днемъ и ночью вкругъ всего монастыря солдатамъ, сколькимъ человѣкамъ возможно, ходить непрестанно, и того, чтобы кто тайно не учинилъ, смотрѣть накрѣпко.

«Во всемъ вышеизложенномъ ея бывшей царицы содержанія поступать не оплошно, и дабы отъ несмотрѣнія чего непотребнаго не учинилось. Данъ въ въ С.-Петербургѣ Мая 20, 1718 года.» Подписалъ Александръ Меньшиковъ.

Инструкція замѣчательная! Ничего положительнаго о содержаніи матеріальномъ, а только боялись переписки царицы и монахинь, и для этого солдаты должны были безпрестанно днемъ и ночью бѣгать около монастыря, который не имѣлъ ни ограды, ни забора.

При отправленіи Маслова, изъ Санктъ-Петербургской Походной Канцеляріи, которою управлялъ Меньшиковъ, забыли объ одномъ: сообщить ладожскому ландрату, что Маслову велѣно требовать отъ него всѣ припасы, нужные для царицы и монастыря. Черновую бумагу написали, но она осталась при дѣлахъ не подписанною. Въ проектѣ предписанія ландрату велѣно было для покупки всякихъ съѣстиыхъ припасовъ опредѣлить нарочнаго добраго и того дѣла достойнаго дворянина, и на покупку оныхъ припасовъ деньги давать изъ наличныхъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ,

Монаху, священническихъ, дьяконскихъ, дьячковъ, пономарскихъ, монастырскихъ служителей и монахинямъ денежное жалованье и прочіе всякіе съѣстные припасы въ годъ всего давать по особому расписанію.

Масловъ, прибывши въ монастырь, не получая ничего изъ Ладоги, растративъ свои деньги, и наконецъ, въ Іюлѣ 1718 года, принужденъ былъ обратиться съ формальнымъ требованіемъ къ ландрату, прося его прислать: «для совершенія Божіей службы свѣчь, ладану, вина церковнаго, на просфоры муки пшеничной; для кухни и [illegible] бумаги да для ея особы крупъ гречневыхъ, [illegible], [illegible], икры зернистой или паюсной, [illegible], [illegible] [illegible] на поварню, бочекъ, [illegible] [illegible] [illegible], ведръ, чашъ хлѣбныхъ, блюдъ деревянныхъ, [illegible], сковородъ деревянныхъ, горшковъ большихъ и малыхъ и иныхъ хлѣбныхъ и всякихъ столовыхъ припасовъ, а для зимняго времени дровъ» и пр.

Ландратъ Подчертковъ, не имѣя предписанія, не могъ исполнить требованія Маслова, и 27 Іюля посылалъ рапортъ на высочайшее имя въ Санктъ-Петербургъ, испрашивая «указу».

Въ санктъ-петербургской походной канцеляріи навели справку и нашли дѣйствительно, что ландрату предписанія не было послано. Прошелъ Іюль, половина Августа — канцелярія не заботилась отвѣчать Подчерткову: такъ личность Евдокіи была тогда ничтожна въ глазахъ даже подьячихъ; каково же было положеніе всего монастыря, лишеннаго даже средствъ совершать богослуженіе! 25 Августа ландратъ повторилъ свое представленіе. Опять принялись за канцелярскія справки и наконецъ отыскали въ дѣлахъ

бывшаго подъячаго Өедора Зеленаго заготовленный къ подписанію князя Меньшикова указъ ландрату.

Изъ имѣющихся у насъ документовъ не видно, чѣмъ кончилось это обстоятельство.

Въ Генварѣ 1719 г. Масловъ спрашивалъ кн. Меньшикова: «Для топленія церкви и для ея особы и іеромонаху и протчимъ старицамъ и для карауленъ дрова и уголья отъ кого требовать? Бывшая Царица монахиня Елена,» писалъ Масловъ, «поставлена въ келльяхъ того монастыря наставницы и тѣ келльи непокойны, высоки и студены, отъ чего имѣетъ въ ногахъ болѣзнь, проситъ милосердія, дабы повелѣно было построить келію низкую»... Служба церковная производится очень рѣдко. Сообщалъ Масловъ потому, что Іеромонахъ и попъ, оба очень стары и къ тому попъ безпрестанно отлучался изъ монастыря. (Изъ бумагъ кн. Меньшикова, хранящ. въ Москв. арх. М. И. Д.)

Въ зимнее время, въ монастырѣ нуждались въ водѣ, потому что единственный ручей, который проходилъ внутри монастыря, въ зимнее время и въ межевую пору дѣлался безводнымъ; а Масловъ не смѣлъ никого выпускать за монастырь. Онъ просилъ, чтобъ ему прислали людей затопить ручей или нанять для этого рабочихъ солдатъ, которыхъ было у него 12; имъ небыло времени, они все караулили монастырь. (Донесенія Маслова отъ 25 Марта 1719 г. Повторялъ въ Іюлѣ и въ Августѣ).

20-го Декабря 1720 г. Масловъ доносилъ кн. Меньшикову, что Царица проситъ о постройкѣ для нея келліи—«потому что въ сіе зимнее время отъ стужи и отъ угару зѣло изнуревается и одержима сильною болѣзнію.»

Меньшиковъ очень мало заботился тогда о бывшей Царицѣ, и она построила келлью на собственныя деньги.

8-го Декабря 1722 года Масловъ доносилъ, что оба монастырскіе іеромонахи умерли. Служить не кому— также, что лѣтомъ отъ великихъ вѣтровъ на церкви обвалилась кровля и во время дождевое надъ святымъ престоломъ и жертвенникомъ бываетъ великая течь и святыя службы отправлять не возможно. Просилъ объ опредѣленіи іеромонаха.

Въ 1723 году въ Февралѣ, по распоряженію Сѵнода, послали къ Царицѣ для священнослуженія и духовности Іеромонаха Клеоника; ему было приказано: «по званію своему поступать воздержно и трезвенно со всякимъ благоговѣніемъ и подобающимъ искусствомъ.» (См. Письма Русскихъ Гос. Москва, выпускъ III. 1862, стр. 125).

Въ царствованіе Екатерины о Царицѣ заботились болѣе чѣмъ прежде: назначены были постоянные денежные и хлѣбные оклады іеромонаху, дьячку, келейнымъ тремъ старицамъ; велѣно «извѣстную персону (такъ называли Царицу въ офиціальныхъ бумагахъ) пищею овольствовать, чего когда пожелаетъ, и для того всякихъ припасовъ покупать и пивъ и полпивъ и медовъ готовить съ довольствомъ, чтобъ ни въ чемъ ни малой нужды не имѣла, а денегъ держать въ годъ по 365 р., т. е. по рублю въ день, да сверхъ того, на одежду и на обувь давать оной—персонѣ въ годъ по сту рублевъ.»

Въ Мартѣ 1725 Царица переведена изъ монастыря въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Въ 1726 г. предписано Маслову на пищу «содержащейся извѣстной персоны» покупать крупичатую добрую муку и держать папошники и пирожки и прочее ку-

шанье ежедневно хорошее. Спрашивали изъ Петербурга Маслова, «имѣется ли при ней хорошій поваръ?»

Въ Іюнѣ 1726, Императрица, по требованію Царицы-инокини, разрѣшила, для священнослуженія освятить престолъ (Письма русскихъ Гос. выпускъ III, стр. 136).

7-го Ноября 1726 Масловъ донесъ, что въ хоромахъ, гдѣ живетъ «извѣстная персона, зѣло умножено оконъ и дверей, отчего въ зимнее время отъ великой стужи будетъ безпокойность.» Велѣно окны и двери, которыя надлежитъ, задѣлать, а въ прочія окна поставить вставки и обить войлоками и законопатить...» Все велѣно исправить въ немедленномъ времени (Тамъ же стр. 138). На содержаніе Царицы съ іеромонахомъ и келейницами предположено было 700 р. Велѣно отпускать 1000 р. (Тамъ же стр. 141—143)

Въ Генварѣ 1727 г., Царица черезъ капитана Маслова благодарила Императрицу за оказанныя ей милости и просила, чтобъ назначенное ей денежное содержаніе отдавали ей въ руки, (Тамъ же стр. 144)

Наконецъ 6 Мая 1727 года на престолъ вступилъ Петръ II, сынъ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича; пророчество Досиѳея, пострадавшаго за Евдокію въ 1718 году, могло сбыться: «ты будешь царицею, говорилъ онъ ей, или при жизни, или послѣ смерти Петра.» Съ какимъ трепетомъ должна была ожидать Евдокія вѣсточки отъ своего внука. Но время летѣло, и никто не вспоминалъ о ней! Нетерпѣніе вырваться послѣ двадцатисемилѣтней неволи заставило царицу обратиться къ врагу сына своего, къ своему личному врагу князю Меншикову. 19 Іюля 1727 года она писала къ нему:

«Генералиссимусъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ!

«Нынѣ содержусь я въ Шлютельбургѣ, а имѣю желаніе, чтобы мнѣ быть въ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; того ради прошу предложить въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, дабы меня повелѣно было въ оной монастырь опредѣлить и опредѣлено бы было мнѣ нескудное содержаніе въ пищѣ и въ прочемъ и снабдить бы меня надлежащимъ числомъ служителей, и какъ мнѣ, такъ и опредѣленнымъ ко мнѣ служителямъ опредѣлено бы было жалованье, и чтобъ оный монастырь ради меня не запертъ былъ, и желающимъ бы ко мнѣ свойственникамъ моимъ и свойственницамъ входъ былъ не возбранный.

«Вашей высококняжей свѣтлости богомолица
монахиня Елена.»

«Іюля 19 дня 1727 года.»

Письмо царицы застало Меньшикова больнымъ. Звѣзда его уже меркла. Остерманъ и Долгорукіе дружно вооружали противъ него молодаго императора. Въ 1718 году Меньшиковъ не заботился о ежедневномъ пропитаніи царицы и, уѣзжая изъ Петербурга, забывалъ подписать указъ ландрату Подчерткову. Теперь обстоятельства перемѣнились, онъ самъ былъ подъ обвиненіемъ въ преслѣдованіи и смерти царевича Алексѣя Петровича; теперь онъ не дожидался канцелярской справки, и спѣшилъ отвѣчать царицѣ:

«Государыня моя святая монахиня!

«Получилъ я отъ вашей милости изъ Шлютельбурга письмо, по которому за болѣзнію своею не могъ въ

верховный совѣтъ придтить, и для того просилъ господъ министровъ, чтобы пожаловали ко мнѣ, и потому они изволили всѣ пожаловать ко мнѣ; (*) тогда предложилъ я имъ присланное комнѣ отъ вашей милости письмо и просилъ всѣхъ, чтобы вашу милость по желанію вашему опредѣлить къ Москвѣ въ Новодѣвичій монастырь, на что изволили всѣ склониться, что отправить въ Новодѣвичій монастырь и тамо опредѣлить вамъ въ удовольствіе денегъ по 4,500 руб., и людей вамъ по желанію, какъ хлѣбниковъ и поваровъ, такъ и прочихъ служительницъ; для пребыванія вашего кельи дать, кои вамъ понравятся, и приказали васъ проводить до Москвы бригадиру и коммендаиту Буженинову; чего ради приказали ему быть сюда для прiему указу въ Москву къ генералъ-губернатору и о дачѣ подводъ и подорожной и на проѣздъ денегъ 1000 р., о семъ объявя вашу милость поздравляю, и отъ всего моего сердца желаю дабы вамъ съ помощію Божіею въ добромъ здравіи прибыть въ Москву и тамъ бы ваше монашество видѣть и свой должный отдать вамъ поклонъ.

«P. S. Жена моя и дѣти и обрученная государыня невѣста и свояченица наша Варвара Михайловна (**) вашей милости кланяются.»

Письмо отправлено было 25 Іюля съ ординарцемъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка бомбандиромъ Вла-

(*) Это было 21 Іюля, записано въ журналѣ верховнаго тайнаго совѣта.

(**) Арсеньева, сестра княгини Меньшиковой.

миміромъ Грушецкимъ, а 31 Іюля данъ указъ изъ верховнаго тайнаго совѣта камеръ-коллегіи отпустить «на нѣкоторую дачу» Шлюссельбургскому коменданту Буженинову 1000 руб. Того жъ числа, за подписаніемъ Меньшикова, Апраксина, Головкина, князя Голицына и Остермана, посланъ указъ московскому губернатору о переѣздѣ царицы въ Новодѣвичій монастырь. При этомъ приказано отвести ей приличныя келльи, опредѣлить къ ней въ услуженіе четырехъ персонъ мужска пола, а именно двухъ поваровъ, двухъ хлѣбниковъ, и четырехъ женскаго пола; на иждивеніе выдавать ей «монахинѣ» по полпяти тысячъ рублей, въ годъ, а изъ Новодѣвичьяго монастыря довольствовать съѣстными припасами и служителями безъ всякой нужды: при монастырѣ быть караулу по распоряженію губернатора и впускать въ монастырь всякаго званія людей невозбранно, также, по желанію ея, бывшей царицы, свойственниковъ впускать къ ней невозбранно. 1 Августа Меньшиковъ вручилъ лично подписанную имъ слѣдующую инструкцію коменданту Буженинову:

1.

«Въ верховномъ тайномъ совѣтѣ опредѣлили: бывшую царицу Евдокію Ѳедоровну, которая нынѣ въ монахиняхъ Елена, по требованію и желанію ея отправить въ Москву и быть ей тамо въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и послать для препровожденія ея васъ бригадира.

2.

«И господину бригадиру Буженинову, по посланному указу, въ камеръ-коллегіи взять тысячу рублей

на уборъ и дорожной проѣздъ, и убрався колясками и телѣгами, ѣхать съ нею, бывшею царицею, въ Москву.

3.

«А въ Москву прибывъ, данные ему указы къ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Мусину-Пушкину и дѣйствительному тайному совѣтнику Рамодановскому отдавъ, — въ которыхъ съ нимъ о содержаніи ея письмо,—возвратиться паки въ С.-Петербургъ, по пріѣздѣ своемъ въ Москву репортоваться.»

Тотъ же Меньшиковъ подписалъ инструкцію Маслову въ 1718 году. Тяжело было для него это воспоминаніе.

2 Сентября 1727 года царица пріѣхала въ Москву и остановилась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ палатахъ, гдѣ жила царевна Екатерина Алексѣевна, близь Святыхъ воротъ, надъ которыми церковь Спаса Преображенія.

5 Сентября Бужениновъ, сопровождавшій царицу, доносилъ князю Меньшикову о прибытіи ея въ Москву. Это извѣстіе не дошло до него. 8 Сентября Меньшиковъ уже былъ арестованъ, лишенъ чиновъ, орденовъ и княжескаго достоинства.

Извѣстіе о ссылкѣ Меньшикова дошло и до Царицы-инокини. Хитрая старушка тотчасъ же написала къ своему внуку о дозволеніи ей пріѣхать въ Петербургъ къ Императору для свиданія, и при томъ обвиняла кн. Меньшикова, что онъ не допустилъ ее къ Императору и послалъ «за карауломъ» въ Москву. Петръ II

отвѣчалъ ей почтительными письмами 27 Сентября и 30 го:—въ послѣднемъ онъ увѣдомлялъ, что и самъ желаетъ ее видѣть и надѣется, «что съ Божіею помощію еще нынѣшней зимы то учиниться можетъ» (Письма Рус. Гос. III. стр. 71—73).

Въ Октябрѣ 1727 г. императоръ подарилъ ей десять тысячь рублей и послалъ ей свой портретъ. (Письма Рус. Гос. стр. 78 и 86). Царица отблагодарила присылкою звѣзды и лазоревой ленты. «Носи, мой свѣтъ, писала Царица, на здоровье—каковы есть! не покручинься мой батюшка, а я грѣшная низала своими руками. Будь надъ тобою милость Божія и мое благословеніе.» (Тамъ же стр. 90). Великой Княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ Царица послала тоже звѣзду своей работы и ленту красную. (Тамъ же стр. 91). Великая княжна послала ей въ «презентъ» книжку—молитвенникъ Кіевской. (Тамъ же стр. 96). Царица черезъ посланнаго капитана Лаврова сообщила Остерману о томъ, что она претерпѣла во время ссылки въ Шлюссельбургъ.—Остерманъ увѣдомилъ ее, «что объ ужасномъ и неслыханномъ терпительномъ прежнемъ содержаніи ея въ Слюсельбуркѣ» онъ докладывалъ Императору и великой Княжнѣ «оные купно совсѣми добрыми людьми отъ всего своего сердца сожалѣютъ и будутъ стараться (писалъ Остерманъ) дабы ваше величество всѣми возможными образы паки обрадовать, якоже и правосудный Богъ тѣхъ, которые тому причиною были, судить не оставитъ (тамъ же стр. 97).

9-го Генваря 1728 г. Императоръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву для коронаціи и прибылъ 4 Февраля. Съ царицею бабушкою своею онъ свидѣлся еще

до въѣзда въ столицу въ загородномъ домѣ Грузинской царицы.

Сбылось пророчество Досифея: будешь царицею и послѣ смерти Петра и съ сыномъ!

9 Февраля 1728 года въ журналѣ верховнаго тайнаго совѣта въ Москвѣ записано:

«Его Величество на мѣстѣ своемъ садиться не изволилъ, а изволилъ стоять и объявилъ, что Его Величество, по имѣющейся своей любви и почтенію къ Ея Величеству Государынѣ бабушкѣ своей, желаетъ, чтобъ Ея Величество по своему великому достоинству во всякомъ удовольствіи содержена была, того бы ради учинили о томъ опредѣленіе и Его Величеству донесли и, объявя сіе, изволилъ выдтить, а вице-канцлеръ, Баронъ Остерманъ, оставаясь, объявилъ, что Его Величество желаетъ, чтобы то опредѣленіе нынѣ же сдѣлано было.

«И по общему согласію опредѣленіе о томъ учинено.

«И съ тѣмъ опредѣленіемъ къ Его Величеству ходилъ вице-канцлеръ, баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, и, пришедъ, объявилъ, что Его Величество все то опробовать соизволилъ и повелѣлъ съ точнымъ объявленіемъ къ Ея Величеству отъ верховнаго тайнаго совѣта ѣхать двумъ персонамъ, а именно: князю Василью Лукичу Долгорукову и князю Дмитрію Михайловичу Голицыну сего же дня, притомъ Его Величеству донесть, что ежели еще и сверхъ того изволитъ чего требовать, то Его Величество со особливой своей любви и почтенія учинить изволитъ.»

Монаху, священникамъ, дьяконамъ, дьячкамъ, пономарямъ, монастырской наставницѣ и монахинямъ денежное жалованье и прочіе всякіе съѣстные припасы въ годъ велѣно давать по особому росписанію.

Масловъ, прибывши въ монастырь, не получая ничего изъ Ладоги, расходовалъ свои деньги, и наконецъ, въ Іюлѣ 1718 года, принужденъ былъ обратиться съ официальнымъ требованіемъ къ ландрату, прося его прислать: «для совершенія Божіей службы свѣчь, ладану, вина церковнаго, на просфиры муки пшеничной; для нужды и записокъ бумаги да для ея особы крупъ гречневыхъ, уксусу, соли, икры зернистой или паюсной, луку, стола простаго на поварню, бочекъ, квасныхъ кадокъ, ушатовъ, ведръ, чашъ хлѣбныхъ, блюдъ деревянныхъ, ставцовъ, сидовъ деревянныхъ, горшковъ большихъ и малыхъ и иныхъ хлѣбныхъ и всякихъ столовыхъ припасовъ, а для зимняго времени дровъ» и пр.

Ландратъ Подчертковъ, не имѣя предписанія, не могъ исполнить требованія Маслова, и 27 Іюля послалъ рапортъ на высочайшее имя въ Санктъ-Петербургъ, испрашивая «указу».

Въ санктъ-петербурской походной канцеляріи навели справку и нашли дѣйствительно, что ландрату предписанія не было послано. Прошелъ Іюль, половина Августа — канцелярія не заботилась отвѣчать Подчерткову: такъ личность Евдокіи была тогда ничтожна въ глазахъ даже подъячихъ; каково же было положеніе всего монастыря, лишеннаго даже средствъ совершать богослуженіе! 25 Августа ландратъ повторилъ свое представленіе. Опять принялись за канцелярскія справки и наконецъ отыскали въ дѣлахъ

бывшаго подъячаго Өедора Зеленаго заготовленный къ подписанію князя Меньшикова указъ ландрату.

Изъ имѣющихся у насъ документовъ не видно, чѣмъ кончилось это обстоятельство.

Въ Генварѣ 1719 г. Масловъ спрашивалъ кн. Меньшикова: «Для топленія церкви и для ея особы и іеромонаху и протчимъ старицамъ и для карауленъ дрова и уголья отъ кого требовать? Бывшая Царица монахиня Елена,» писалъ Масловъ, «поставлена въ келльяхъ того монастыря наставницы и тѣ келльи непокойны, высоки и студены, отъ чего имѣетъ въ ногахъ болѣзнь, проситъ милосердія, дабы повелѣно было построить келію низкую»... Служба церковная производится очень рѣдко. Сообщалъ Масловъ потому, что Іеромонахъ и попъ, оба очень стары и къ тому попъ безпрестанно отлучался изъ монастыря. (Изъ бумагъ кн. Меньшикова, хранящ. въ Москв. арх. М. И. Д.)

Въ зимнее время, въ монастырѣ нуждались въ водѣ, потому что единственный ручей, который проходилъ внутри монастыря, въ зимнее время и въ межевую пору дѣлался безводнымъ; а Масловъ не смѣлъ никого выпускать за монастырь. Онъ просилъ, чтобъ ему прислали людей затопить ручей или нанять для этого рабочихъ солдатъ, которыхъ было у него 12; имъ небыло времени, они все караулили монастырь. (Донесенія Маслова отъ 25 Марта 1719 г. Повторялъ въ Іюлѣ и въ Августѣ).

20-го Декабря 1720 г. Масловъ доносилъ кн. Меньшикову, что Царица проситъ о постройкѣ для нея келліи—«потому что въ сіе зимнее время отъ стужи и отъ угару зѣло изнуревается и одержима сильною болѣзнію.»

Меньшиковъ очень мало заботился тогда о бывшей Царицѣ, и она построила келлью на собственныя деньги.

8-го Декабря 1722 года Масловъ доносилъ, что оба монастырскіе іеромонахи умерли. Служить не кому— также, что лѣтомъ отъ великихъ вѣтровъ на церкви обвалилась кровля и во время дождевое надъ святымъ престоломъ и жертвенникомъ бываетъ великая течь и святыя службы отправлять не возможно. Просилъ объ опредѣленіи іеромонаха.

Въ 1723 году въ Февралѣ, по распоряженію Сѵнода, послали къ Царицѣ для священнослуженія и духовности Іеромонаха Клеоника; ему было приказано: «по званію своему поступать воздержно и трезвенно со всякимъ благоговѣніемъ и подобающимъ искусствомъ.» (См. Письма Русскихъ Гос. Москва, выпускъ III. 1862, стр. 125).

Въ царствованіе Екатерины о Царицѣ заботились болѣе чѣмъ прежде: назначены были постоянные денежные и хлѣбные оклады іеромонаху, дьячку, келейнымъ тремъ старицамъ; велѣно «извѣстную персону (такъ называли Царицу въ официіальныхъ бумагахъ) пищею овольствовать, чего когда пожелаетъ, и для того всякихъ припасовъ покупать и пивъ и полпивъ и медовъ готовить съ довольствомъ, чтобъ ни въ чемъ ни малой нужды не имѣла, а денегъ держать въ годъ по 365 р., т. е. по рублю въ день, да сверхъ того, на одежду и на обувь давать оной—персонѣ въ годъ по сту рублевъ.»

Въ Мартѣ 1725 Царица переведена изъ монастыря въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Въ 1726 г. предписано Маслову на пищу «содержащейся извѣстной персоны» покупать крупичатую добрую муку и держать папошники и пирожки и прочее ку-

шанье ежедневно хорошее. Спрашивали изъ Петербурга Маслова, «имѣется ли при ней хорошій поваръ?»

Въ Іюнѣ 1726, Императрица, по требованію Царицы-инокини, разрѣшила, для священнослуженія освятить престолъ (Письма русскихъ Гос. выпускъ III, стр. 136).

7-го Ноября 1726 Масловъ донесъ, что въ хоромахъ, гдѣ живетъ «извѣстная персона, зѣло умножено оконъ и дверей, отчего въ зимнее время отъ великой стужи будетъ безпокойность.» Велѣно окны и двери, которыя надлежитъ, задѣлать, а въ прочія окна поставить вставки и обить войлоками и законопатить...» Все велѣно исправить въ немедленномъ времени (Тамъ же стр. 138). На содержаніе Царицы съ іеромонахомъ и келейницами предположено было 700 р. Велѣно отпускать 1000 р. (Тамъ же стр. 141—143)

Въ Генварѣ 1727 г., Царица черезъ капитана Маслова благодарила Императрицу за оказанныя ей милости и просила, чтобъ назначенное ей денежное содержаніе отдавали ей въ руки, (Тамъ же стр. 144)

Наконецъ 6 Мая 1727 года на престолъ вступилъ Петръ II, сынъ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича; пророчество Досиѳея, пострадавшаго за Евдокію въ 1718 году, могло сбыться: «ты будешь царицею, говорилъ онъ ей, или при жизни, или послѣ смерти Петра.» Съ какимъ трепетомъ должна была ожидать Евдокія вѣсточки отъ своего внука. Но время летѣло, и никто не вспоминалъ о ней! Нетерпѣніе вырваться послѣ двадцатисемилѣтней неволи заставило царицу обратиться къ врагу сына своего, къ своему личному врагу князю Меншикову. 19 Іюля 1727 года она писала къ нему:

«Генералиссимусъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ!

«Нынѣ содержусь я въ Шлютельбургѣ, а имѣю желаніе, чтобы мнѣ быть въ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; того ради прошу предложить въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, дабы меня повелѣно было въ оной монастырь опредѣлить и опредѣлено бы было мнѣ нескудное содержаніе въ пищѣ и въ прочемъ и снабдить бы меня надлежащимъ числомъ служителей, и какъ мнѣ, такъ и опредѣленнымъ ко мнѣ служителямъ опредѣлено бы было жалованье, и чтобъ оный монастырь ради меня не запертъ былъ, и желающимъ бы ко мнѣ свойственникамъ моимъ и свойственницамъ входъ былъ не возбранный.

«Вашей высококняжей свѣтлости богомолица

монахиня Елена.»

«Іюля 19 дня 1727 года.»

Письмо царицы застало Меньшикова больнымъ. Звѣзда его уже меркла. Остерманъ и Долгорукіе дружно вооружали противъ него молодаго императора. Въ 1718 году Меньшиковъ не заботился о ежедневномъ пропитаніи царицы и, уѣзжая изъ Петербурга, забывалъ подписать указъ ландрату Подчерткову. Теперь обстоятельства перемѣнились, онъ самъ былъ подъ обвиненіемъ въ преслѣдованіи и смерти царевича Алексѣя Петровича; теперь онъ не дожидался канцелярской справки, и спѣшилъ отвѣчать царицѣ:

«Государыня моя святая монахиня!

«Получилъ я отъ вашей милости изъ Шлютельбурга письмо, по которому за болѣзнію своею не могъ въ

верховный совѣтъ придтить, и для того просилъ господъ министровъ, чтобы пожаловали ко мнѣ, и потому они изволили всѣ пожаловать ко мнѣ; (*) тогда предложилъ я имъ присланное ко мнѣ отъ вашей милости письмо и просилъ всѣхъ, чтобы вашу милость по желанію вашему опредѣлить къ Москвѣ въ Новодѣвичій монастырь, на что изволили всѣ склониться, что отправить въ Новодѣвичій монастырь и тамо опредѣлить вамъ въ удовольствіе денегъ по 4,500 руб., и людей вамъ по желанію, какъ хлѣбниковъ и поваровъ, такъ и прочихъ служительницъ; для пребыванія вашего кельи дать, кои вамъ понравятся, и приказали васъ проводить до Москвы бригадиру и коммендавту Буженинову; чего ради приказали ему быть сюда для пріему указу въ Москву къ генералъ-губернатору и о дачѣ подводъ и подорожной и на проѣздъ денегъ 1000 р., о семъ объявя вашу милость поздравляю, и отъ всего моего сердца желаю дабы вамъ съ помощію Божіею въ добромъ здравіи прибыть въ Москву и тамъ бы ваше монашество видѣть и свой должный отдать вамъ поклонъ.

«P. S. Жена моя и дѣти и обрученная государыня невѣста и свояченица наша Варвара Михайловна (**) вашей милости кланяются.»

Письмо отправлено было 25 Іюля съ ординарцемъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка бомбандиромъ Вла-

(*) Это было 21 Іюля, записано въ журналѣ верховнаго тайнаго совѣта.

(**) Арсеньева, сестра княгини Меньшиковой.

димиромъ Грушецкимъ, а 31 Іюля данъ указъ изъ верховнаго тайнаго совѣта камеръ-коллегіи отпустить «на нѣкоторую дачу» Шлюссельбургскому коменданту Буженинову 1000 руб. Того жь числа, за подписаніемъ Меньшикова, Апраксина, Головкина, князя Голицына и Остермана, посланъ указъ московскому губернатору о переѣздѣ царицы въ Новодѣвичій монастырь. При этомъ приказано отвести ей приличныя келльи, опредѣлить къ ней въ услуженіе четырехъ персонъ мужска пола, а именно двухъ поваровъ, двухъ хлѣбниковъ, и четырехъ женскаго пола; на иждивеніе выдавать ей «монахинѣ» по полпяти тысячъ рублей, въ годъ, а изъ Новодѣвичьяго монастыря довольствовать съѣстными припасами и служителями безъ всякой нужды: при монастырѣ быть караулу по распоряженію губернатора и впускать въ монастырь всякаго званія людей невозбранно, также, по желанію ея, бывшей царицы, свойственниковъ впускать къ ней невозбранно. 1 Августа Меньшиковъ вручилъ лично подписанную имъ слѣдующую инструкцію коменданту Буженинову:

1.

«Въ верховномъ тайномъ совѣтѣ опредѣлили: бывшую царицу Евдокію Ѳедоровну, которая нынѣ въ монахиняхъ Елена, по требованію и желанію ея отправить въ Москву и быть ей тамо въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и послать для препровожденія ея васъ бригадира.

2.

«И господину бригадиру Буженинову, по посланному указу, въ камеръ-коллегіи взять тысячу рублей

на уборъ и дорожной проѣздъ, и убрався колясками и телѣгами, ѣхать съ нею, бывшею царицею, въ Москву.

3.

«А въ Москву прибывъ, данные ему указы къ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Мусину-Пушкину и дѣйствительному тайному совѣтнику Рамодановскому отдавъ, — въ которыхъ съ нимъ о содержаніи ея письмо,—возвратиться паки въ С.-Петербургъ, по пріѣздѣ своемъ въ Москву репортоваться.»

Тотъ же Меньшиковъ подписалъ инструкцію Маслову въ 1718 году. Тяжело было для него это воспоминаніе.

2 Сентября 1727 года царица пріѣхала въ Москву и остановилась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ палатахъ, гдѣ жила царевна Екатерина Алексѣевна, близь Святыхъ воротъ, надъ которыми церковь Спаса Преображенія.

5 Сентября Бужениновъ, сопровождавшій царицу, доносилъ князю Меньшикову о прибытіи ея въ Москву. Это извѣстіе не дошло до него. 8 Сентября Меньшиковъ уже былъ арестованъ, лишенъ чиновъ, орденовъ и княжескаго достоинства.

Извѣстіе о ссылкѣ Меньшикова дошло и до Царицы-инокини. Хитрая старушка тотчасъ же написала къ своему внуку о дозволеніи ей пріѣхать въ Петербургъ къ Императору для свиданія, и при томъ обвиняла кн. Меньшикова, что онъ не допустилъ ее къ Императору и послалъ «за карауломъ» въ Москву. Петръ II

отвѣчалъ ей почтительными письмами 27 Сентября и 30 го:—въ послѣднемъ онъ увѣдомлялъ, что и самъ желаетъ ее видѣть и надѣется, «что съ Божіею помощію еще нынѣшней зимы то учиниться можетъ» (Письма Рус. Гос. III. стр. 71—73).

Въ Октябрѣ 1727 г. императоръ подарилъ ей десять тысячь рублей и послалъ ей свой портретъ. (Письма Рус. Гос. стр. 78 и 86). Царица отблагодарила присылкою звѣзды и лазоревой ленты. «Носи, мой свѣтъ, писала Царица, на здоровье—каковы есть! не покручинься мой батюшка, а я грѣшная низала своими руками. Будь надъ тобою милость Божія и мое благословеніе.» (Тамъ же стр. 90). Великой Княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ Царица послала тоже звѣзду своей работы и ленту красную. (Тамъ же стр. 91). Великая княжна послала ей въ «презентъ» книжку—молитвенникъ Кіевской. (Тамъ же стр. 96). Царица черезъ посланнаго капитана Лаврова сообщила Остерману о томъ, что она претерпѣла во время ссылки въ Шлюссельбургъ.— Остерманъ увѣдомилъ ее, «что объ ужасномъ и неслыханномъ терпительномъ прежнемъ содержаніи ея въ Слюсельбуркѣ» онъ докладывалъ Императору и великой Княжнѣ «оные купно совсѣми добрыми людьми отъ всего своего сердца сожалѣютъ и будутъ стараться (писалъ Остерманъ) дабы ваше величество всѣми возможными образы паки обрадовать, якоже и правосудный Богъ тѣхъ, которые тому причиною были, судить не оставитъ (тамъ же стр. 97).

9-го Генваря 1728 г. Императоръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву для коронаціи и прибылъ 4 Февраля. Съ царицею бабушкою своею онъ свидѣлся еще

до въѣзда въ столицу въ загородномъ домѣ Грузинской царицы.

Сбылось пророчество Досифея: будешь царицею и послѣ смерти Петра и съ сыномъ!

9 Февраля 1728 года въ журналѣ верховнаго тайнаго совѣта въ Москвѣ записано:

«Его Величество на мѣстѣ своемъ садиться не изволилъ, а изволилъ стоять и объявилъ, что Его Величество, по имѣющейся своей любви и почтенію къ Ея Величеству Государынѣ бабушкѣ своей, желаетъ, чтобъ Ея Величество по своему великому достоинству во всякомъ удовольствіи содержена была, того бы ради учинили о томъ опредѣленіе и Его Величеству донесли и, объявя сіе, изволилъ выдтить, а вице-канцлеръ, Баронъ Остерманъ, оставаясь, объявилъ, что Его Величество желаетъ, чтобы то опредѣленіе нынѣ же сдѣлано было.

«И по общему согласію опредѣленіе о томъ учинено.

«И съ тѣмъ опредѣленіемъ къ Его Величеству ходилъ вице-канцлеръ, баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, и, пришедъ, объявилъ, что Его Величество все то опробовать соизволилъ и повелѣлъ съ точнымъ объявленіемъ къ Ея Величеству отъ верховнаго тайнаго совѣта ѣхать двумъ персонамъ, а именно: князю Василью Лукичу Долгорукову и князю Дмитрію Михайловичу Голицыну сего же дня, притомъ Его Величеству донесть, что ежели еще и сверхъ того изволитъ чего требовать, то Его Величество со особливой своей любви и почтенія учинить изволитъ.»

При царицѣ составленъ былъ особый штатъ; Генералъ-Маіоръ Измайловъ назначенъ Гофмейстеромъ,— на содержаніе царицы и ея двора отпускалось 60,000 рублей.

Жизнь, проведенная въ такихъ страшныхъ бѣдствіяхъ, утомила царицу. Едокія—или Инокиня-царица Елена, довольствуясь возвращенными ей почестями, не вмѣшивалась въ придворныя дѣла, почти вовсе неявлялась ко двору и жила спокойно въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Разъ только присутствовала при обрученіи своего внука съ княжною Долгоруковою. (Арсеньевъ. Исторія Петра II, стр. 90—93) Царицѣ суждено было пережить тѣхъ, которые дороги были ей въ этомъ мірѣ. 29-го Генваря 1730 г. молодой Императоръ скончался отъ простуженой оспы—а сестра его Великая Княжна Наталья Алексѣевна умерла еще прежде: 22 Ноября 1728 года.

Царица Евдокія присутствовала при коронаціи Императрицы Анны Ивановны. Вотъ, что пишетъ объ этомъ очевидица Леди-Рондо: «Она (Царица) сидѣла въ особо устроенномъ мѣстѣ, откуда, какъ и желала, посторонніе не могли ее видѣть. По окончаніи церемоніи, Императрица подошла къ ней, обняла, поцѣловала и просила ее дружества. Обѣ плакали на взрыдъ. По отъѣздѣ Императрицы, толпа придворныхъ кинулась къ Евдокіи съ поздравленіями. Она ихъ ласково выслушала. Много говорила со мною, много насказала любезнаго и звала къ себѣ ко двору. Вообще какъ видно, Царица незабыла ни аристократической вѣжливости, ни пріемовъ придворной жизни. Она толста, но не смотря на лѣта, на ея лицѣ остались слѣды

прежней красоты. Евдокія держитъ себя важно, величественно, но всегда вѣжливо и ласково. Ея живые глаза какъ бы проникаютъ въ сердце того съ кѣмъ она говоритъ. (См. Семевскій статья его Авдотья Ѳедоровна) Жизнь царицы въ царствованіе Анны Ивановны, не оставила никакихъ замѣчательныхъ слѣдовъ. Она молилась, помогала много бѣднымъ и не вмѣшивалась въ придворные дѣла 27 Августа 1731 г. царица-Инокиня Елена скончалась и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Лит. К. Эргота.

ПОКРОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1863 ГОДУ.

ПОКРОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ,

ЧТО НА УБОГИХЪ ДОМѢХЪ.

Самое названіе Покровскаго монастыря Божедомскимъ вызываетъ насъ предварить историческое его описаніе краткимъ обозрѣніемъ *Убогихъ домовъ*, на мѣстѣ которыхъ онъ поставленъ въ Москвѣ, и замѣчаніями о самомъ *праздникѣ Покрова Божіей Матери*, которому онъ посвященъ, тѣмъ болѣе, что то и другое находится въ связи съ исторіей монастыря и Москвы, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи.

До сооруженія здѣсь монастыря, среди рощей и садовъ, на пустомъ полѣ, нѣкогда занятомъ подхожими станами и острожкомъ для отраженія Татаръ и Литовцевъ, извѣстенъ былъ, въ самомъ началѣ XVII-го вѣка, Убогій домъ за Таганскими, или Болванскими воротами. Сюда свозились трупы, поднятые въ окрестностяхъ. Въ маѣ 1606 года конные стрѣльцы и толпа черни слѣдовали сюда за навозною тѣлегой, которую тащила кляча; въ тѣлегѣ лежалъ обнаженный и обезображенный трупъ молодаго еще человѣка, который толпа провожала не молитвами и благословеніями,

но ругательствами и проклятіями, потому что и сама Церковь предала его анаѳемѣ. Этого опальнаго везли изъ Царскаго дворца, съ Царскаго престола въ смрадный ямникъ Убогаго дома. Въ то самое время, какъ туда тянулся этотъ поѣздъ, бушевала такая же буря, какая встрѣтила въѣздъ Димитрія Самозванца въ Кремль.

Тѣлега съ трупомъ не прошла въ ворота Убогаго дома, такъ что мертвеца стащили съ тѣлеги и бросили въ ямникъ. (1) Кто не узнаетъ здѣсь Лжедимитрія, которому судьба не дала покоя и въ опальной могилѣ? Будто въ оправданіе древняго суевѣрія, въ теченіи семи дней, какъ трупъ Лжедимитрія лежалъ въ Убогомъ домѣ, послѣ бури, наступили жестокіе морозы, гибельные для садовъ и полей; выпалъ снѣгъ. Тамъ чудились какія-то ужасныя явленія, слышались клики и завыванія. Тѣло Самозванца то переносилось невидимою силой съ одного мѣста на другое, то два голубя садились на трупъ и слетали, когда кто подходилъ къ нему, и опять прилетали. Бояре велѣли зарыть мертвеца въ землю; но онъ очутился на другомъ кладбищѣ.

Произошла большая тревога въ народѣ. «Одни», говоритъ современникъ событій, «почитали Отрепьева необыкновеннымъ человѣкомъ, другіе дьяволомъ, по крайней мѣрѣ, колдуномъ, наученнымъ адскому искусству Лапландскими волшебниками, которые велятъ убивать себя и послѣ оживаютъ.» (2) Суевѣріе того вре-

---

(1) Берова Московская лѣтопись въ Сказаніяхъ современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ, ч. I, стр. 100 и 101. Дополненія къ Дѣяніямъ Петра великаго, ч. 1, стр. 294.

(2) см. ниже стр. 4.

мени всѣ такія явленія приписывало волшебству ненавистнаго разстриги, клеврета Іезуитовъ. Мая 28 присудили трупъ его перевезти въ подмосковное селеніе Котлы, тамъ сожгли и его пепломъ выстрѣлили изъ пушки въ ту сторону, откуда пришелъ Лжедимитрій. Спустя шесть дней, какъ развѣянъ былъ проклятый прахъ Лжедимитрія, въ Москву принесены были изъ Углича мощи св. мученика Димитрія Царевича, за котораго Отрепьевъ выдавалъ себя.

Вотъ какими событіями ознаменовано это урочище, гдѣ впослѣдствіи устроена св. обитель въ память Покрова Божіей Матери! Воспоминаніе объ немъ побуждаетъ здѣсь коснуться быта и значенія Убогихъ домовъ въ древней столицѣ.

I.

Въ Москвѣ, какъ и въ другихъ Русскихъ городахъ, издревле устроивались Убогіе домы, или Скудельницы, по примѣру села (поля) скудельнича въ Іерусалимѣ, для погребенія странныхъ, т. е. Іудеевъ, приходившихъ изъ отдаленныхъ странъ на поклоненіе Богу въ храмѣ Іерусалимскомъ и, на случай внезапной смерти, неимѣвшихъ тамъ особеннаго кладбища. (3)

Въ Россіи такія мѣста назывались *скудельницами*, *убогими домами*, *жальниками*, *буйвищами* и *гноищами*; въ поставленные тамъ сараи съ ямпиками сво-

---

(3) см. о скудельницахъ въ IV вып. Русскихъ простонародныхъ праздниковъ, И. Снегирева.

зили и клали тѣла убогихъ, странныхъ, застигнутыхъ внезапною и насильственною смертію, между тѣмъ какъ прочихъ, напутствованныхъ предъ кончиною св. Тайнами, хоронили при церквахъ. Кромѣ постоянныхъ скудельницъ въ городахъ, бывали и временныя, устроенныя по особымъ случаямъ. Если вѣрить сказанію Авраамія Палицына, то въ царствованіе Бориса Годунова, во время страшнаго неурожая, погибшихъ отъ голода схоронено на трехъ скудельницахъ 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ у приходскихъ церквей. (4) Тѣла лежали въ Убогихъ домахъ безъ погребенія до седьмаго четверга по Пасхѣ, или до Покрова Божіей Матери, вслѣдствіе повѣрья, по сказанію Максима Грека, что «погребенія ради утопленнаго и убитаго, бываютъ плодотлительныя стужи земныхъ прозябеній.» (5) Но иностранцы, не вникавшіе въ духъ и повѣрья Русскаго народа, полагали причину тому въ суровости климата. Флетчеръ, видѣвшій на Москвѣ, въ XVI вѣкѣ, скудельницы, говоритъ, что «зимою въ Россіи земля отъ холода такъ отвердѣетъ, что нельзя рыть могилы, поэтому всѣ трупы свозятъ на общественное мѣсто, называемое *Божіимъ домомъ*, гдѣ они замерзаютъ отъ стужи. При наступленіи весны и по разстаяніи льда, предаютъ ихъ землѣ, прикрывъ ихъ наготу одеждою: при чемъ совершаются молитвы объ усопшихъ.» (6) «Бога-

---

(4) Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря, стр. 11.

(5) Слово и главизна, писан. на бумагѣ полууставомъ, 1587 г. въ 4, д. въ библіотекѣ г. Ундольскаго, № 487.

(6) Of the russian commun wealth. Lond. 1592, in 8.

тыхъ людей», по словамъ Принтца Буххавскаго въ XVI же вѣкѣ, «Москвичи хоронятъ въ подцерковьяхъ, а для погребенія черни и убогихъ, вырываютъ большую яму, въ которую умершаго кладутъ, не покрывъ землею, безъ всякихъ обрядовъ. Черезъ три, или четыре мѣсяца, тамъ строютъ домикъ (domunculum) и предаютъ тѣла надлежащему погребенію, при великомъ стеченіи ближнихъ и сосѣдей, которые сопровождаютъ ихъ съ плачемъ и рыданіемъ. (7) Такіе обряды совершаются трижды въ годъ.» Софійскій временникъ подъ 1474 годомъ дополняетъ сказаніе иностранныхъ путешественниковъ слѣдующимъ описаніемъ этого торжественно-умилительнаго обряда: «Человѣкъ нѣкій во градѣ Москвѣ ходилъ по обычаю къ селу скудельничу, иже имѣютъ гражане на погребеніе страннымъ; обычай же имѣяху въ четвергъ седьмыя недѣли (по Пасхѣ) ходити тамо, и купяху туто канонъ и свѣща и молбу творяху о умершихъ и загребаху старую яму, иже полну мертвыхъ накладену, а новую ископаху. туже вси и копаютъ и засыпаютъ землю Бога ради, но вси гражане мужи и жены.» (8) Не означая опредѣленнаго мѣста такойскудельницы въ Москвѣ, подобно Принтцу Буххавскому и Флетчеру, Софійскій временникъ опредѣляетъ только время и обычай погребенія тамъ убогихъ. Максимъ же Грекъ говоритъ не объ однихъ *странныхъ*, полагавшихся въ Убогомъ дому, но и объ утопленикахъ и убитыхъ, которыхъ, по сказанію

(7) Moscoviae ortus et progressus, auth. Daniele Printz a Bucchan. Gubenae, 1679, in 16.

(8) Софійскій временникъ, изд. П. Строевымъ, М. 1820. II, 141.

Принтца Буххавскаго, погребали въ скудельницахъ, въ году трижды.

Придворный врачъ Царя Алексія Михайловича, Самуилъ Колленсъ, какъ очевидѣцъ, такъ описываетъ намъ Убогій домъ въ Москвѣ: «тѣла убитыхъ и замерзшихъ привозятся въ Земскій Приказъ, гдѣ выставляются на три, или четыре дня. Если не найдется родственниковъ и знакомыхъ, то отвозятся въ большое подземелье со сводами, называемое *Божіимъ домомъ*. Тамъ складываютъ по сту и по двѣсти труповъ, которыхъ священники весною отпѣваютъ, засыпавъ землею». (9) Опять Колленсъ не означаетъ этого мѣста въ Москвѣ, хотя тамъ находились при часовняхъ, церквахъ, монастыряхъ и на вспольяхъ не одна такая скудельница, но многія. Донынѣ употребительныя въ Московскомъ мірѣ прозвища самыхъ урочищь напоминаютъ намъ опальныя кладбища умершихъ безъ христіанскаго напутствія. Таковы церкви: на *старыхъ Убогихъ домахъ*, или *на Божедомкѣ* св. Іоанна воина, что прежній Крестовоздвиженскій монастырь, Свят. Николая *божедомскаго*, что нынѣ въ *звонаряхъ*, на Рождественкѣ, св. Пятницы *божедомскія*, или на Божедомкѣ въ Пречистенской части, на *Могильцахъ*, или *Могилицахъ* Успенія Божіей Матери близь Пречистенки, *на Убогихъ домахъ* Покровскій монастырь и пр. Кромѣ того, божедомскими были монастыри Андрониковскій, Андреевскій и Варсонофьевскій.

Время отъ времени православная Церковь издавала особыя правила, кого именно класть на Убогихъ до-

(9) Нынѣшнее состояніе Россіи, соч. Сам. Колленса, перев. П. Кирѣевскаго. М. 1846, въ 8.

махъ, которымъ даваемо было различное назначеніе. Патріархъ Филаретъ 1619 года установилъ тамъ хоронить безъ отпѣванія тѣхъ, «которые вина обопьются, или зарѣжутся, или съ качелей убьются, или, купаючись, утонутъ, или сами себя отравятъ, или иное какое дурно сами надъ собою учинятъ.» Напротивъ того, послѣдній Патріархъ Адріанъ предписываетъ въ наказѣ поповскимъ старостамъ: «самоубійцъ и убитыхъ на разбоѣ и воровствѣ не класть на кладбищахъ и убогихъ домахъ, но зарывать въ лѣсу, или въ полѣ безъ поминовенія въ Семикъ. Если же воръ и разбойщикъ при смерти будетъ исповѣданъ и причащенъ Св. Таинъ, то ихъ положить безъ отпѣванія въ городѣ въ Убогомъ дому, «гдѣ такіе воры и разбойники кладутся.» (10) Туда же отвозились трупы казненыхъ, (11) опальныхъ, а съ царствованія Петра I, анатомированныхъ въ гошпитали. Сторожами такихъ усыпальницъ бывали *божедомы*, *божатые*, *богорадные*. Скудельницы также заступали мѣсто воспитательныхъ домовъ. Туда подкидывали незаконно-рожденныхъ младенцевъ, которыхъ воспитывалъ милостынею божедомъ и откуда иногда брали ихъ себѣ бездѣтные супруги, вмѣсто дѣтей, подъ именемъ *Богдановъ*.

Православная Церковь, какъ сердобольная мать, не забывающая и несчастныхъ дѣтищъ своихъ, не лишала своего поминовенія лишенныхъ установленнаго ею погребенія и отлученныхъ отъ кладбищъ. Въ мертвенной молитвѣ на вечерни Троицына дня,

---

(10) Исторія Росс. Іерархіи, III, 269.

(11) Древняя Росс. Вивліоѳика, XV, 386.

она ходатайствуетъ объ убогихъ Божіихъ, постигнутыхъ напрасною и насильственною смертію, попаленныхъ молніею, замерзшихъ отъ холода, утопшихъ, убитыхъ на брани, или разбойниками, отравленныхъ и т. д. Соборомъ 1548 года постановлено «совершать общее поминовеніе по всѣхъ скончавшихся внезапною смертію». (12) Въ сунодики вносились для поминовенія и положенные въ скудельницахъ. Такъ въ одномъ сунодикѣ, составленномъ, по благословенію Іова Патріарха, читаемъ: «Помяни, Господи, души, иже въ скудельницахъ лежащихъ, отецъ и братію нашу, мужеска полу и женскаго.» Кормчая даже допускаетъ совершать моленіе надъ самоубійцею, «аще онъ будетъ во истину умъ погубилъ,» т. е. къ сумасшествіи. (13) Въ другомъ сунодикѣ, писанномъ 1685 года: «Помяни, Господи, души сирыхъ и убогихъ, нищихъ и младенцвъ некрещеныхъ, небреженіемъ отца и матери умершихъ, и въ скудельницахъ лежащихъ братій нашихъ».

Въ Семикъ и въ праздникъ Покрова на Убогіе домы бывалъ крестный ходъ изъ соборовъ и монастырей, для отправленія общей паннихиды. Патріархъ «посылалъ туда властей, да съ ними архимандрітовъ и игуменовъ отпѣвать надъ умершими: Андроньевскій архимандрітъ, Даниловскій игуменъ, протопопъ Черниговкій съ соборомъ, да Рожественскій протопопъ изъ

---

(12) Исторія Русской Церкви, соч. Преосв. Філаретомъ Гумелевскимъ, періодъ 11. М. 1848, стр. 203.

(13) Рукопись уставная, на бумагѣ, конца XVI вѣка, въ 8, въ библіотекѣ г. Ундольскаго, № 156.

подъ Колоколъ съ соборомъ за Яузу, за Срѣтенскіе вороты архимандрітъ Петровскій, игуменъ Срѣтенскій, протопопъ Покровскій со Рву, протопопъ Александровскій съ соборомъ». (14) Кромѣ Семика, въ день Покрова Божіей Матери, по указу Патріаршему, на Убогій домъ (вѣроятно, въ Покровскій монастырь) архимандрітъ и власти ходили съ крестами и образами на соборную панннхиду.

Слѣдуя исконному обычаю и церковной заповѣди, сопровождали крестный ходъ толпы народа и нищіе на эту юдоль смерти , куда призывало хрістіанъ и поученіе благовѣрнаго Владиміра Мономаха: «надъ мертвеца идете , яко вси мертвени есмы». Многіе привозили на Убогіе домы гробы и приносили саваны и рубахи, покупали тамъ кануны и свѣчи. «Они не умѣли назвать поминаемыхъ» , говоритъ історіографъ, «но думали, что Богъ слышитъ и знаетъ, за кого возсылаются къ Нему сіи чистыя, безкорыстныя, истинно хрістіанскія молитвы». (15) При разборѣ тѣлъ въ сараяхъ и ямникахъ, отыскивали родныхъ и знакомыхъ; набожные ревновали примѣру *труждающихся*, т. е. гробокопателей въ первенствующей Церкви, о которыхъ на литургіи возносится молитва; они голыми руками *опрятывали* смердящіе трупы собратій и съ мыслію объ общей тлѣнности, не гнушаясь отвратительнаго вида и зловонія, презирая опасность заразиться, надѣвали на нихъ рубахи и саваны, клали въ гробы,

---

(14) Русскіе простонародные праздники, И. Снегирева. вып. IV: о скудельницахъ.

(15) *Карамз.* И. Г. Р. VII, 219.

потомъ засыпали землею, которую носили въ триполъ изъ одной ямы въ другую. Послѣ панихиды, пищимъ раздавалась милостыня на поминъ погребенныхъ. Участники въ этомъ дѣлѣ благочестія и человѣколюбія мыли себѣ руки въ ближнемъ прудѣ, или рѣкѣ. При убогихъ домахъ бывали часовни, или молитвенныя хоромы для пристанища крестному ходу, также прощи, или фартины, гдѣ, послѣ погребенія убогихъ, плошка пѣннаго вина замѣняла *чашу утѣшенія* надъ мертвыми, о которой говоритъ Іеремія, XVI, 7.

Такой умилительный обычай прекратился съ Московскою чумой, послѣ которой учреждены особыя кладбища и воспрещено хоронить при церквахъ приходскихъ, кромѣ Андрониковскаго и Покровскаго монастырей; въ первомъ, по распоряженію начальства, погребаемы болѣе дворяне, а въ другомъ купцы и мѣщане. Не далѣе, какъ въ началѣ текущаго столѣтія, срыты могильные холмы при церкви св. Іоанна воина на Божедомкѣ и при Покровскомъ монастырѣ на Убогихъ домахъ. Слѣды ихъ открылись при копаніи земли на Семеновской улицѣ противъ самаго монастыря, гдѣ найдено множество человѣческихъ костей.

II.

Отъ прежде бывшихъ *Убогихъ домовъ*, замѣщенныхъ Покровскимъ монастыремъ, перейдемъ и къ самому празднику въ память чудеснаго явленія Богоматери св. Андрею Христа ради юродивому и ученику его св. Епифанію въ Константинопольскомъ Влахерн-

скомъ храмѣ 911 года. (16) Не чуждымъ цѣли описанія Покровской обители считаемъ сказать нѣсколько словъ о самомъ изображеніи божественнаго видѣнія, бывшаго св. Андрею Христа ради юродивому, происхожденіемъ Славянину, объ установленіи праздника Покрова въ Россіи и о древнихъ церквахъ, сооруженныхъ въ память сего чуда.

Явленіе это, по изустному преданію, олицетворено на иконахъ; греческихъ его образовъ намъ неизвѣстно; замѣтимъ только мѣстныя ихъ разности въ Русскихъ. Такъ на иконѣ Новгородскаго письма, XIV вѣка, трехъ пядей, хранящейся въ мvроварной палатѣ Сvнодальнаго дома въ Москвѣ, изображена Божія Матерь съ воздѣтыми въ моленіи руками къ благословляющему Ее Спасителю; она стоитъ на облакѣ надъ Царскими дверями; надъ нею два Ангела держатъ распростертый покровъ, или омофоръ. За правымъ столпомъ храма три Святителя въ кресчатыхъ облаченіяхъ у престола, за лѣвымъ два Ангела. Въ исподнемъ ряду иконы съ одной стороны ликъ Святыхъ въ предстояніи Іоанна Предтечи, съ другой также ликъ Святыхъ съ св. Андреемъ Христа ради юродивымъ, который указуетъ свое видѣніе св. Епифанію; среди ихъ діаконъ съ книгою въ рукѣ. На кровлѣ храма св. Димитрій Солунскій, св. Косма и Даміанъ. Подобное изображеніе встрѣчается и между Новгородскими иконами XVI вѣка. (17) Но позднѣе писанныя въ Москвѣ иконы, между прочимъ и храмовая въ Покровскомъ монастырѣ,

---

(16) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ, (М. Евгенія) Кіевъ. 1835 г. въ 8.

(17) Въ собраніи древнихъ иконъ у любителя и знатока ихъ А. Е. Сорокина.

различествуютъ отъ древнѣйшей Новгородской своимъ содержаніемъ. Богоматерь, окруженная ликомъ Святыхъ, сама осѣняетъ своимъ покровомъ предстоящихъ въ храмѣ, гдѣ присутствуютъ Царь Левъ мудрый и Царица Зоя, священнодѣйствуетъ Патріархъ Тарасій, а на амвонѣ стоитъ діаконъ Романъ сладкопѣвецъ, держащій въ рукѣ хартію съ кондакомъ: «Дѣва днесь предстоитъ въ церкви» и пр., который напоминаетъ пѣснь, нѣкогда воспѣтую имъ въ праздникъ Рождества Хрістова. По видимому, сладкопѣвецъ, вспоминаемый Русскою Церковію въ день Покрова, принадлежитъ къ лику небожителей, потому что жилъ за пять вѣковъ предъ этимъ видѣніемъ. Кромѣ Святыхъ, изображаются міряне, слушавшіе всенощное бдѣніе во Влахернскомъ храмѣ, гдѣ въ этомъ видѣ явилась Богоматерь. На вопросъ въ Стоглавѣ: «слѣдуетъ ли писать на иконѣ Покрова Божіей Матери въ исподнемъ ряду Царей, Князей, Святителей и народъ?» послѣдовалъ отвѣтъ, что, «по свидѣтельству пресловущихъ живописцевъ греческихъ и русскихъ, на иконахъ Покрова Божіей Матери, молящейся за весь міръ, писано безчисленное множество народа». Но на древней Новгородской иконѣ, какъ мы замѣтили, изображены одни только Святые, одно только явленіе, какъ вѣроятно, первоначально писали, а въ позднѣйшихъ иконахъ соединено явленіе съ событіемъ. Такъ различно изображеніе чудеснаго явленія Богоматери въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ.

Чтожъ касается до самаго Праздника, то, хотя начало его и должно предполагать въ Царьградѣ; но тамъ онъ во время смутъ Греческой Имперіи не получилъ полнаго церковнаго богослужебнаго вида и по этому не вошелъ

въ греческій Мѣсяцесловъ и службы ему въ праздничной Минеи нѣтъ, какъ видно изъ греческаго Кондакаря XIII вѣка, (18) и новѣйшихъ Мѣсяцеслововъ. (19) Утраченное Константипольскою Церковію восполнено нашею отечественною, которая усвоивъ себѣ этотъ праздникъ въ память покровительства Божіей Матери, причислила его къ полуелейнымъ всероссійскимъ. Слова въ праздничномъ канонѣ (на 1 стихъ 8 пѣсни) приводятъ къ вѣроятному заключенію, что Митрополиты изъ Грековъ возобновили въ Россіи этотъ праздникъ, по своему происхожденію, Греко-Славянскій. «За ны помолися», говорятъ они, «твоего Покрова праздникъ, въ Россійстѣй земли прославльшіе». Прологъ также относитъ къ одному изъ древнихъ нашихъ Митрополитовъ учрежденіе его въ Россіи: «Се убо егда слышахъ (о явленіи Богоматери во Влахернскомъ храмѣ св. Андрею съ св. Епифаніемъ), помышляхъ, како страшное и милосердное видѣніе и паче надѣянія и заступленія нашего, бысть безъ празднества, восхотѣхъ, да не безъ праздника останется св. Покровъ твой, Преблагая.» На этомъ основаніи и полагаютъ, что такой праздникъ возобновленъ и установленъ въ Русской Церкви. Онъ положенъ 1-го Октября въ Обиходѣ XIII вѣка; (20) въ Милютинской Минеѣ названъ новымъ. (21)

(18) Харатейная рукопись въ 4, въ Московской Патріаршей библіотекѣ.

(19) Συναξαρίστης τῶν δώδεκα μηνῶν, συγγραφεὶς ὑπὸ Μαυρίκιου διακόνου τῆς μεγάλης Ἐκκλησίας. Ενετ. 1819, II, in 4.

(20) см. Описаніе Румянцовскаго Музея, стр. 404.

(21) Слово похвальное Честному Покрову Пречистыя Владычицы Богородицы, откуда и какою виною установлены бысть въ Константинѣ градѣ божественной сей праздновати праздникъ. См. Минея Іерея Милютина. Октябрь, № 798, въ 8. къ Моск. Патріарш. библіотекѣ.

Съ установленіемъ этого духовнаго торжества въ Кіевѣ, стали сооружаться и въ другихъ Русскихъ городахъ церкви въ память Покрова Божіей Матери.

Между тѣмъ какъ на Москвѣ до XV-го вѣка еще неизвѣстны были храмы въ честь этого праздника, Владиміръ въ XII, (22) Суздаль въ XIII, Новгородъ, Псковъ и Тверь въ XIV вѣкѣ уже молились въ церквахъ, посвященныхъ сему чудесному явленію Богоматери. Въ лѣтописяхъ подъ 1479 годомъ является на Москвѣ Великокняжескій Покровскій монастырь близь Государева двора у Николы Подкопая, въ старыхъ Садѣхъ, куда Іоаннъ III переставилъ церковь изъ Златоустова монастыря. Первый въ Москвѣ Покровскій монастырь, истребленный пожаромъ, не оставилъ по себѣ слѣдовъ ни въ мѣстности, ни въ исторіи. (23) Завоеваніе Казани Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ 1552 г. въ праздникъ Покрова Божіей Матери, ознаменовано сооруженіемъ Покровскаго собора въ Китай-городѣ, а отраженіе отъ Москвы Владислава въ 1618 году—построеніемъ соименнаго первому собору въ подмосковномъ селѣ Рубцовѣ, переименованномъ, по храму, Покровскимъ. Отъ церквей, воздвигнутыхъ на Москвѣ въ славу Покрова Божіей Матери, дано нѣкоторымъ улицамъ прозваніе Покровскихъ. Такъ улица въ Китай-городѣ, нынѣшняя Варварская, въ XVII вѣкѣ, именовавшаяся *большою Покровскою*, (24) по церкви Покрова Божіей Матери,

---

(22) Древній Боголюбовъ городъ и монастырь съ его окрестностями, соч. *В. Доброхотова.* М. 1852 г. стр. 70.

(23) *Карамз. И. Г. Р.* VI, пр. 629.

(24) Акты юридическіе, № 329, стр. 351.

также по придѣлу, св. Великомученика Георгія, что на Псковской горѣ, простиралась до Покровскаго собора; въ Бѣломъ городѣ Покровская, включительно съ Малоросейкою, наименована отъ церкви того же имени, стоявшей во главѣ улицы: престолъ ея перенесенъ въ ближайшую церковь Спаса, что на Глинищахъ.

III.

Когда въ Москвѣ умножились церкви въ честь сего Богородичнаго праздника—основанъ, вмѣсто древняго Великокняжескаго монастыря въ Садѣхъ Бѣлаго города, Царскій Покровскій на Убогихъ домѣхъ за Землянымъ валомъ, у Семеновской заставы, а по рапорту Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Прапорщика Павлова 1763 года, въ учрежденную о церковныхъ имѣніяхъ Коммиссію—близь Коломенской, что нынѣ Покровской, или Семеновской заставы, въ пяти верстахъ отъ города.

Первоначальнымъ основателемъ Божедомскаго Покровскаго монастыря былъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Въ 1635 году онъ пожаловалъ на построеніе его землю, лежащую впустѣ за Землянымъ валомъ. По обыску воеводы Максима Лихарева и головы Елизара Бесѣднаго, всей этой земли оказалось 17 четвертей; на нее дана владѣемая грамота. (25) Намъ неизвѣстно, при Царѣ Михаилѣ ли Ѳеодоровичѣ началось построеніе этого монастыря; только достовѣрно, что не пре-

(25) Точный съ той и другой списокъ хранится въ ризницѣ монастыря.

жде, какъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, по указу Царя Алексія Михайловича, онъ построенъ на комнатную его сумму и снабженъ церковными утварями и другими потребностями, причисленъ къ Московской епархіи. Въ 1655 году, по просьбѣ Благовѣщенскаго протопопа, Стефана, Царь пожаловалъ Покровскому монастырю 6 десятинъ сѣнныхъ покосовъ подъ Симоновымъ монастыремъ въ межѣ Крутицкаго Митрополіта, да луговъ Симонова монастыря, «въ вѣчное воспоминаніе по всѣмъ православнымъ Христіанамъ во вѣки неподвижно». Не могло же быть безъ особеннаго побужденія основаніе этого новаго монастыря въ честь Покрова Божіей Матери. Первымъ, вѣроятно, было существованіе тамъ издревле Божія, или Убогаго дома, на который въ праздникъ Покрова и въ Семикъ совершалось крестное хожденіе изъ соборовъ и монастырей для отправленія соборной панихиды надъ умершими насильственною, или внезапною смертію; другимъ къ тому побужденіемъ была память преставленія родителя Царя Михаила Θеодоровича и дѣда Царя Алексія Михайловича, Патріарха Филарета Никитича, скончавшагося въ самый праздникъ Покрова Божіей Матери. Съ тѣмъ вмѣстѣ основаніемъ новаго Покровскаго монастыря, какъ бы возстановлялся древній, бывшій въ Москвѣ при Іоаннѣ III. Съ 1680 по 1731 годъ св. обитель эта была приписана къ Заиконоспасскому монастырю. (26)

Сначала состояла она въ Московской епархіи, а съ 1744 года, по именному указу, причислена къ

---

(26) Выходы Государей, Царей, изд. П. Строева. М. 1834 г. въ 4, см. Указатель.

бывшей тогда Крутицкой эпархіи. Переведенная изъ Вяземскаго Предтечевскаго монастыря Семинарія сперва въ Архіерейскій Крутицкій домъ, потомъ въ 1751 г. въ Покровскій монастырь, (26) дала этому *божедомскому монастырю* характеръ *училищнаго*. Когда Покровскій монастырь снова приписанъ былъ къ Московской эпархіи, Семинарія 1776 г. уничтожена, а семинаристы разосланы по тѣмъ эпархіямъ, къ которымъ они принадлежали. Нынѣ онъ заштатный, т. е. не положенный въ Духовныхъ Штатахъ 1764 года и довольствовавшійся только милостинною дачею по 300 р. асс. въ годъ. Первымъ, извѣстнымъ намъ игуменомъ Покровскаго монастыря, былъ Стефанъ, прежде протоіерей Благовѣщенскаго собора, упомянутый въ надписи напрестольнаго креста 7189 (1679) года и въ вышеприведенной грамотѣ Царя Алексія Михайловича.

Пользуясь описями въ 1763 году Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка поручика Петра Свиньина и Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка прапорщика Ѳедора Павлова, (27) посмотримъ, въ какомъ видѣ и положеніи, за сто тому лѣтъ, находился этотъ монастырь и какія въ немъ были зданія.

1) Соборная каменная, пятиглавая, во имя Всѣхъ Святыхъ, объ одномъ престолѣ, съ папертью и двумя палатками. Кровля ея покрыта была тесомъ, а главы крашеною жестью. Въ четырехпоясномъ ея алтарномъ иконостасѣ образа украшены были серебряными вѣнцами

(26) Исторія Росс. Іерархіи, IV, 444.

(27) Опись Покровскаго монастыря, что на Убогихъ домѣхъ, № 1683 и № 4278, въ Архивѣ Министерства Юстиціи.

и ризами, а нѣкоторые жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями.

2) Церковь каменная Покрова Божіей Матери, одноглавая, съ придѣломъ св. Іоанна Дамаскина.

Колокольня каменная, шатровая, съ осмью колоколами и съ Нѣмецкими боевыми часами.

По описи 1763 г., въ ризницѣ при церквахъ было однѣхъ ризъ, или фелоней 45, въ числѣ ихъ парчевыя, изорбатныя, бархатныя, гвоздишныя, золотныя, пукетовыя, китайской парчи, объяринныя и штофныя, камчатныя, барбейраковыя, атласныя, грезетовыя. Къ нимъ были подризники, эпитрахили, набедреники, поручи, стихари, воздухи и пр.. Нѣкоторыя изъ этихъ утварей Царскій вкладъ.

Тогда на правой сторонѣ, противъ церкви Покрова Божіей Матери стояли деревянныя, одноэтажныя настоятельскія келліи, на 6 саженяхъ длиною и на 3 саженяхъ шириною, крытыя тесомъ, при нихъ келья холодная и кухня.

Братскія кельи противъ св. воротъ были каменныя, одноэтажныя, длиною на 20, шириною на 4 саженяхъ, крытыя дранью; кромѣ того, двѣ братскія кельи ветхія и еще деревянныя кельи съ сѣнями на $8^1/_2$ саженяхъ въ длину и на $5^1/_2$ въ ширину. При нихъ были разныя принадлежности.

Семинарія помѣщалась въ двухъ-ярусномъ каменномъ зданіи съ кухнею и погребомъ. Зданіе это, сооруженное по указу Императрицы Елисаветы Петровны, длиною было 11 саженъ съ аршиномъ, шириною 6 саженъ и два аршина. Мѣсто Семинаріи занято трапезою, монашествующими и другими службами.

Монастырь обнесенъ былъ каменною оградой, кры-

ПОКРОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА.

тою тесомъ, съ деревянными перекладами, мѣрою въ окружности 224 сажени; по угламъ ограды пять четвероугольныхъ башенъ.

Въ такомъ видѣ представляется онъ на приложенномъ здѣсь рисункѣ начала XVIII вѣка.

При учрежденіи Духовныхъ Штатовъ, монастыремъ управлялъ Игуменъ Варлаамъ, опредѣленный по указу Консисторіи Крутицкаго Архіерея, 1763 г. августа 16. Тогда находились тамъ три іеромонаха и три іеродіакона; а теперь всѣхъ монаховъ и послушниковъ 50 человѣкъ, три Архимандріта: одинъ Настоятель Паисій Соколовъ и пребывающіе на покоѣ прежній Настоятель Іоанаѳанъ и бывшій Воскресенскій Архимандрітъ Амфилохій Казанскій, посвящающій досугъ свой отъ молитвенныхъ часовъ ученымъ трудамъ по части церковнаго Законовѣдѣнія и церковнославянской Филологіи.

На содержаніе этого монастыря и монашествующихъ въ 1763 году отпускалось жалованья 109 р. 42 коп., а хлѣба ржи и овса по 44 четверти и 6 четвериковъ, съ учрежденіемъ Штатовъ, только 27 р. 77 копѣекъ въ годъ. Помѣщенные здѣсь два отставные солдата пользовались монашескою трапезой; за исправленіе должности сторожей имъ выдавалось жалованья по 336 копѣекъ въ годъ. Теперь, какъ заштатный, этотъ монастырь на своемъ пропитаніи.

Къ этому монастырю принадлежали четыре часовни: 1) подмонастырская съ каменною палаткой, 2) въ Китай-городѣ у Москворѣцкихъ воротъ, съ каменнымъ строеніемъ, 3) въ Таганкѣ деревянная, разстояніемъ отъ монастыря одна верста. Отъ доброохотныхъ дателей сіи часовни приносили въ 1763 году доходу въ мона-

стырь до 50 руб. асс. въ годъ, 4) въ первой Мѣщанской улицѣ, у Креста, на лѣвой сторонѣ, одна изъ трехъ часовенъ, между урочищами Серединкою и Крестовскою заставой; она каменная, въ новомъ стилѣ, съ кельею для часовника; съ давнихъ временъ принадлежа Покровскому монастырю, она именуется Покровскою. Въ ней семь старинныхъ мѣстныхъ иконъ съ надписаніемъ тропарей: Распятіе съ предстоящими, Спаситель и Божія Матерь, Покровъ Ея, Святители Николай и Филиппъ, Коронованіе Богоматери, Святая Троица. Усердные богомольцы, на пути своемъ въ Троицкую лавру, помолясь тамъ въ часовняхъ Предтечевской и Крестной, или Филипповской, останавливаются у Покровской призвать себѣ на помощь Божію Матерь, осѣняющую вѣрующихъ своимъ покровомъ.

По указу Петра I, декабря 13 1720 г., дана во владѣніе этой обители подмонастырская земля, мѣрою въ первомъ мѣстѣ длиннику 420, поперечнику 550 саж., въ другомъ $19^1/_2$ десятинъ и полполтрети десятины. Земля эта тогда отдавалась въ наемъ по 80 р. въ годъ.

При такихъ ограниченныхъ средствахъ, обитель эта оскудѣла, зданія ея обветшали и требовали починки, только поддерживали ее кладбище и благочестивые вкладчики, которые способствовали къ обновленію и украшенію этого заштатнаго монастыря.

Ограда во многихъ мѣстахъ разсѣлась. Въ 1783 г. она была разобрана и не прежде, какъ черезъ 16 лѣтъ, возобновлена Московскимъ купцомъ Мѣщаниновымъ, который въ 1799 году устроилъ въ сѣверо западномъ углу монастыря каменную богадѣльню на 12 человѣкъ мужескаго пола, а 1810 года г-жа Хлѣбникова на Семеновской улицѣ каменную богадѣльню для женскаго пола. Такимъ обра-

зомъ, гдѣ было послѣднее пристанище для убогихъ мертвыхъ, тамъ устроенъ приютъ для убогихъ живыхъ.

Обветшавшія церкви Всѣхъ Святыхъ и Покрова Божіей Матери были разобраны, одна въ 1792 году, другая 1806 года. Посреди монастыря одноглавая каменная церковь въ честь Всѣхъ Святыхъ, сооруженная иждивеніемъ Московскаго купца Діомида Мѣщанинова, освящена Московскимъ Митрополітомъ Платономъ, а придѣлы ея: въ память обновленія храма Воскресенія Хрістова и Тихфинскія Божіей Матери освящены были еще въ 1772 году. Двухъ-этажная каменная, крестообразная одноглавая церковь Покрова Божіей Матери, заложенная 1806, совершена въ 1810 году, иждивеніемъ доброохотныхъ дателей и тщаніемъ строителя Іоны. Въ верхнемъ ярусѣ по сторонамъ Покровскаго храма престолъ во имя св. Апостолъ Петра и Павла, устроенный Московскимъ купцомъ Алексѣевымъ, а по лѣвую, въ честь Святителя Николая; въ нижнемъ: Святителя Іоны Митрополіта, св. Иларіона великаго и Преподобнаго Ніла Столобенскаго. Незадолго предъ 1812 годомъ, вступилъ въ управленіе монастыремъ строитель Іона, старецъ добрый, благочестивый и ревнительный къ благолѣпію Дома Божія; его простодушная ласковость привлекала благочестивыхъ вкладчиковъ и едва только сталъ онъ устроивать и украшать св. обитель, какъ наступила тяжкая година испытанія для Москвы и для Покровскаго монастыря— 1812 годъ.

По возвращеніи своемъ въ Москву изъ Вологды, (куда онъ отправился въ 1812 году) 23 ноября того же года, Іона нашелъ св. обитель опустошенною и въ ней девять братій. У Настоятеля по-

требовалось отъ начальства примѣрной смѣты, сколько нужно суммы на возобновленіе сожженныхъ зданій и на вспоможеніе братіи. Представлена была смѣта въ 13.700 рублей. Девять же остававшихся и ограбленныхъ братій объявили, что «они вспоможенія не требуютъ». Неусыпными попеченіями Іоны вскорѣ возобновленъ былъ полуразрушенный монастырь; въ 1814 и 1815 годахъ освящены Архіепіскопомъ Августиномъ возстановленные храмы въ память Всѣхъ Святыхъ, что нынѣ Словущаго Воскресенія и Тихфинскія Божіей Матери. Въ верхней Покровской церкви возобновленный и украшенный Іоною престолъ освященъ былъ въ 1825 году Московскимъ Архіепіскопомъ Філаретомъ.

Вскорѣ послѣ 1812 года, началось въ этомъ монастырѣ богослуженіе, явились благочестивые вкладчики, которые содѣйствовали трудамъ Настоятеля своими пожертвованіями для благолѣпія дома Пресвятой Богородицы. Вылитъ былъ на ихъ иждивеніе большой колоколъ, который въ 1833 году возвѣстилъ монастырю о кончинѣ добраго его пастыря Іоны.

Рвеніе къ устроенію и благолѣпію св. обители наслѣдовалъ преемникъ о. Іоны Амвросій. Онъ заботился не только о внѣшнемъ благоустройствѣ, но и о приведеніи въ лучшій порядокъ церковнаго богослуженія, по чиноположенію общежительныхъ монастырей, которое и донынѣ поддерживается въ этомъ монастырѣ. Онъ не мало оставилъ въ немъ памятниковъ своей дѣятельности. Его стараніемъ, вмѣсто старой ограды монастырской, простиравшейся на 220 саженъ, сооружена новая, гораздо выше прежней, съ осмью

башнями и переходами, на 302 сажени; кромѣ того, выстроены: Настоятельскій двухъ-этажный и такой же братскій корпусы; къ трапезному пристроены 14 келлій, у восточныхъ воротъ конный, рабочій дворъ съ конюшнею, сараями и кладовыми, съ помѣщеніемъ для рабочихъ и пять келлій братскихъ. При немъ начато распространеніе Воскресенской церкви, которую доканчивалъ уже преемникъ его Іоанаѳанъ. Въ теченіи шести лѣтъ его управленія, довольно времени отнимала у него болѣзнь.

Между тѣмъ соборная церковь оказалась тѣсною; тогда искуснымъ архитекторомъ Быковскимъ сооружена обширнѣйшая о пяти куполахъ, вмѣстившая въ себѣ часть старой, въ послѣдствіи разобранной: въ срединѣ ея, подъ куполомъ остались прежніе четыре столпа, или пилоны, соединенные арками, также и восточная стѣна главнаго алтаря. Къ среднему большому куполу просоединены четыре осмигранные боковые съ главами, покрытые бѣлою жестью и увѣнчанные вызолочеными крестами. Кругомъ средняго трибуна подъ сводами храма помѣщена ризница, освѣщаемая окнами изъ боковыхъ куполовъ.

Стройное и величественное это зданіе въ Романскомъ стилѣ, подходящемъ къ Греческому; орнаменты внѣшнихъ его стѣнъ, оконъ, дверей и куполовъ во вкусѣ того же стиля. Внутренность собора соотвѣтствуетъ самой внѣшности. Отъ главнаго храма, или такъ называемаго корабля, подъ куполомъ трибуна отдѣляются легкими арками на столпахъ два придѣльные престола. Въ средней части престолъ въ честь Воскресенія Христова, сѣверный, во имя Тихфинскія Божіей Матери, южный, въ память св. Мученицы Александры, празднуемой 6 Ноя-

бря. Три части храма, три его отдѣленія, три престола и три входа выражаютъ символическую его тройственность. Съ просторомъ въ храмѣ соединено полное его освѣщеніе изъ стѣнныхъ оконъ и трибуна, съ разнообразіемъ частей гармоническое единство цѣлаго, проявляющее идею храма. Поставленные на трехстепенной солеѣ алтарные иконостасы главнаго и придѣльныхъ престоловъ украшены искусною рѣзьбою съ богатою позолотой; одни образа въ нихъ старинные Греческаго стиля изъ прежняго иконостаса, другіе вновь написаны въ Фряжскомъ пошибѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательна роскошно украшенная древняя и досточтимая икона Тихфинскія Божіей Матери. Главный алтарь, хотя и не обширный, отличается своимъ великолѣпіемъ, его иконостасъ въ пять ярусовъ. Сводъ надъ престоломъ въ видѣ сѣни покоится на шести столпахъ, подъ мраморъ, которыми съ той и другой стороны отдѣляется южное и сѣверное предалтарія. На стѣнахъ и сводахъ алтаря, храма и трапезы оживотворены дѣянія изъ земной жизни Спасителя и лики Святыхъ опытною кистію Артари, Мягкова и Ѳивейскаго. Въ приличныхъ мѣстахъ соотвѣтственныя изреченія Св. Писанія начертаны церковно - славянскимъ каллиграфомъ Леонтіемъ Лепешкинымъ. Къ пространной и свѣтлой трапезѣ примыкаетъ помѣстительный притворъ храма.

Другая церковь на востокъ, позади первой, двухъярусная, одноглавая съ тремя полукруглыми выступами на востокъ; она стоитъ на мѣстѣ прежней Покровской, строенной на царское иждивеніе; начата сооруженіемъ въ 1806 году и окончена въ 1814 году. Здѣсь престолы: вверху Покрова Божіей Матери, на пра-

вой сторонѣ св. Апостоловъ Петра и Павла, на лѣвой Святителя Николая, внизу Святителя Іоны, по сторонамъ придѣлы во имя Преподобныхъ Иларіона великаго и Ніла Столобенскаго. Такимъ образомъ церкви этой обители вмѣщаютъ въ себѣ, по чину девяти чиновъ ангельскихъ, девять престоловъ.

Трехъярусная колокольня на востокъ построена 1799 года, въ Нѣмецкомъ стилѣ, вышиною со шпилемъ и крестомъ 15 саженъ. Въ ней замѣчательны старые колокола, литые славнымъ въ свое время мастеромъ Слизовымъ, какъ видно изъ слѣдующихъ надписей на полулейномъ: «1750 году Марта 28 день вылитъ се колокол во обитель Покрова Прстыя Бцы, что при Москвѣ на убогихъ домѣхъ, при державѣ благочестивѣйшия и самодержавнѣйшия великия Гдрни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержцы всероссиской и при Наследнике ея внука Петра перваго благовѣрном Гдре и великом Князе Петре Ѳеодоровиче и супруге его благовѣрной Гдрне и великой Кнгне Екатеріне Алексѣевне, вкладом бывшаго того мнтря строителя Іеромонаха Силы впред для поминовения; весу в нем 130 пуд, лил Мастеръ Констентинъ Михайловъ снъ Слизовъ.» На будничномъ: «1747 году Апреля 12 дня вылит сей колокол во обитель Покрова Пресвятые Бцы, что на убогим дому, старанием строителя Іеромонаха Силы; вкладчика Данилы Яковлева сна Земсково і протчих Христолюбивых дателѣй, вѣсу 66 пуд, 27 ф. лил мастер Костантин Михайловъ снъ Слизовъ.»

По правую сторону отъ входа въ монастырь двухъэтажныя каменныя покои Настоятельскіе, а по лѣвую братскія келіи. Въ первыхъ бываютъ заупокойныя

трапезы объ усопшихъ, положенныхъ на монастырскомъ кладбищѣ; зала нижняго этажа украшена собраніемъ гравированныхъ и литографированныхъ видовъ Русскихъ монастырей, между которыми есть довольно рѣдкіе, а въ верхнемъ этажѣ собраніе гравированныхъ и литографированныхъ портретовъ Россійскихъ архіереевъ.

Церкви и колокольня, сооруженная въ одномъ стилѣ, представляютъ намъ этотъ старинный монастырь совершенно новымъ и красивымъ.

IV.

Церкви съ западной стороны окружены кладбищемъ, содержимомъ въ надлежащемъ порядкѣ. Могилы усопшихъ здѣсь на Божіей нивѣ, подъ покровомъ Божіей Матери и подъ сѣнію креста.

Значительныя лица, погребенныя въ этомъ монастырѣ:

А. Подъ Покровскою церковію, въ придѣлѣ Святителя Іоны Митрополіта:

1. Грузинскій Митрополітъ Іона, сконч. 1821 года.

2. Грузинскій Архіепіскопъ Пафнутій, ск. 1823 года.

Грузинскаго царя Георгія XIII дѣти Царевичи:

3. Илія, сконч. 1854 года.

4. Окропиръ, сконч. 1857 года.

5. Ираклій, сконч. 1859 года.

6. Имеретинскаго Царя Соломона дщерь Грузинскаго Князя Конхосро-Абашидзо супруга Царевна Дарія, скончалась въ 1827 году.

7. Коллежскаго Совѣтника, дворянина и кавалера Алексѣя Ивановича Лобкова благочестивая супруга Александра Ивановна, а почтенный родитель его Иванъ Прокофьевичъ погребенъ на монастырскомъ кладбищѣ.

Подъ Воскресенскою церковію:

8. Неофитъ Митрополитъ Илiопольскій и Ливанскій, скон. 1853 г.

9. Николай Петровичъ Хлѣбниковъ, скон. 1806 г. и мать его Генералъ-Аудиторъ-Лейтенантша Ирина Яковлевна Хлѣбникова, сконч. 1812 г. Надъ ними памятникъ изящной заграничной работы изъ бѣлаго мрамора, представлящій Ангеловъ, въ ростъ человѣка, облокотившихся на урну.

10. Дѣвица Анна Дмитріевна Полторацкая, дочь Г-жи Хлѣбниковой, скон. 1820 г. Ею, по завѣщанію ея матери, устроена при монастырѣ женская богадѣльня на 12 человѣкъ съ обеспеченіемъ капитала 7114 руб. сер., нынѣ въ этой богадѣльнѣ подъ попеченіемъ монастыря находится 20 человѣкъ.

11. Варвара Дмитріевна Гурко, урожденная Полторацкая, ск. 1838 г.

12. Коллежскій Ассесоръ Павелъ Степановичъ Лупандинъ, сконч. 1850 г. Имъ пожертвованъ капиталъ 25.722 руб. сер. въ 1839 году на устройство богадѣльни; въ прошедшемъ году, когда на этотъ капиталъ возрасло процентной суммы болѣе 20,000 руб., то и приступлено къ постройкѣ другой богадѣльни, состоящей изъ двухъэтажнаго каменнаго корпуса на 12 саженяхъ длины, гдѣ помѣстится до 40 человѣкъ

и болѣе, и процентовъ съ капитала будетъ для нихъ достаточно. Нынѣшній годъ богадѣльня отстроится, и бѣдными наполнится, которые уже и записываются.

На кладбищѣ:

13. Архимандрітъ Можайскаго Лужецкаго монастыря Меѳодій.

14. Архимандрітъ Митрофанъ, Московскаго Богоявленскаго монастыря.

15. Николай, Строитель Бѣлопесотскаго монастыря.

16. Геннадій, бывшій Строитель Давидовой пустыни.

17. Арсеній, бывшій Строитель Давидовой пустыни.

18. Аѳанасій, бывшій Строитель Давидовой пустыни.

19. Игуменіи: Аѳанасія Вознесенскаго монастыря.

20. Паисія, Страстнаго монастыря.

21. Тавіѳа, Страстнаго монастыря.

Изъ дворянскихъ фамилій погребены: Яковлевъ, Серебряковъ, Ермоловы, Давыдовъ, Пичугинъ, Ивановъ, Фонъ-Визинъ, Булгаковъ, Акинфовы, Северинъ, Нечаевъ, Писаревъ, Леманъ, Ушакова, Коробанова, Шевшины, Гинглятъ, Пафнутьевы и т. д.

Московскаго купечества главная усыпальница здѣсь. Между ними много заслуживающихъ воспоминанія благочестіемъ, службою для общества и добродѣтелью. Близь входа въ Воскресенскую церковь покоится почетный гражданинъ Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ, скончавшійся въ 1849 году. Его пожертвованіемъ почти во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Московской губерніи, процентами съ капитала ежегодно награждаются многія семейства бѣдныхъ мѣщанъ, особенно бѣдныхъ дѣвицъ при выходѣ въ замужство.

Здѣсь также много покоится Священниковъ приходскихъ церквей; монашествующіе мужескихъ и женскихъ

монастырей, находящихся внутри города, большею частію, погребаются здѣсь.

На всемъ монастырскомъ кладбищѣ памятниковъ до трехъ тысячь.

V.

Наконецъ приведемъ здѣсь извѣстныя намъ имена Настоятелей Покровскаго монастыря.

Строитель Стефанъ . . . 1679 г.
Строитель Сила . . . . . 1747 и 1750 г.
Игуменъ Варлаамъ . . . . 1763.
Игуменъ Силвестръ . . . . 1765 г.
Строитель Иринархъ . . . . 1776.
Строитель Ніконъ . . . . . 1784.
Строитель Аверкій . . . . 1798 и 1804 г.
Строитель Дороѳей . . . . 1805.

Строитель Іона изъ мѣщанъ . съ 1806 г. октября 20, въ Игумены произведенъ 1825 года, и въ 1831 году за долговременную службу, не въ примѣръ своимъ предмѣстникамъ, возведенъ на степень Архимандріта, скончался 1833 года, января 25, погребенъ за алтаремъ Покровской церкви. Противъ надгробнаго его памятника на мѣдной доскѣ начертано: «Противъ сего мѣста погребено тѣло Московскаго Покровскаго монастыря отца Архимандріта Іоны, въ Бозѣ почившаго 25 Генваря 1833 года, въ глубокой старости, на 78 году отъ рожденія своего. Сей ревностный мужъ отъ всѣхъ, кто только зналъ его, приобрѣлъ любовь и почтеніе, обратилъ на себя вниманіе Государя Императора Александра I, который, при посѣщеніи мирныя обители сея, въ 1818 году, удостоилъ своего Высочайшаго посѣщенія въ смиренной его келліи. Господи, пріими духъ

его съ миромъ! Въ управленіи монастыремъ находился болѣе 26 лѣтъ.»

Архимандрітъ Амвросій, изъ духовнаго званія, кончившій курсъ наукъ во Владимірской Семинаріи и принявшій монашество въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Въ 1833 году Марта 23 опредѣленъ строителемъ Покровскаго монастыря, въ игумены произведенъ 1836 года Октября 4, за внѣшнее и внутреннее его устройство возведенъ 21 Ноября 1840 г. въ санъ Архимандріта съ присвоеніемъ ему лично степени третьеклассного монастыря, черезъ 13 лѣтъ скончался Мая 11 на 61 г. отъ рожденія и погребенъ подлѣ Архимандріта Іоны.

Архимандрітъ Іоанаѳанъ изъ духовнаго званія. По окончаніи курса наукъ во Владимірской Семинаріи, поступилъ во Священники 1821 года, а по овдовѣніи, принялъ монашество въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Изъ Московскаго Срѣтенскаго монастыря 1853 года Мая 24 перемѣщенъ въ Покровскій. Черезъ шесть лѣтъ, по болѣзни, уволенъ отъ должности и пребывалъ тамъ на покоѣ.

Нынѣ управляетъ монастыремъ Архимандрітъ и Св. Анны 2-й степени кавалеръ Паисій Соколовъ. Онъ изъ дворянъ Тульской губерніи, воспитанникъ Московскаго Университета. Въ Сентябрѣ 1826 года, на 21 году отъ рожденія, принялъ монашество въ Краснослободскомъ монастырѣ Пензенской губерніи; исправлялъ разныя должности въ монастыряхъ, какъ то: Казначея и въ санѣ Игумена благочиннаго десяти уѣздныхъ монастырей, въ санѣ Архимандріта былъ Намѣстникомъ каѳедральнаго Чудова монастыря, наконецъ опредѣленъ 1859 года Августа 17, со степенью Лужецкаго второкласснаго монастыря, Настоятелемъ Покровскаго.

VI.

Исторія сего монастыря не обильна событіями; изъ нихъ, какъ мы видѣли, особенно важны въ ней: 1) обращеніе Убогаго Дома въ Царскій комнатный монастырь, 2) Причисленіе его, то къ Крутицкой, то къ Московской эпархіи и 3) назначеніе его изъ божедомскаго въ училищный. Подобно какъ на другіе, такъ и на него имѣли значительное вліяніе учрежденіе Духовныхъ Штатовъ и нашествіе Наполеона 1 въ 1812 году; не менѣе того достопамятны въ лѣтописи Покровскаго монастыря слѣдующія счастливыя и несчастныя событія, связанныя съ исторіею Москвы: Царь Алексій Михайловичь и сынъ его Ѳеодоръ посѣщали этотъ монастырь во время празднованія Пасхи, (28) и по обычаю того вѣка, надѣляли строителя и старцевъ жалованьемъ своимъ, хрістосовались съ ними красными яицами. Такое посѣщеніе Царей было торжествомъ для убогой обители.

Когда съ 1770 по 1772 годъ чума, или моровая язва сотнями и тысячами похищала жителей Москвы; тогда домы, улицы и площади наполнялись ея жертвами; въ казенныхъ зданіяхъ и даже въ монастыряхъ устроивались карантины и больницы, между прочимъ и въ Покровской обители, куда свозили очумѣвшихъ и сумнительныхъ; выздоровѣвшіе переводимы были оттуда въ архіерейскій домъ у Салтыкова моста. (29) Когда страхъ смерти овладѣлъ всѣми: въ

(28) Выходы Государей, Царей, изд. П. Строева. М. 1844, стр. 430 и 656.

(29) Описаніе моровой язвы въ Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ. М. 1775, въ 4, стр. 53 и 105.

стѣнахъ монастырскихъ курился можжевельникъ и навозъ. Монахи, сами готовясь къ смерти, зараженныхъ напутствовали исповѣдію и причащеніемъ Св. Таинъ. По прекращеніи чумы, очищенъ былъ монастырь, которому въ эту бѣдственную годину возвратилось первоначальное его значеніе Убогаго дома.

Въ 1812 году другую напасть испыталъ Покровскій монастырь. Предъ самымъ вступленіемъ непріятеля въ Москву, строитель Іона съ лучшимъ церковнымъ имуществомъ отправился въ Вологду; и тамъ въ Прилуцкомъ монастырѣ пребывалъ до изгнанія Наполеоновыхъ войскъ изъ древней нашей столицы; нѣкоторыя утвари и драгоцѣнности закладены были наглухо въ церковной палаткѣ. Въ беззащитномъ монастырѣ осталось нѣсколько монаховъ и служителей. 3 Сентября неприятели ворвались туда, разграбили церкви и кельи, у монаховъ допытывались, гдѣ скрыты церковныя сокровища и деньги; но не могли добиться ни угрозами, ни побоями. Въ этотъ же день вечеромъ сгорѣли монастырскіе сараи и мѣлкія строенія; 5 Сентября неприятели, взявъ изъ монастыря пятерыхъ монаховъ, ими раздѣтыхъ и разутыхъ, выгнали ихъ за заставу и тамъ побоями истязывали ихъ, нѣтъ ли у нихъ денегъ. Отыскавъ у одного нѣсколько денегъ, зашитыхъ въ камилавкѣ, смертельно били его за то, что не объявилъ добровольно. Въ это время поселившійся въ монастырѣ неприятельскій Генералъ со многими чиновниками и солдатами, поставилъ лошадей въ церквахъ. Одни неприятельскіе разноплеменные отряды смѣнялись другими, и не находя, что здѣсь, какъ и въ другихъ церквахъ, ограбить, ругались надъ святынею: кололи и жгли

св. иконы, вбивали гвозди въ лики Святыхъ, жертвенники и престолы употребляли, вмѣсто столовъ, а потомъ изрубили и жгли. Искавши вездѣ въ монастырѣ скрытыхъ сокровищъ, 30 сентября нашли надъ печью въ соборной церкви и разграбили палатку, гдѣ спрятаны были оставшіяся церковныя утвари и ризы; золотой и серебряной гасъ и позументъ споровъ съ ризъ и самыя ризы, употребляли на выжигу. Монаховъ неприятели гоняли на разныя работы, заставляли таскать ноши; изнуренные и избитые разбѣжались не прежде первыхъ чиселъ Октября. (30) Большую часть такого поруганія, кощунства и мучительства приписываютъ Полякамъ. Хотя всѣ принадлежности въ монастырѣ сгорѣли; но церкви и ограда уцѣлѣли отъ огня. (31)

Для этой св. обители незабвенно внезапное ея посѣщеніе Императоромъ Александромъ 1. Онъ засталъ въ кельи Строителя Іону въ одной власяницѣ, стоявшаго на молитвѣ. «Государь», сказалъ ему старецъ, съ простодушною смѣлостію: «въ чемъ засталъ, въ томъ и суди!» — «Я желалъ бы заставать въ такомъ занятіи и всѣхъ монаховъ», отвѣчалъ ему Александръ и побѣсѣдовавъ съ нимъ нѣсколько времени, Государь съ любопытствомъ обозрѣлъ монастырь.

Прежде, въ день празднованія Срѣтенію чудотворной иконы Владимірскія Божіей Матери, 21 Мая, за Яузою сбирались отъ всѣхъ приходскихъ тамъ церк-

---

(30) Дѣло въ Архивѣ Моск. Духов. Консисторіи, 1817 г. Октября 31, № 876.

(31) Въ Чтеніяхъ И. О. Ист. и Др. Росс. Описаніе происшествій въ Московскихъ монастыряхъ 1812 г. М. 1859 г., кн. V.

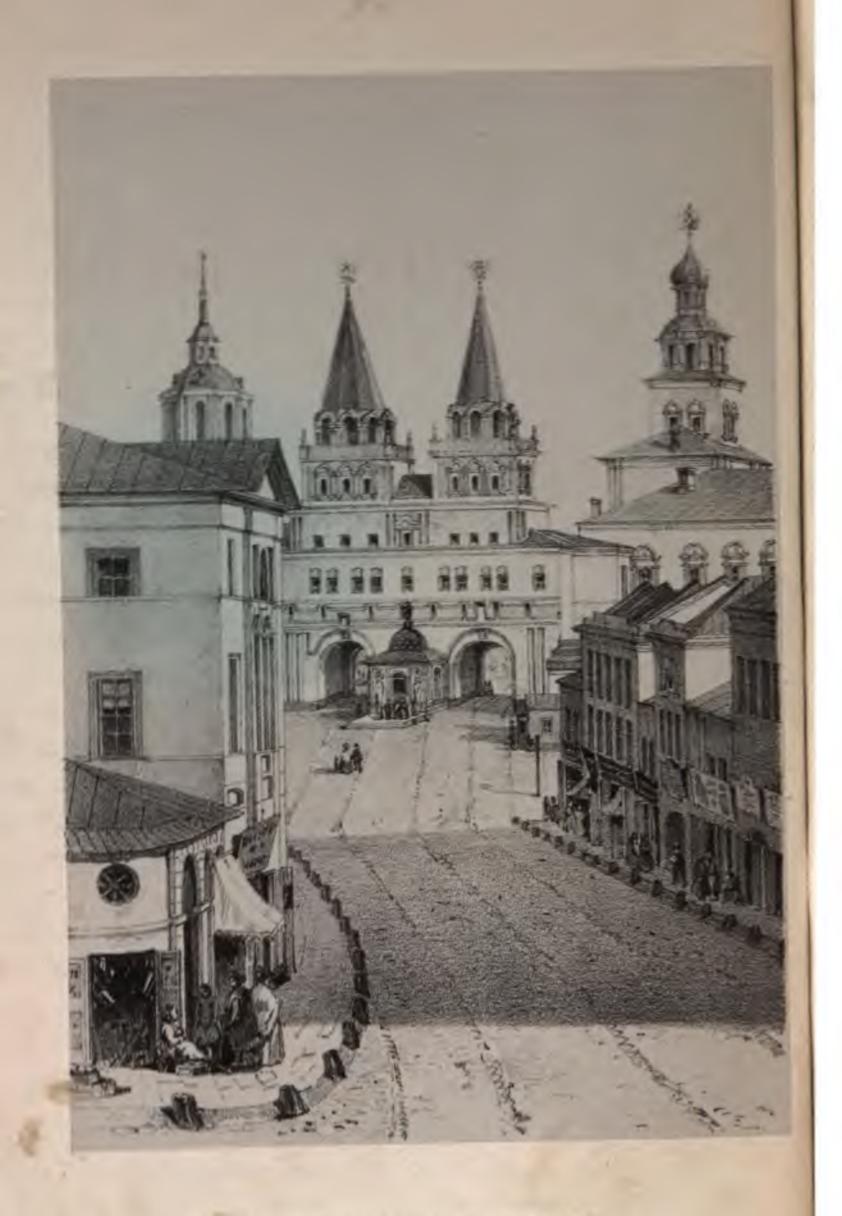
вей съ крестами, иконами и хоругвями къ Покровскому монастырю, гдѣ начинался молебенъ, и расходились на два отдѣленія: одно шло къ Новоспасскому монастырю и, по совершеніи литіи, слѣдовало къ Яузскому мосту, а другое къ Спасоандроникову монастырю, и послѣ литіи, всѣ соединялись у Яузскаго моста при церкви св. Архидіакона Стефана и послѣ общаго молебна, расходились къ своимъ приходскимъ церквамъ. (32) Въ первую холеру, свирѣпствовавшую въ Москвѣ, сдѣлались жертвою губительной болѣзни только 4 монаха въ этомъ монастырѣ.

Въ 1844 году Іюля 12 случилось въ Покровскомъ монастырѣ необыкновенное событіе, которое можно признать чудеснымъ. Въ полдень нашла туча; молнія черезъ верхнее окно Воскресенской церкви пролетѣвъ въ ея внутренность, сдѣлала нѣсколько правильныхъ круговъ, отпечатлѣвшихся на иконостасѣ; описавъ кругъ около образа Знаменія Божіей Матери и только оставивъ знаки на стеклѣ кіоты, исчезла. Съ того времени, каждую середу послѣ утрени, поютъ предъ этою св. иконой молебенъ съ акаѳистомъ.

Послѣ двухъ сотъ осьми лѣтъ своего существованія въ Московскомъ мірѣ, ознаменованныхъ счастливыми и несчастными событіями, св. обитель сія, подъ покровомъ Божіей Матери, находится въ цвѣтущемъ состояніи.

---

(32) Крестные ходы въ Москвѣ. ст. И. Снегирева. М. 1861 г., стр. 21.

ВОСКРЕСЕНСКІЯ ВОРОТА

(ВЪ МОСКВѢ)

ВОСКРЕСЕНСКІЯ ВОРОТА.

Въ сѣверной стѣнѣ, окружающей Московскій Китай-городъ, главныя ворота сіи составляютъ главный проѣздъ съ Тверской улицы въ такъ называемый *городъ*— это средоточіе торговли и промышленности. Отъ рѣки Неглинной, отъ Львинаго звѣринца и отъ Курятнаго ряду онѣ назывались то *Неглиненскими*, или *Неглинными*, то *Львиными*, (1) то *Курятными*; наконецъ отъ надворотной иконы Воскресенія Хрістова до нынѣ именуются *Воскресенскими*, а отъ чудотворной иконы Иверскія Божіей Матери въ часовнѣ—*Иверскими* и *святыми*. Торжествованіе блистательныхъ побѣдъ Петра I и Екатерины II давали имъ значеніе, подобіе и названіе *тріюмфальныхъ*.

Какъ часть городскаго укрѣпленія, оно самою постройкою обнаруживаетъ свое первоначальное назначеніе, не смотря на позднѣйшія передѣлки. Ворота сіи складены изъ крѣпостнаго тяжеловѣснаго кирпича съ желѣзными связями и закрѣпами; въ толстыхъ стѣ-

---

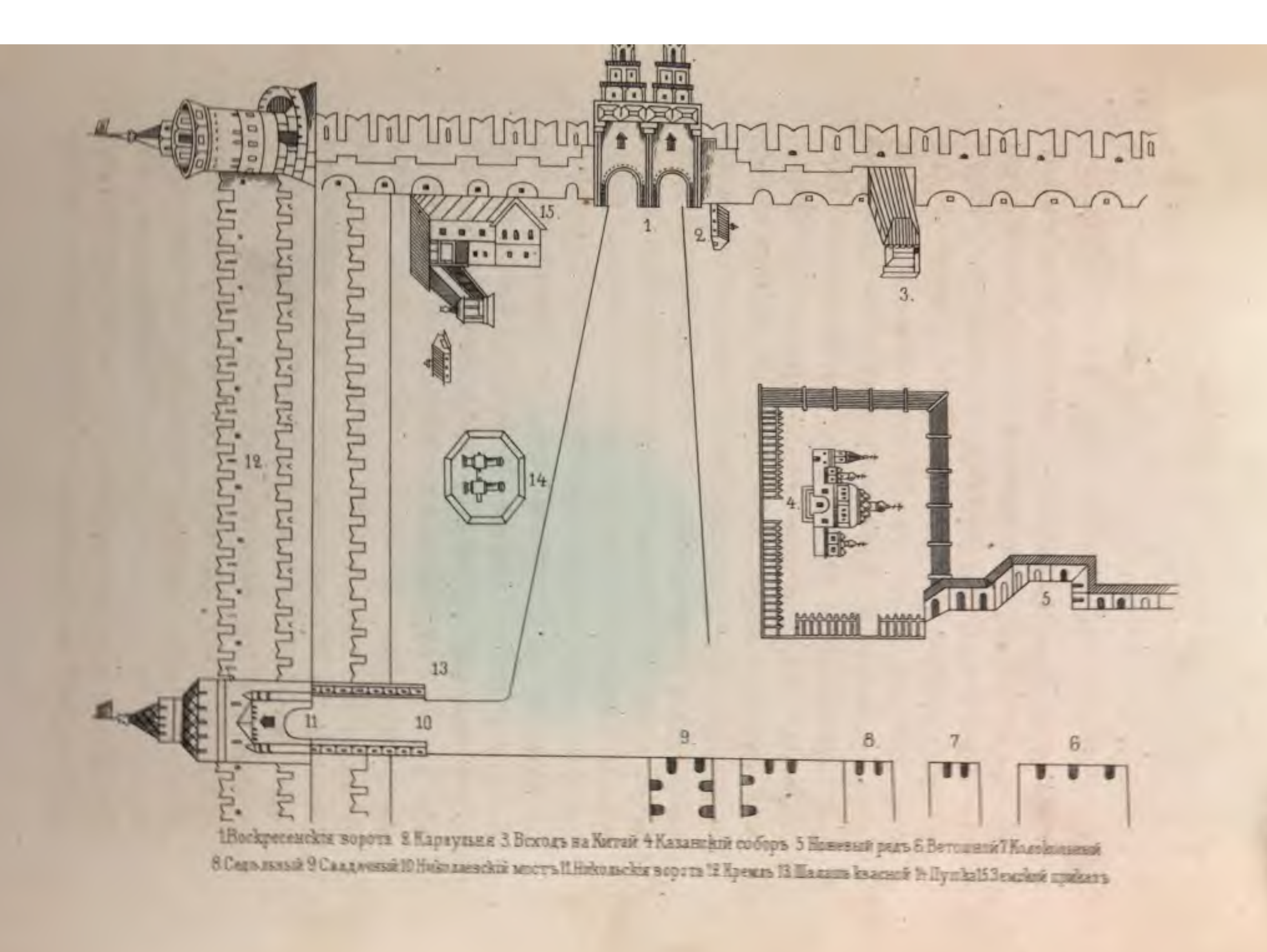
(1) На чертежѣ Москвы царевича Феодора Годунова, отмѣчено Porta Naglinæ, quæ et porta leonum nominatur. см. Памятники Московской древности, изд. *И Снегиревымъ*.

нахъ у обоихъ проѣздовъ еще остались желѣзные пробои отъ двойныхъ воротъ, а въ аркахъ прорѣзы для опускныхъ рѣшетокъ, коими запирались сіи проѣзды. Подъ зубцами воротныхъ стѣнъ еще уцѣлѣли осадные стоки, черезъ кои осажденные лили на непріятелей кипятокъ и растопленную смолу, сѣру и свинецъ. Въ двухъ-ярусныхъ палатахъ и въ двухъ надъ ними осмигранныхъ башняхъ прежде помѣщались огнестрѣльныя орудія, или такъ называемый *огненный бой*, стояли пушкари и стрѣльцы въ случаѣ нападенія враговъ и осады; амбразуры, или пушечные и мушкетные бои обращены потомъ въ окна. Теперь тамъ тлѣетъ губернскій архивъ.

Объ основаніи новаго города Китая въ Москвѣ, читаемъ въ Сѵнодальной лѣтописи, что въ 1534 году, повелѣніемъ Великаго Князя Ивана Васильевича и матери его Елены, и по благословенію Митрополіта всероссійскаго Даніила, начали строить, вмѣсто деревянной ограды, около «ближняго посада, каменную на «бо̀льшее пространство богоспасаемаго и преименитаго «града Москвы и на большее его утвержденіе.» (2)

Починный пунктъ этого города былъ на мѣстѣ нынѣшнихъ Воскресенскихъ воротъ; Сѵнодальная лѣтопись подъ 1534 годомъ удостовѣряетъ, что начали строить «по Неглинѣ въ верхъ къ Троицѣ, гдѣ ся поля били,» т. е. къ церкви Св. Троицы въ старыхъ поляхъ, гдѣ бывали судебные поединки. Закладку этихъ первыхъ воротъ Китая торжественно, по чиноположенію освятилъ Митрополітъ, конечно, въ присутствіи Великаго Князя и Княгини. Ворота сіи, на высокомъ

(2) Софійскій временникъ, II, 379 и 380.

1 Воскресенскія ворота 2 Караульня 3 Всходъ на Китай 4 Казанскій соборъ 5 Ножевый рядъ 6 Ветошный 7 Колокольный 8 Седельный 9 Саадачный 10 Николаевскій мостъ 11 Никольскія ворота 12 Кремль 13 Шалашъ квасной 14 Пушка 15 Земскій приказъ

берегу Неглинной, какъ обозначено на Годуновскомъ чертежѣ Москвы, были о двухъ проѣздахъ, безъ башенъ надъ ними.

Въ нашествіе Поляковъ, подобно другимъ укрѣпленіямъ Китай-города, онѣ испытали разныя поврежденія. Изъ описи 1629 года видимъ, что углы и зубцы Неглиненскихъ воротъ разсѣлись и обломались, деревянныя ихъ кровли были снесены бурею. Въ описи 1646 года исчислены всѣ *порухи* этихъ воротъ Китай-города, требовавшія починки. Въ росписи Ѳедора Аладьина и на чертежѣ въ дѣлахъ Пушкарскаго приказа (3) (см. рисунокъ) обозначены примыкавшія къ Неглиненскимъ воротамъ зданія; съ одной стороны ихъ пушечный ядерный навѣсъ, а въ кружалѣ его караульная пушкарская изба, далѣе Земскій приказъ, съ другой—Государевъ Сытный отдаточный примочный дворъ, пригороженный къ стѣнѣ и дворъ Неглиненскихъ воротниковъ. У Неглиненскихъ воротъ близь городовой стѣны, въ описи 1629 года приводятся лавки, скамьи и харчевни со всякимъ товаромъ, а по лѣвую сторону отъ въѣзда *Львиный дворъ*, огороженный надолбами, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Яма, такъ называемая временная тюрьма; ибо въ росписи Ѳ. Аладьина 1629 года означено, что «возлѣ стѣны къ городу въ рову «*Дворъ Львиный* пригороженъ къ стѣнѣ.» (4) Въ немъ содержались львы, коихъ присылали въ даръ Государямъ Россійскимъ сперва изъ Англіи въ 1556 году, (5) а потомъ изъ Персіи. Предъ

(3) Этотъ чертежъ въ листъ, сдѣланъ въ XVII вѣкѣ, по птичьему полету, чертещикомъ Афанасіемъ Ѳоминымъ.

(4) Акты историч. III. N 157.

(5) Степенная книга. II, 283.

самыми воротами протекала Неглинная тамъ, гдѣ теперь мостовая, Александровскій садъ и проѣзжая площадь; черезъ рѣку былъ деревянный мостъ на каменныхъ клѣткахъ, обставленный по обѣ стороны мелочными лавочками. Мостъ этотъ слылъ *Курятнымъ* и *Воскресенскимъ;* при немъ стояла мельница.

Въ царствованіе Өеодора Алексѣевича порухи и ветхости описываемыхъ нами воротъ увеличились до того, что онъ нашелъ необходимымъ разобрать сіи проѣзды и вновь построить; что̀ исполнено въ 1680 году. (6) Кромѣ Св. иконы Воскресенія Хрістова, на загородной сторонѣ отъ Земскаго приказа, по указу Царя, надъ ними изображены были добрымъ письмомъ въ кіотахъ Преподобный Сергій, Великомученикъ Георгій, Св. Өеодоръ Стратілатъ, Московскіе Святители Петръ и Алексій; а въ срединѣ въѣздовъ, у башенной стѣны, какъ увидимъ далѣе, поставлена въ часовнѣ чудотворная икона Святой Вратарницы Аөонской, Иверскія Божіей Матери. Поручая входы и исходы города охраненію Святыхъ, обыкновенно осѣняли верхи ихъ Св. иконами. По сказанію Софійскаго лѣтописца, новый городъ Китай порученъ былъ охраненію «Пресвятыя Богородицы и Великихъ Чудотворцевъ Петра и Алексія.» (7) Донынѣ еще видны надъ воротами падины съ наличниками для кіотовъ; но уже нѣтъ образовъ, какіе должны бы тамъ стоять. Въ 1727 году, Сенатскій оберъ-секретарь И. Кириловъ такъ описываетъ намъ сіи ворота: «Первыя городовыя во«рота Воскресенскія на Тверскую улицу, съ двумя

---

(6) Книга Пушкарскаго приказа 1680 года, скорописс. въ листъ, № 192 Въ библиот. И. Н. Царскаго, теперь у графа А. С. Уварова.

(7) Софійскій временникъ. II. 380.

«проѣздами; надъ ними палаты съ двумя башнями: «длиною 11 саженъ, шириною 4, высотою 12 са«женъ.» Въ Троицкій пожаръ 1737 года, обхватившій почти всю Москву, сдѣлалось жертвою пламени не только это зданіе, но и смежныя съ нимъ приворотная палата, Казанская Австерія, палата Главной Московской Аптеки, Монетный дворъ и самый Воскресенскій мостъ съ мелочными лавками. (8) При возобновленіи Воскресенскихъ воротъ архитекторомъ И. Мичуринымъ и другими, хотя и сдѣланы въ ихъ фасадѣ нѣкоторыя измѣненія, но сохраненъ главный ихъ окладъ, данный имъ при постройкѣ ихъ вновь въ царствованіе Ѳеодора Алексіевича.

Крѣпостныя сіи ворота, на ночь, или на случай осады, запирались двойными затворами изъ толстыхъ достокъ и брусьевъ, обитыхъ желѣзомъ, сверхъ того, какъ мы уже замѣтили, опускною желѣзною рѣшеткой, или герсами. При нихъ была караульня, изъ коей, какъ видно изъ указа 1728 г. 11 іюля, давались солдаты для выемокъ въ Москвѣ корчемнаго вина. Прежде при нихъ стояла главная гауптвахта, переведенная потомъ, при императорѣ Павлѣ I, въ Кремль къ Ивановской колокольнѣ. Въ старину Неглиненскіе воротники на ночь запирали сіи ворота, а къ утрени отпирали. Такъ бывало и въ 1545 году. Въ то время, какъ отперли Неглиненскія ворота къ заутрени, князь Турунтай-Пронскій, покушавшійся бѣжать въ Литву, хотѣлъ было выйти изъ города вмѣстѣ съ попами; но его тутъ поймали. (9)

---

(8) Дѣла о Троицкомъ пожарѣ въ Сенат. архивѣ.

(9) *Карамз.* И. Г. Р. VIII. пр. 191.

Въ 1652 году, апрѣля 5 и іюля 3, по словамъ Царя Алексія Михайловича, въ Москвѣ «многолюдно таково «было, что не вмѣстилися отъ Тверскихъ воротъ по «Неглиненскія ворота, и по кровлямъ и по переулкамъ «яблоку негдѣ было упасть: нельзя ни пройти, ни проѣхать.» (10) Такое стеченіе случилось при торжественномъ перенесеніи изъ Старицы въ Москву чрезъ Неглиненскія ворота мощей перваго Патріарха Іова и Святителя Филиппа II, Митрополита всероссійскаго изъ Соловковъ. Здѣсь встрѣчалъ гробы сихъ Страстотерпцевъ благочестивый Царь съ Духовенствомъ и Дворомъ.

Главнѣйшею достопамятностью и безцѣннымъ украшеніемъ Воскресенскихъ воротъ составляетъ Божественный ликъ Святѣйшей Вратарницы, т. е. Иверской Божіей Матери. Какъ на Аѳонѣ, такъ и въ Москвѣ она осѣняетъ и освящаетъ врата, напутствуя благословеніемъ входы и исходы вѣрующихъ. По особенному усердію Никона, бывшаго тогда еще Новоспасскимъ Архимандритомъ, икона сія, изображенная благочестивымъ старцемъ Ямвлихомъ Романовымъ, прислана въ Москву 1648 года, октября 13, отъ Цареградскаго Патріарха Парѳенія. У Воскресенскихъ воротъ вышли во срѣтеніе Аѳонской святынѣ Царь Алексій Михайловичь со всѣмъ семействомъ, Патріархъ Московскій Іосифъ съ Духовенствомъ, сvнклитъ, бояре и несчетное множество народа. Этотъ снимокъ съ Иверской иконы сперва поставленъ былъ въ монастырѣ Николы Стараго, что у крестнаго цѣлованья, на Никольской улицѣ. Тогда же сняты съ него точные снимки

---

(10) Акты археограф. Экспедиціи. III, № 57.

для Царя, Царевенъ, Патріарха и нѣкоторыхъ бояръ. (11) На поляхъ списка Аѳонскаго образа, стоящаго въ соборной церкви Новодѣвичьяго монастыря, греческая надпись означаетъ, что онъ писанъ 1648 г. отцемъ Ямвлихомъ Романовымъ. Изъ дворцовыхъ записокъ видимъ, что въ 1654 году икона Иверскія Божіей Матери находилась въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, откуда мая 15 того же года благочестивый Царь Алексій Михайловичь далъ Св. Путеводительницу въ напутствіе своему воинству, ополченному противъ Польскаго Короля. (12) Потомъ вѣнценосный ревнитель вѣры и благочестія повелѣлъ перенести чудотворный образъ къ главнымъ воротамъ Китай-города, въ воспоминаніе мѣста, избраннаго самою Богоматерью въ Аѳонской обители. Въ 1669 году здѣсь устроена была часовня, куда 19 мая и поставлена чудотворная икона. При перестройкѣ Неглиненскихъ воротъ въ 1680 году, для часовни сдѣлано было на внѣшней ихъ сторонѣ кружало, или печура въ стѣнѣ между двухъ проѣздовъ, къ ней пристроена деревянная храмина съ чуланомъ. Эту часовню приписали къ Николо-Перервинскому монастырю, гдѣ духовное уѣздное училище содержится на доходы, получаемые отъ Иверской иконы.

Хотя Сѵнодальнымъ указомъ 1722 года и уничтожены были многія часовни въ Москвѣ; но, кажется, Воскресенская оставалась, по особенному благоговѣнію народа къ чудотворной иконѣ. Въ дѣлахъ Коллегіи Экономіи 1742 года она так описывается: «при Курятныхъ воротахъ часовня въ стѣнѣ, убранная столяр-

(11) Сказаніе о чудотворной Иверской иконѣ Божіей Матери, сочин. графа М. Толстова. 1843, въ 12.

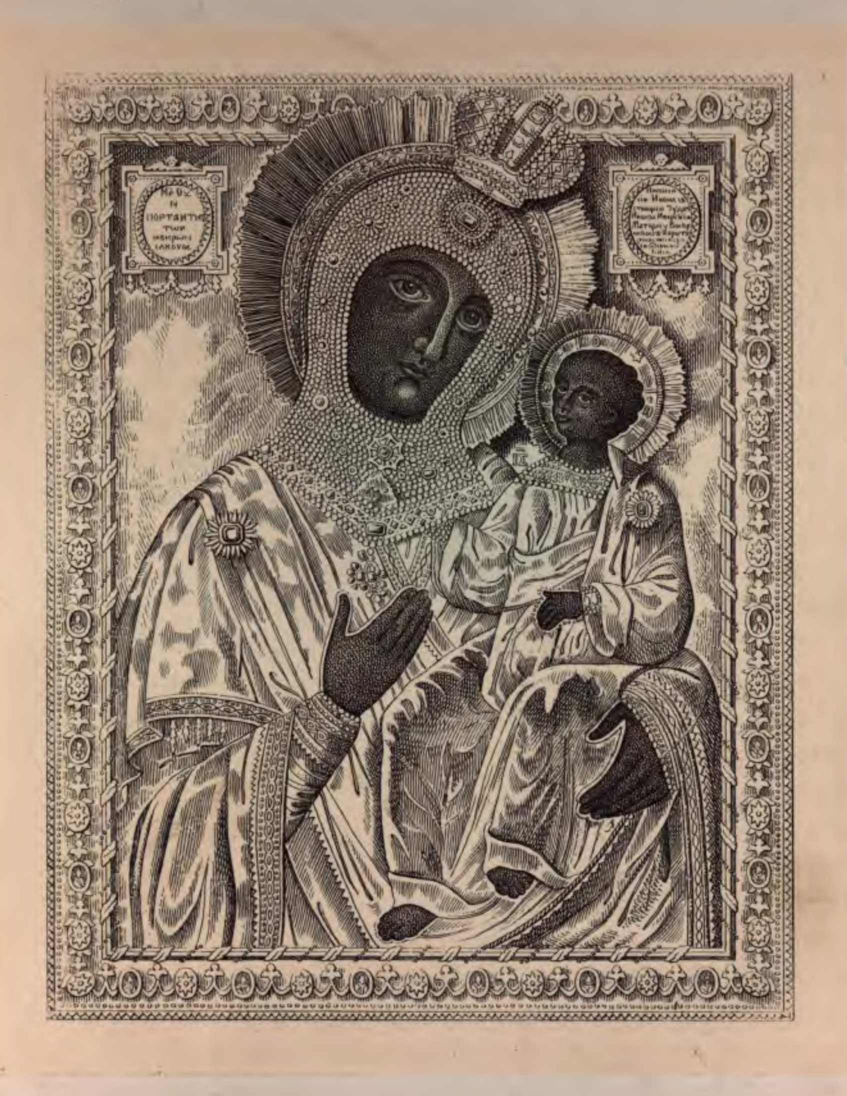
(12) Повседневныя дворцовыя записки. II, 219.

«ною работой; при ней деревянный чуланъ.» Въ царствованіе Екатерины II она перестроена, а при Александрѣ I благолѣпно украшена. Здѣсь чудотворный образъ постоянно пребывалъ 143 года, только, по набожному усердію и вѣрѣ, носили его на рукахъ и возили въ каретѣ въ домы жителей Московскихъ. Предъ самымъ вступленіемъ непріятелей въ Москву, святыня эта, около полуночи, взята была изъ часовни и вмѣстѣ съ чудотворною иконою Владимірскія Божіей Матери, вывезена Викаріемъ Московской Митрополіи Августиномъ сперва во Владиміръ, потомъ въ Муромъ, оттуда, вскорѣ по выходѣ непріятелей изъ Москвы, возвращена была древней столицѣ и, 10 ноября того же года, ее перенесли съ крестнымъ ходомъ на прежнее мѣсто. (13) Здѣсь Москвичи, пережившіе роковую четыредесятницу, встрѣтили Аѳонскую святыню со слезами радости и умиленія.

Св. икона сія, какъ мы замѣтили, точное подобіе Иверской въ Аѳонѣ, своею величиной, рисункомъ и пошибомъ письма. На правой ея ланитѣ изображена язва, нанесенная святому лику однимъ варваромъ: она источила кровь. На поляхъ образа начертано: ἡ Πορταιτησα τῶν Ηβηρων, ἐλεοῦσα, т. е. Вратарница Иверская, милостивая. Вмѣсто прежняго золотаго оклада, въ 1790 году, по содѣйствію и благословенію Московскаго Митрополита Платона, устроена г. Твердышевымъ богатѣйшая золотая риза съ вѣнцами, вѣс. 27 ф. и 59½ золотниковъ. Кромѣ того, чудотворный этотъ образъ украшенъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, кои

---

(13) Очерки жизни Москов. Архіепископа Августина, писан. *И. Снегиревымъ.* М. 1848, въ 8.

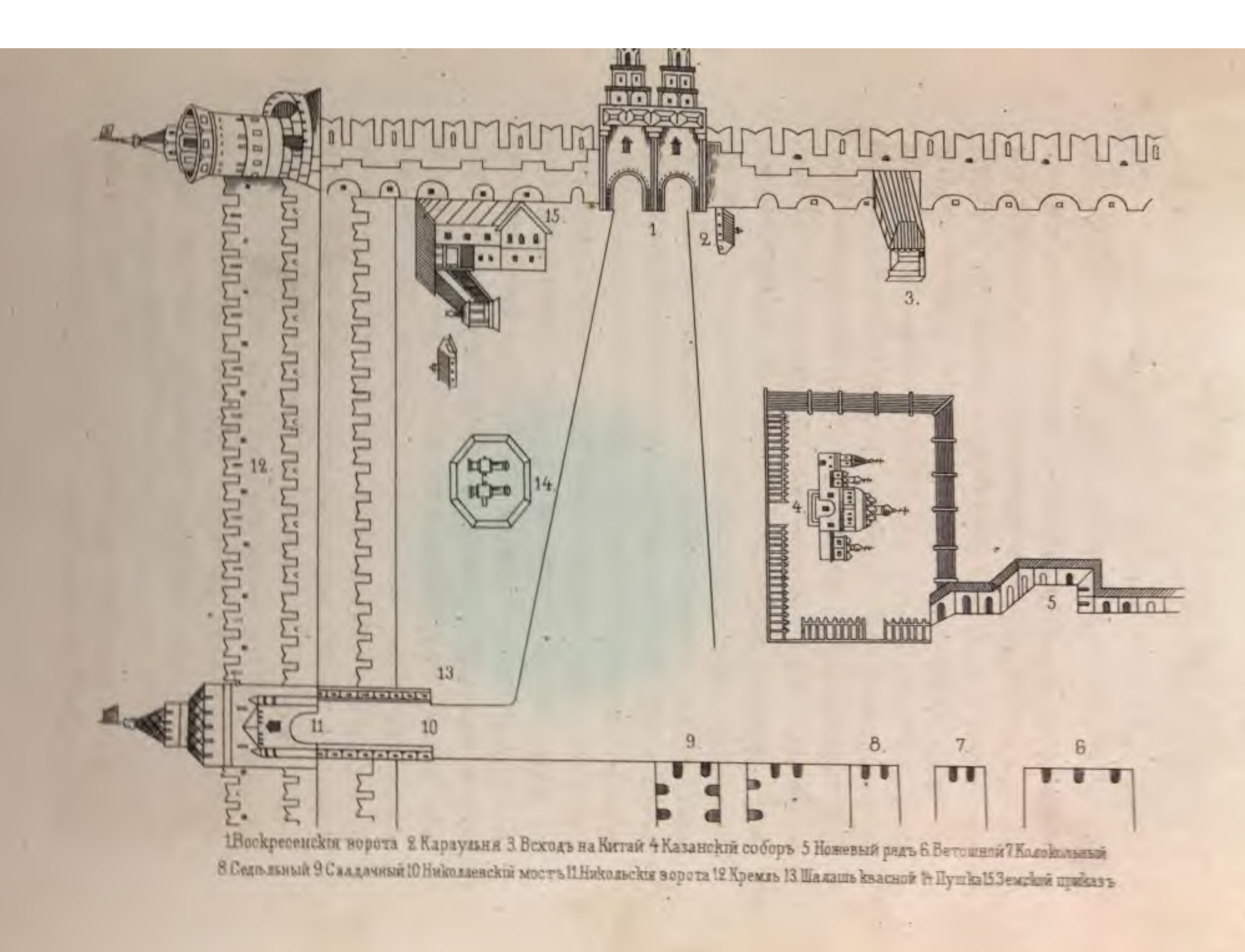

нахъ у обоихъ проѣздовъ еще остались желѣзные пробои отъ двойныхъ воротъ, а въ аркахъ прорѣзы для опускныхъ рѣшетокъ, коими запирались сіи проѣзды. Подъ зубцами воротныхъ стѣнъ еще уцѣлѣли осадные стоки, черезъ кои осажденные лили на непріятелей кипятокъ и растопленную смолу, сѣру и свинецъ. Въ двухъ-ярусныхъ палатахъ и въ двухъ надъ ними осмигранныхъ башняхъ прежде помѣщались огнестрѣльныя орудія, или такъ называемый *огненный бой,* стояли пушкари и стрѣльцы въ случаѣ нападенія враговъ и осады; амбразуры, или пушечные и мушкетные бои обращены потомъ въ окна. Теперь тамъ тлѣетъ губернскій архивъ.

Объ основаніи новаго города Китая въ Москвѣ, читаемъ въ Сѵнодальной лѣтописи, что въ 1534 году, повелѣніемъ Великаго Князя Ивана Васильевича и матери его Елены, и по благословенію Митрополіта всероссійскаго Даніила, начали строить, вмѣсто деревянной ограды, около «ближняго посада, каменную на «бо̀льшее пространство богоспасаемаго и преименитаго «града Москвы и на большее его утвержденіе.» (2)

Починный пунктъ этого города былъ на мѣстѣ нынѣшнихъ Воскресенскихъ воротъ; Сѵнодальная лѣтопись подъ 1534 годомъ удостовѣряетъ, что начали строить «по Неглинѣ въ верхъ къ Троицѣ, гдѣ ся поля били,» т. е. къ церкви Св. Троицы въ старыхъ поляхъ, гдѣ бывали судебные поединки. Закладку этихъ первыхъ воротъ Китая торжественно, по чиноположенію освятилъ Митрополітъ, конечно, въ присутствіи Великаго Князя и Княгини. Ворота сіи, на высокомъ

(2) Софійскій временникъ, II, 379 и 380.

1 Воскресенскія ворота 2 Караульня 3 Всходъ на Китай 4 Казанскій соборъ 5 Ножевый рядъ 6 Ветошной 7 Колокольный 8 Седельный 9 Саадачный 10 Николаевскій мостъ 11 Никольскія ворота 12 Кремль 13 Шалашь квасной 14 Пушка 15 Земскій приказъ

берегу Неглинной, какъ обозначено на Годуновскомъ чертежѣ Москвы, были о двухъ проѣздахъ, безъ башенъ надъ ними.

Въ нашествіе Поляковъ, подобно другимъ укрѣпленіямъ Китай-города, онѣ испытали разныя поврежденія. Изъ описи 1629 года видимъ, что углы и зубцы Неглиненскихъ воротъ разсѣлись и обломались, деревянныя ихъ кровли были снесены бурею. Въ описи 1646 года исчислены всѣ *порухи* этихъ воротъ Китай-города, требовавшія починки. Въ росписи Ѳедора Аладьина и на чертежѣ въ дѣлахъ Пушкарскаго приказа (3) (см. рисунокъ) обозначены примыкавшія къ Неглиненскимъ воротамъ зданія; съ одной стороны ихъ пушечный ядерный навѣсъ, а въ кружалѣ его караульная пушкарская изба, далѣе Земскій приказъ, съ другой—Государевъ Сытный отдаточный примочный дворъ, пригороженный къ стѣнѣ и дворъ Неглиненскихъ воротниковъ. У Неглиненскихъ воротъ близь городовой стѣны, въ описи 1629 года приводятся лавки, скамьи и харчевни со всякимъ товаромъ, а по лѣвую сторону отъ въѣзда *Львиный дворъ*, огороженный надолбами, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Яма, такъ называемая временная тюрьма; ибо въ росписи Ѳ. Аладьина 1629 года означено, что «возлѣ стѣны къ городу въ рову «*Дворъ Львиный* пригороженъ къ стѣнѣ.» (4) Въ немъ содержались львы, коихъ присылали въ даръ Государямъ Россійскимъ сперва изъ Англіи въ 1556 году, (5) а потомъ изъ Персіи. Предъ

(3) Этотъ чертежъ въ листъ, сдѣланъ въ XVII вѣкѣ, по птичьему полету, чертещикомъ Аѳанасіемъ Ѳоминымъ.

(4) Акты историч. III. N 157.

(5) Степенная книга. II, 283.

самыми воротами протекала Неглинная тамъ, гдѣ теперь мостовая, Александровскій садъ и проѣзжая площадь; черезъ рѣку былъ деревянный мостъ на каменныхъ клѣткахъ, обставленный по обѣ стороны мелочными лавочками. Мостъ этотъ слылъ *Курятнымъ* и *Воскресенскимъ;* при немъ стояла мельница.

Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича порухи и ветхости описываемыхъ нами воротъ увеличились до того, что онъ нашелъ необходимымъ разобрать сіи проѣзды и вновь построить; что̀ исполнено въ 1680 году. (6) Кромѣ Св. иконы Воскресенія Хрістова, на загородной сторонѣ отъ Земскаго приказа, по указу Царя, надъ ними изображены были добрымъ письмомъ въ кіотахъ Преподобный Сергій, Великомученикъ Георгій, Св. Ѳеодоръ Стратілатъ, Московскіе Святители Петръ и Алексій; а въ срединѣ въѣздовъ, у башенной стѣны, какъ увидимъ далѣе, поставлена въ часовнѣ чудотворная икона Святой Вратарницы Аѳонской, Иверскія Божіей Матери. Поручая входы и исходы города охраненію Святыхъ, обыкновенно осѣняли верхи ихъ Св. иконами. По сказанію Софійскаго лѣтописца, новый городъ Китай порученъ былъ охраненію «Пресвятыя Богородицы и Великихъ Чудотворцевъ Петра и Алексія.» (7) Донынѣ еще видны надъ воротами падины съ наличниками для кіотовъ; но уже нѣтъ образовъ, какіе должны бы тамъ стоять. Въ 1727 году, Сенатскій оберъ-секретарь И. Кириловъ такъ описываетъ намъ сіи ворота: «Первыя городовыя ворота Воскресенскія на Тверскую улицу, съ двумя

(6) Книга Пушкарскаго приказа 1680 года, скорописн. въ листъ, № 192 Въ библіот. И. Н. Царскаго, теперь у графа А. С. Уварова.

(7) Софійскій временникъ. II. 380.

«проѣздами; надъ ними палаты съ двумя башнями: «длиною 11 саженъ, шириною 4, высотою 12 са- «женъ.» Въ Троицкій пожаръ 1737 года, обхватившій почти всю Москву, сдѣлалось жертвою пламени не только это зданіе, но и смежныя съ нимъ приворотная палата, Казанская Австерія, палата Главной Московской Аптеки, Монетный дворъ и самый Воскресенскій мостъ съ мелочными лавками. (8) При возобновленіи Воскресенскихъ воротъ архитекторомъ И. Мичуринымъ и другими, хотя и сдѣланы въ ихъ фасадѣ нѣкоторыя измѣненія, но сохраненъ главный ихъ окладъ, данный имъ при постройкѣ ихъ вновь въ царствованіе Θеодора Алексіевича.

Крѣпостныя сіи ворота, на ночь, или на случай осады, запирались двойными затворами изъ толстыхъ достокъ и брусьевъ, обитыхъ желѣзомъ, сверхъ того, какъ мы уже замѣтили, опускною желѣзною рѣшеткой, или герсами. При нихъ была караульня, изъ коей, какъ видно изъ указа 1728 г. 11 іюля, давались солдаты для выемокъ въ Москвѣ корчемнаго вина. Прежде при нихъ стояла главная гауптвахта, переведенная потомъ, при императорѣ Павлѣ I, въ Кремль къ Ивановской колокольнѣ. Въ старину Неглиненскіе воротники на ночь запирали сіи ворота, а къ утрени отпирали. Такъ бывало и въ 1545 году. Въ то время, какъ отперли Неглиненскія ворота къ заутрени, князь Турунтай-Пронскій, покушавшійся бѣжать въ Литву, хотѣлъ было выйти изъ города вмѣстѣ съ попами; но его тутъ поймали. (9)

---

(8) Дѣла о Троицкомъ пожарѣ въ Сенат. архивѣ.

(9) *Карамз.* И. Г. Р. VIII. пр. 191.

Въ 1652 году, апрѣля 5 и іюля 3, по словамъ Царя Алексія Михайловича, въ Москвѣ «многолюдно таково «было, что не вмѣстилися отъ Тверскихъ воротъ по «Неглиненскія ворота, и по кровлямъ и по переулкамъ «яблоку негдѣ было упасть: нельзя ни пройти, ни проѣхать.» (10) Такое стеченіе случилось при торжественномъ перенесеніи изъ Старицы въ Москву чрезъ Неглиненскія ворота мощей перваго Патріарха Іова и Святителя Филиппа II, Митрополита всероссійскаго изъ Соловковъ. Здѣсь встрѣчалъ гробы сихъ Страстотерпцевъ благочестивый Царь съ Духовенствомъ и Дворомъ.

Главнѣйшею достопамятностью и безцѣннымъ украшеніемъ Воскресенскихъ воротъ составляетъ Божественный ликъ Святѣйшей Вратарницы, т. е. Иверской Божіей Матери. Какъ на Аѳонѣ, такъ и въ Москвѣ она осѣняетъ и освящаетъ врата, напутствуя благословеніемъ входы и исходы вѣрующихъ. По особенному усердію Никона, бывшаго тогда еще Новоспасскимъ Архимандритомъ, икона сія, изображенная благочестивымъ старцемъ Ямвлихомъ Романовымъ, прислана въ Москву 1648 года, октября 13, отъ Цареградскаго Патріарха Парѳенія. У Воскресенскихъ воротъ вышли во срѣтеніе Аѳонской святынѣ Царь Алексій Михайловичь со всѣмъ семействомъ, Патріархъ Московскій Іосифъ съ Духовенствомъ, сунклитъ, бояре и несчетное множество народа. Этотъ снимокъ съ Иверской иконы сперва поставленъ былъ въ монастырѣ Николы Стараго, что у крестнаго цѣлованья, на Никольской улицѣ. Тогда же сняты съ него точные снимки

---

(10) Акты археограф. Экспедиціи. III, №57.

для Царя, Царевенъ, Патріарха и нѣкоторыхъ бояръ. (11) На поляхъ списка Аѳонскаго образа, стоящаго въ соборной церкви Новодѣвичьяго монастыря, греческая надпись означаетъ, что онъ писанъ 1648 г. отцемъ Ямвлихомъ Романовымъ. Изъ дворцовыхъ записокъ видимъ, что въ 1654 году икона Иверскія Божіей Матери находилась въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, откуда мая 15 того же года благочестивый Царь Алексій Михайловичь далъ Св. Путеводительницу въ напутствіе своему воинству, ополченному противъ Польскаго Короля. (12) Потомъ вѣнценосный ревнитель вѣры и благочестія повелѣлъ перенести чудотворный образъ къ главнымъ воротамъ Китай-города, въ воспоминаніе мѣста, избраннаго самою Богоматерью въ Аѳонской обители. Въ 1669 году здѣсь устроена была часовня, куда 19 мая и поставлена чудотворная икона. При перестройкѣ Неглиненскихъ воротъ въ 1680 году, для часовни сдѣлано было на внѣшней ихъ сторонѣ кружало, или печура въ стѣнѣ между двухъ проѣздовъ, къ ней пристроена деревянная храмина съ чуланомъ. Эту часовню приписали къ Николо-Перервинскому монастырю, гдѣ духовное уѣздное училище содержится на доходы, получаемые отъ Иверской иконы.

Хотя Сѵнодальнымъ указомъ 1722 года и уничтожены были многія часовни въ Москвѣ; но, кажется, Воскресенская оставалась, по особенному благоговѣнію народа къ чудотворной иконѣ. Въ дѣлахъ Коллегіи Экономіи 1742 года она так описывается: «при Курятныхъ воротахъ часовня въ стѣнѣ, убранная столяр-

(11) Сказаніе о чудотворной Иверской иконѣ Божіей Матери, сочин. графа М. Толстова. 1843, въ 12.

(12) Повседневныя дворцовыя записки. II, 219.

Въ 1652 году, апрѣля 5 и іюля 3, по словамъ Царя Алексія Михайловича, въ Москвѣ «многолюдно таково «было, что не вмѣстилися отъ Тверскихъ воротъ по «Неглиненскія ворота, и по кровлямъ и по переулкамъ «яблоку негдѣ было упасть: нельзя ни пройти, ни проѣхать.» (10) Такое стеченіе случилось при торжественномъ перенесеніи изъ Старицы въ Москву чрезъ Неглиненскія ворота мощей перваго Патріарха Іова и Святителя Филиппа II, Митрополита всероссійскаго изъ Соловковъ. Здѣсь встрѣчалъ гробы сихъ Страстотерпцевъ благочестивый Царь съ Духовенствомъ и Дворомъ.

Главнѣйшею достопамятностью и безцѣннымъ украшеніемъ Воскресенскихъ воротъ составляетъ Божественный ликъ Святѣйшей Вратарницы, т. е. Иверской Божіей Матери. Какъ на Аѳонѣ, такъ и въ Москвѣ она осѣняетъ и освящаетъ врата, напутствуя благословеніемъ входы и исходы вѣрующихъ. По особенному усердію Никона, бывшаго тогда еще Новоспасскимъ Архимандрітомъ, икона сія, изображенная благочестивымъ старцемъ Ямвлихомъ Романовымъ, прислана въ Москву 1648 года, октября 13, отъ Цареградскаго Патріарха Парѳенія. У Воскресенскихъ воротъ вышли во срѣтеніе Аѳонской святынѣ Царь Алексій Михайловичь со всѣмъ семействомъ, Патріархъ Московскій Іосифъ съ Духовенствомъ, сѵнклитъ, бояре и несчетное множество народа. Этотъ снимокъ съ Иверской иконы сперва поставленъ былъ въ монастырѣ Николы Стараго, что у крестнаго цѣлованья, на Никольской улицѣ. Тогда же сняты съ него точные снимки

(10) Акты археограф. Экспедиціи. III, №57.

для Царя, Царевен, Патріарха и нѣкоторыхъ бояръ. (11) На поляхъ списка Аѳонскаго образа, стоящаго въ соборной церкви Новодѣвичьяго монастыря, греческая надпись означаетъ, что онъ писанъ 1648 г. отцемъ Ямвлихомъ Романовымъ. Изъ дворцовыхъ записокъ видимъ, что въ 1654 году икона Иверскія Божіей Матери находилась въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, откуда мая 15 того же года благочестивый Царь Алексій Михайловичь далъ Св. Путеводительницу въ напутствіе своему воинству, ополченному противъ Польскаго Короля. (12) Потомъ вѣнценосный ревнитель вѣры и благочестія повелѣлъ перенести чудотворный образъ къ главнымъ воротамъ Китай-города, въ воспоминаніе мѣста, избраннаго самою Богоматерью въ Аѳонской обители. Въ 1669 году здѣсь устроена была часовня, куда 19 мая и поставлена чудотворная икона. При перестройкѣ Неглиненскихъ воротъ въ 1680 году, для часовни сдѣлано было на внѣшней ихъ сторонѣ кружало, или печура въ стѣнѣ между двухъ проѣздовъ, къ ней пристроена деревянная храмина съ чуланомъ. Эту часовню приписали къ Николо-Перервинскому монастырю, гдѣ духовное уѣздное училище содержится на доходы, получаемые отъ Иверской иконы.

Хотя Сѵнодальнымъ указомъ 1722 года и уничтожены были многія часовни въ Москвѣ; но, кажется, Воскресенская оставалась, по особенному благоговѣнію народа къ чудотворной иконѣ. Въ дѣлахъ Коллегіи Экономіи 1742 года она так описывается: «при Курятныхъ воротахъ часовня въ стѣнѣ, убранная столяр-

(11) Сказаніе о чудотворной Иверской иконѣ Божіей Матери, сочин. графа М. Толстова. 1843, въ 12.

(12) Повседневныя дворцовыя записки. II, 219.

«ною работой; при ней деревянный чуланъ.» Въ царствованіе Екатерины II она перестроена, а при Александрѣ I благолѣпно украшена. Здѣсь чудотворный образъ постоянно пребывалъ 143 года, только, по набожному усердію и вѣрѣ, носили его на рукахъ и возили въ каретѣ въ домы жителей Московскихъ. Предъ самымъ вступленіемъ непріятелей въ Москву, святыня эта, около полуночи, взята была изъ часовни и вмѣстѣ съ чудотворною иконою Владимірскія Божіей Матери, вывезена Викаріемъ Московской Митрополіи Августиномъ сперва во Владиміръ, потомъ въ Муромъ, оттуда, вскорѣ по выходѣ непріятелей изъ Москвы, возвращена была древней столицѣ и, 10 ноября того же года, ее перенесли съ крестнымъ ходомъ на прежнее мѣсто. (13) Здѣсь Москвичи, пережившіе роковую четыредесятницу, встрѣтили Аѳонскую святыню со слезами радости и умиленія.

Св. икона сія, какъ мы замѣтили, точное подобіе Иверской въ Аѳонѣ, своею величиной, рисункомъ и пошибомъ письма. На правой ея ланитѣ изображена язва, нанесенная святому лику однимъ варваромъ: она источила кровь. На поляхъ образа начертано: ἡ Πορταΐτησα τῶν Ἰβήρων, ἐλεοῦσα, т. е. Вратарница Иверская, милостивая. Вмѣсто прежняго золотаго оклада, въ 1790 году, по содѣйствію и благословенію Московскаго Митрополита Платона, устроена г. Твердышевымъ богатѣйшая золотая риза съ вѣнцами, вѣс. 27 ф. и 59½ золотниковъ. Кромѣ того, чудотворный этотъ образъ украшенъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, кои

(13) Очерки жизни Москов. Архіепіскопа Августина, писан. *И. Снегиревымъ*. М. 1848, въ 8.

съ каждымъ годомъ умножаются отъ приношенія усердствующихъ. Предъ нимъ теплится множество серебряныхъ лампадъ. Чудеса, коими онъ прославленъ, внесены въ рукописную книгу, хранящуюся въ часовнѣ.

По примѣру Иверскаго Аѳонскаго монастыря, въ память явленія этой Св. иконы совершается празднество во вторникъ Святой недѣли, сверхъ того, 12 февраля. Почти безпрерывно служатъ Богоматери молебны и каждый день вечеромъ поютъ общій молебенъ, а на Свѣтлое Воскресеніе—утреню. Часовня отъ ранняго утра до поздняго вечера полна молящихся; рѣдко кто изъ православныхъ, входя въ городъ, или выходя изъ него, не зайдетъ въ нее для поклоненія заступницѣ рода христіанскаго: отправляется ли кто въ дорогу, пріѣзжаетъ ли въ Москву, приступаетъ ли къ какому важному дѣлу—является сюда просить благословенія у Божіей Матери; въ скорби и бѣдѣ молить ее о заступленіи, а за полученныя благодѣянія принести ей жертву хвалы и благодаренія. За отсутствіемъ чудотворнаго образа изъ часовни, на мѣстѣ его ставится точный съ него списокъ, потому что благоговѣйные чтители святыни, болящіе, удрученные старостью, или терпящіе какую напасть призываютъ святыню сію въ домы свои для молитвословія, для утѣшенія въ горестяхъ, для уврачеванія недуговъ и для освященія жилищъ своихъ. На обѣтныя молебствія въ торговыхъ рядахъ, въ улицахъ и на площадяхъ, вмѣстѣ съ другими, особенно чтимыми, иконами, поднимаютъ и чудотворный образъ Иверскія Божіей Матери.

Боговѣнчанные, благочестивые Цари наши и августѣйшіе члены Императорскаго дома, при всякомъ въѣздѣ въ древнюю столицу, останавливаются у Воскре-

сенскихъ воротъ и въ часовнѣ возносятъ молитвы свои Царицѣ Небесной. Здѣсь обыкновенно ожидаютъ царственныхъ посѣтителей толпы москвичей и привѣтствуютъ ихъ громкими восклицаніями. Крестный ходъ, совершаемый въ октябрѣ на память изгнанія непріятелей изъ Москвы въ 1812 году, шествуетъ изъ Кремля къ Иверской часовнѣ и оттуда беретъ св. образъ, который обносятъ вокругъ стѣнъ Кремлевскихъ.

Такимъ образомъ мѣсто это, освященное и прославленное присутствіемъ святыни, сдѣлалось отраднымъ перепутьемъ для вѣрующихъ, воспріемникомъ обѣтовъ, свидѣтелемъ моленій, прошеній, чудесъ и благодареній.

При этомъ возобновляются въ памяти замѣчательныя событія, коими ознаменованы сіи главныя ворота Китай-города. Когда Москва въ первый разъ увидѣла невиданныя дотолѣ тріумфальныя шествія, въ подражаніе Римскимъ тріумфамъ: тогда воротамъ симъ дано и названіе тріумфальныхъ, по просторѣчію, *трухвальныхъ*. При цѣломѣсячномъ празднованіи Нейштадскаго міра со Швеціей въ 1721 году, онѣ испещрены были аллегорическими картинами, статуями и надписями. Отъ петербургскаго въѣзда чрезъ нихъ проходила въ тріумфальномъ шествіи цѣлая флотилія, особо устроенная на подобіе настоящей, съ распущенными парусами, при звонѣ колоколовъ по всей Москвѣ, при громѣ пушекъ, при звукѣ трубъ, барабановъ и литавръ, съ коими сливались радостныя восклицанія народа. Здѣсь встрѣтили вѣнценоснаго Побѣдителя и Миротворца все знатное Духовенство въ богатыхъ облаченіяхъ, герцогъ Голштинскій, Правительствующій Сенатъ и Генералитетъ. Юноши въ бѣлой одеждѣ пѣли канты, сочиненные на разныхъ языкахъ къ этому

торжеству. Царь остановился ихъ выслушать. Отъ имени Святѣйшаго Сунода Вице-Президентъ его, Архіепископъ Новгородскій Θеодосій въ сунодальныхъ воротахъ привѣтствовалъ торжествующаго Императора слѣдующимъ словомъ:

«Дѣлателю благій! понеже благодатію, свыше Тебѣ «данною, имѣемъ отъ всевеликоименитыхъ дѣлъ Твоихъ похвалу, превосходящую всякія риторскія силы: «того ради мы, нижайшіе богомольцы Твои, не смѣемъ оныя здѣ словомъ умножить, да некогда что «отъ неискуства умалимъ, токмо отъ добродѣтельнаго «и раболѣпнаго сердца нашего привѣтствуемъ Тебѣ: «снедай во здравіи многолѣтномъ нѣиждиваемые плоды «трудовъ твоихъ, и насыщай тѣми чада Твоя, отче «Отечества! да насытятся оныхъ и благополучнѣйшіе «наслѣдники Твои, отъ чреслъ Твоихъ происходящіе, «въ роды родовъ, се смиренно желаемъ.» (14)

Въ этихъ же воротахъ, убранныхъ на подобіе тріумфальныхъ, срѣтало знатнѣйшее Духовенство и Правительствующій Сенатъ Императора Петра II, Императрицъ Анну, Елисавету и Екатерину II, прибывшихъ изъ новой столицы въ древнюю для воспріятія Св. мνропомазанія на царство: чрезъ нихъ и донынѣ Государи Россійскіе шествуютъ въ Москву на коронованіе. Въ 1775 году прибыла въ Москву торжествующая Екатерина II праздновать славный миръ съ Оттоманскою Портой, пріобрѣтенный славными побѣдами. Тогда и *Всероссійское дворянство* и *Московское купечество* воздвигли въ честь побѣдительницы и миротворицы двое тріумфальныхъ

(14) Дѣянія Петра Великаго, 2 изд. т. IX, 44 и 45.

воротъ. Къ торжественному шествію Императрицы въ древнюю столицу Воскресенскія ворота украшены были символическими изображеніями въ духѣ и вкусѣ того времени; въ этихъ картинахъ олицетворялись великія и знаменитыя событія. Съ пріѣзда, на правой сторонѣ воротъ представленъ былъ крылатый Сатурнъ съ косою на плечахъ и съ песочными часами въ рукѣ; позади его стояла Исторія въ видѣ крылатой жены; правою рукой она писала на хартіи, поданной ей Славою, годы побѣдъ и знаменитыхъ дѣлъ Екатерины II, 1769, 1770, 1771 и 1774; въ лѣвой Мнемозина держала большую книгу съ начертанными на ней словами: *Лѣтопись Россійская*. На этой картинѣ блистала надпись: *слава вѣчная*. Средняя картина представляла Минерву съ копьемъ въ одной рукѣ, въ другой съ циркулемъ, коимъ измѣряла лежащій предъ нею земной шаръ при подножіи двуглаваго орла. Третья картина изображала жену подъ покрываломъ, съ кадиломъ въ рукѣ, какъ символами закона и вѣры. Геній мира, увѣнчанный лаврами, съ оливковою вѣтвію, поднималъ сію жену, удрученную игомъ. Надпись гласила: *помогаетъ притѣсненнымъ*. На картинахъ внизу по обѣимъ сторонамъ виднѣлись скипетръ, обвитый шелковицею и змѣей, также мечъ, украшенный лавровою вѣтвію, какъ символы милосердія, благоразумія, мужества и побѣды. На послѣдней же картинѣ, съ правой стороны представлялась жена въ стѣнной коронѣ (in corona murali), въ богатой одеждѣ, стоящая на колѣняхъ предъ жертвенникомъ: это былъ символъ Москвы. Позади ея возвышался обелискъ съ именемъ Екатерины II и съ надписью: *къ прибытію Монархини*. На картинѣ, выставленной на внутренней

сторонѣ воротъ, написаны были: 1) Меркурій съ жезломъ въ правой рукѣ; а въ лѣвой съ хартіей, гдѣ начертаны слова: *миръ возвѣщаю;* а въ надписи: *торговля нынѣ процвѣтаетъ.* 2) Богиня согласія въ вѣкѣ изъ оливъ одною рукою держитъ кадило, другою ведетъ богиню Изобилія, которая сыплетъ колосья. Имъ предстоитъ богиня Любви въ бѣлой одеждѣ съ пламенѣющимъ сердцемъ въ рукѣ; около ея ластятся дѣти. Надпись: *Такъ процвѣтаетъ общее благо.* (15)

Къ коронаціи Императоровъ Павла I и Александра I славный декораторъ Гонзаго великолѣпно украшалъ Воскресенскія ворота живописными картинами, пилястрами и аллегорическими фигурами.

Проѣзжія ворота сіи въ Москвѣ, подобно *вратамъ правды* у Израильтянъ, (16) были свидѣтелями карательнаго правосудія. Петръ I, ѣхавшій ночью въ крытыхъ пошевняхъ, встрѣчаетъ боярскій рыдванъ въ шесть лошадей, который опрокинулъ розвальни соборнаго дьякона. Вмѣсто того, чтобы поднять опрокинутаго, кучеръ и форейторъ били его кнутомъ. Государь вступился за обиженнаго. Тѣ, не узнавъ его, спросили: «что тамъ еще за чортъ въ коробѣ ѣдетъ?» —«Не ровенъ чортъ въ коробѣ ѣдетъ,» отвѣчалъ Государь и тотчасъ велѣлъ деньщику своему поднять опрокинутыя розвальни, а кучера и форейтора отколотить палкою; на другой день поутру послалъ деньщика къ боярину съ выговоромъ за потворство своимъ

(15) Descriptions des tableaux allégoriques qui ornent les deux arcs de triomphes, nouvellement érigès par la noblesse et les marchands de la ville de Moscou. Moscou. 1775, in 8.

(16) *Псал.* CXVII, 19.

холопамъ и съ приказаніемъ еще наказать виновныхъ. (17)

Сентября 16, 1771 года, не было въ Москвѣ выпаденія кроваваго дождя; но изъ Воскресенскихъ воротъ по канавкамъ кровь текла ручьями въ Неглинную. Вмѣстѣ съ чумою тогда кипѣлъ бунтъ; мятежная толпа буйствовала въ Кремлѣ и Китаѣ. Когда не подѣйствовали на нее ни увѣщанія, ни угрозы начальства: тогда Еропкинъ, добровольно принявшій на себя управленіе городомъ, вынужденъ былъ выставить пушки на Красной площади и стрѣлять картечью по мятежникамъ, бѣжавшимъ къ Воскресенскимъ воротамъ, гдѣ они потерпѣли сильное пораженіе. (18)

Въ срединѣ двухъ-этажнаго каменнаго зданія присутственныхъ мѣстъ, на лѣвой сторонѣ со въѣзда отъ часовни, гдѣ теперь купеческія лавки, былъ прежде выходъ изъ Ямы съ желѣзною дверью и рѣшеткой. Сюда-то 1775 года выводимъ былъ на день лютый Пугачевъ, Донской казакъ и раскольникъ, выдававшій себя за Императора Петра III и пролившій рѣки крови человѣческой. Онъ былъ скованъ по рукамъ и ногамъ, сверхъ того опоясанъ желѣзнымъ обручемъ съ цѣпью. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, толпы народа сходились къ Воскресенскимъ воротамъ смотрѣть этого злодѣя, ужаснаго и въ оковахъ, такъ что, если онъ ими потрясалъ, то женщины, упрекавшія его за убійство кровныхъ своихъ, падали въ обморокъ. Было 10 января, 1775 года, какъ отсюда этотъ самозванецъ

---

(17) Дѣянія Петра Великаго соч. Голикова, изд. 2 XV, ст. 33,

(18) Сообщено мнѣ очевидцемъ, бывшимъ оберъ-секретаремъ Сената Д. А. Бороздинымъ.

повезенъ былъ на мѣсто казни: судъ приговорилъ его къ четвертованію. Помолясь предъ часовнею Иверской Божіей Матери, онъ поклонился на всѣ четыре стороны и воскликнулъ къ народу: Виноватъ «предъ Богомъ и Государыней! Простите меня, православные!» Въ толпахъ народа раздались тогда разные голоса: «Богъ «тебя проститъ!—Богъ тебѣ судья, злодѣй, ты убилъ, «ты замучилъ моего отца, моего мужа, моего сына, моего брата» и т. д. Пугачевъ былъ средняго роста, среднихъ лѣтъ, въ плечахъ широкъ, лицемъ сухощавъ, конопатъ и смугловатъ, волосы на головѣ всклоченные, темнорусые, остриженные по казацки, усы широкіе, борода малая, черная, клиномъ, глаза большіе, черные, на соловой лазури, чрезвычайно быстрые, носъ прямой, лобъ морщиноватый. На немъ былъ пестрый шелковый халатъ, а сверхъ его нагольный бараній тулупъ. Скованный Пугачевъ сидѣлъ со свѣчею въ рукѣ на эшафотѣ, поставленномъ на большія сани, подлѣ него палачъ съ топоромъ, насупротивъ его чиновникъ и священникъ: одинъ долженъ былъ прочитать ему смертный приговоръ, а другой напутствовать его къ вѣчности. Его сопровождали, отсюда до мѣста казни на Болотѣ, отрядъ кирасировъ и толпы народа. (19)

Такъ, въ теченіи двухъ безъ малаго вѣковъ, городскія ворота сіи были безмолвными свидѣтелями бла-

---

(19) Нѣкоторыя изъ свѣдѣній заимствованы мною отъ очевидцевъ этого событія оберъ-секретаря Сената Д. А. Бороздина, отъ Профессора З. А. Горюшкина и отъ моего прадѣда Колл. Ассес. И. С. Брыкина. см. Исторію Пугачевскаго бунта V т. сочиненій А. *Пушкина* Спб. 1838, въ 8, *Рычкова* обстоятельное описаніе Яицкихъ казаковъ и бунта Пугачевскаго, въ рукоп. у А. А. Медыщева. ср. Записки Державина въ Русской бесѣдѣ, кн. 2, 1859 г.

гочестія и правосудія, торжества наукъ, народной любви къ Царю и отечеству. Хотя имъ и суждено было раздѣлять печальный жребій древней столицы въ пожаръ 1737 г. и въ нашествіе враговъ 1812 г., но онѣ вскорѣ возобновлялись и мерзость временнаго запустѣнія не нарушила ихъ священнаго значенія. Въ вѣкъ преобразованія Россіи Петромъ I, борьбы старины съ новизною, въ стѣнахъ ихъ представилось необычайное позорище осмѣянія древнихъ причудливыхъ обрядовъ и обычаевъ, описанное современникомъ тому Желябужскимъ. Мы хотимъ сказать о трехъ-древномъ празднованіи свадьбы остроумноліотнаго Ѳеофилакта (Ивана) Шанскаго, многоутѣшнаго шута и смѣхотворца, женившагося въ 1702 г. на сестрѣ князя Юрія Ѳеодоровича Шаховскаго. (20) Самъ Императоръ принималъ участіе въ такомъ пиршествѣ, имъ затѣянномъ и устроенномъ, по его вкусу къ подобнымъ потѣхамъ. Тамъ онъ одѣтъ былъ по старинѣ, въ бархатный опашень, въ охабень изъ вишневой зуфи, сверхъ его ферезь камчатная; на головѣ была шапка заячья, черная, на ногахъ сапоги желтые, сафьянные. Въ свадебномъ поѣздѣ были бояре съ боярынями, окольничіе, думные стольники и дьяки въ мантіяхъ, ферезяхъ и горлатныхъ шапкахъ. Лице Царя представлялъ князь кесарь Ромодановскій въ старинной царской одеждѣ, лицо Царицы—жена Бутурлина, а Патріарха—Князь-Папа, прозванный также Патріархомъ, Пресбургскимъ, Заяузскимъ и всего Кукуя, т. е. Нѣмецкой слободы, учитель Петра I Зотовъ. «Первая ночь у новобрачныхъ»,

(20) Гравированный эстампъ, изображающій свадебный столъ шута, находится въ портфеляхъ Снегирева. см. Дѣянія Петра Великаго изд. 2, т. II, 54 и 55.

говоритъ Желябужскій, «была на башнѣ у Курятныхъ «воротъ, и тутъ пили три дни.» (21) Настоятельно подчивали же гостей по старинѣ, только горячимъ виномъ и крѣпкимъ пивомъ и медомъ. Послѣдствія такого подчиванья для нѣкоторыхъ были печальныя.

При Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ до 1731 года, въ палатахъ верхняго шпица башни помѣщалась пробирная лабораторія Монетнаго двора; а въ царствованіе Елисаветы Петровны первая гражданская типографія, гдѣ начато печатаніе отъ Московскаго Университета Московскихъ газетъ 1756 года, апрѣля 26. Въ этотъ же день, съ вечера до полночи, Воскресенскія ворота и смежное съ ними въ Китай-городѣ красивое зданіе прежней Аптеки и Австеріи были освѣщены многими тысячами лампъ и плошекъ; инструментальная музыка гремѣла въ палатахъ, трубы и литавры звучали на башнѣ. Прозрачная картина предъ зданіемъ изображала Парнасскую гору, гдѣ Минерва воздвигала обелискъ во славу Августѣйшей покровительницы искусствъ и наукъ. У подножія обелиска младенецъ, окруженный символами просвѣщенія, начертывалъ имя Шувалова. Множество народа, привлеченнаго необыкновеннымъ зрѣлищемъ, толпилось около Воскресенскихъ воротъ. Таково было здѣсь торжественное открытіе гимназіи Московскаго Университета, (22) подъ сѣнію Иверскія Божіей Матери.

Заключимъ обозрѣніе Воскресенскихъ воротъ желаніемъ, чтобы теперь на нихъ поставлена была прежде

---

(21) Записки Желябужскаго, стр. 86, въ Запискахъ Русскихъ людей Спб. 1841 г. въ 8. Дѣянія Петра Великаго, соч. *Голикова*, изд. 2. М. 1837. стр. 54 и 55.

(22) С. Петербургскія вѣдомости 1755 г. № 39.

стоявшая Св. икона Воскресенія Христова, по коей онѣ наименованы *Воскресенскими.* (23) Объ этомъ мы уже говорили лѣтъ за восемь, основываясь на указѣ 1680 г. строителя этихъ первенствующихъ воротъ Китай-города, надъ коими даже и донынѣ видны устроенныя мѣста или падины, обнаруживающія отсутствіе Св. иконъ. Ворота сіи, вѣроятно, лишены священнаго украшенія въ Троицкій пожаръ 1737 г., когда огонь, разлившійся изъ Кремля по всему Китаю, коснулся и Воскресенскихъ воротъ. Архитекторы, возобновлявшіе послѣ пожара это зданіе, видно еще не знали объ указѣ Царя Θеодора Алексѣевича, назначившаго, какія именно Св. иконы поставить надъ воротами; (24) кромѣ сего, при торжественныхъ случаяхъ, въ царствованіе Анны, Елисаветы, Петра III и Екатерины II, стѣны воротъ обставляемы были аллегорическими картинами и статуями изъ міра миθическаго, при коихъ уже не было мѣста Св. образамъ.

Если на всѣхъ главныхъ воротахъ Кремля и Китая поставлены тѣ Св. иконы, въ честь коихъ онѣ именуются, (25) и предъ ними привѣшенные спускаемы на

---

(23) см. Вѣдомости Москов. город. полиціи 1852 г. №№ 26, 27 и 28.

(24) Книга Пушкарскаго приказа 1680 г. № 195, скоропис. въ л., бывшая въ библіотекѣ П. Н. Царскаго, теперь въ библіотекѣ у графа А. С. Уварова.

(25) Скажутъ, что теперь нѣтъ соименной Варварскимъ воротамъ Св. иконы Великом. Варвары; но онѣ недавно раздѣланы въ стѣнѣ ограды; а проѣзды были въ башнѣ на югъ, сѣверъ и востокъ, какъ показываютъ закладенныя къ ней арки и пробои съ крюками въ стѣнахъ ея. На сѣверной стѣнѣ башни, обращенной къ Бѣлому-городу, поставлена чудотворная икона Боголюбскія Божіей Матери, а на восточной, обращенной къ Китаю-городу, образъ Св. Василія Блажен-

шнурѣ фонари со свѣчами, или лампадами: то неужели на однѣхъ Воскресенскихъ останутся опустѣлыя иконныя мѣста безъ Св. иконъ? Возстановленіе тамъ святынь будетъ не однимъ только историческимъ воспоминаніемъ, но и постояннымъ, назидательнымъ побужденіемъ обращаться съ молитвой къ Богу, хранящему «вхожденіе и исхожденіе вѣрующихъ, исповѣ«дающихъ во вратѣхъ Святѣйшее Его имя.» (26) Такой благочестивой мысли, безъ сомнѣнія, обязанъ происхожденіемъ христіанскій обычай освящать ворота города и даже домовъ поставленіемъ Св. иконъ, видимымъ образомъ напоминающимъ невидимаго Бога и Святыхъ Его,—обычай при входѣ и выходѣ въ воротахъ жилища своего ограждать себя въ напутствіе крестнымъ знаменіемъ. Ежели проѣзжающіе чрезъ ворота въ каретахъ не могутъ усмотрѣть на нихъ Св. иконы: за то проходящіе симъ путемъ православные, помолясь Святой Вратарницѣ въ приворотной часовнѣ, поклонятся и надворотнымъ святынямъ, когда онѣ займутъ подобающее имъ мѣсто.

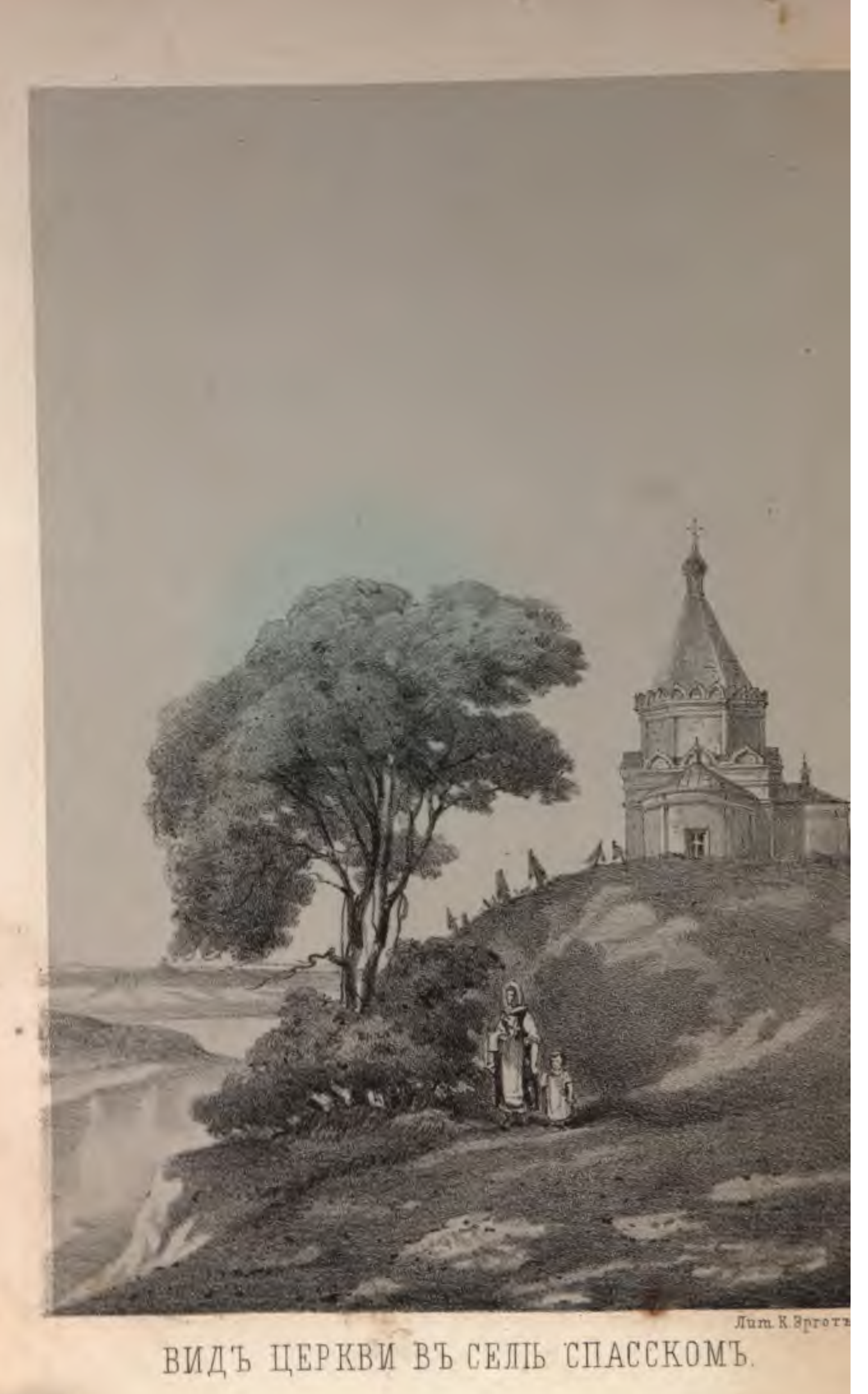
—

наго, по которому и ворота назывались Васильевскими: они вели на *Васильевскій лугъ*, гдѣ нынѣ Воспитательный домъ.

(26) *Псал.* CX, 8. *Псал.* IX, 15.

Дозволено цензурою. Москва, 24-го Марта. 1864 г.

Въ Типографіи Бахметева.

Лит. К. Эрготъ

ВИДЪ ЦЕРКВИ ВЪ СЕЛѢ СПАССКОМЪ.

ТУШИНСКІЙ ВОРЪ. (*)

I.

По большой дорогѣ отъ Москвы въ города заштатный Воскресенскъ и уѣздный Волоколамскъ, въ 15 верстахъ отъ столицы, на низменномъ мѣстѣ, близь Москвы рѣки, въ два ряда избъ излучисто тянется селеніе Тушино до самой рѣки Всходни.

Въ 1382 году оно принадлежало знатному Кіевскому вельможѣ Родіону Нестеровичу Квашнѣ, который спасъ жизнь великому князю Іоанну Даниловичу въ битвѣ съ Тверитянами подъ Переславлемъ и за это получилъ «*въ область кругъ рѣки Всходни на 15 верстахъ*.» Въ 1536 году село это перешло во владѣніе храбраго воеводы *Тушина*, отъ котораго, вѣроятно, и получило свое прозваніе. По кончинѣ воеводы Тушина, оно досталось по наслѣдству дочери его княгинѣ Телятевской. Она, по постриженіи въ 1570 г. въ монахини, отказала въ духовной *свою отчину* Преображенскому монастырю на поминъ усопшихъ отца своего и брата Тушиныхъ.

(*) Окончаніе этой статьи помѣщается въ десятомъ выпускѣ,

От Тушина, на протяженіи почти двухъ верстъ, лежитъ отлогая возвышенность, называемая *старою горою*. Она съ лѣвой стороны отъ большой дороги образуетъ высокій берегъ надъ Москвою рѣкою, съ котораго, представляются взору живописныя окрестности. Здѣсь на этомъ обрывистомъ берегѣ, существовалъ Спасо-Преображенскій монастырь, состоявшій въ зависимости отъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры. Время учрежденія этого монастыря неизвѣстно. Въ выпискѣ изъ лѣтописей княженія Василія Дмитріевича, подъ 1390 годомъ упомянуто такъ: «*весною, въ великій постъ, умеръ Иванъ Родіоновичь* (сынъ Кіевскаго вельможи Квашни), названный *въ монашествѣ Игнатіемъ и погребенъ въ монастырѣ на Всходнѣ.*» Слѣдовательно эта древняя обитель существовала еще до 1390 года и подверглась раззоренію въ смутныя времена Тушинскаго вора. Изъ монастырскихъ зданій оставались въ первой половинѣ XVII вѣка только двѣ разграбленныя церкви; вотъ что находимъ мы объ немъ въ писцовыхъ книгахъ 7131 (1623) и 7132 (1624) годовъ: «*Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря вотчина село, что былъ монастырь Всходня, на рѣкѣ на Москвѣ, а въ немъ церковь Преображенія Господня съ трапезою каменною, раззоренъ, да другая церковь Андрея Стратилата каменная шатромъ вверхъ*». Мѣстное преданіе, кажется, не безошибочно сохранило извѣстіе, что когда-то Преображенская церковь была близка къ разрушенію и бывшій въ ней престолъ замѣнилъ мѣсто престола Андрея Стратилата. Самая же церковь подверглась разрушенію, такъ что не осталось и слѣдовъ ея существованія. Въ настоящее время отъ всего монастыря видѣнъ только кой-гдѣ щебень и мусоръ, мѣстами подъ

землею встрѣчается кирпичный фундаментъ. Вся мѣстность, на которой расположенъ былъ монастырь, совершенно измѣнилась; она была ровная, а теперь съ юго-восточной и юго-западной сторонъ вѣшнія воды прорыли два глубокіе оврага до уровня Москвы-рѣки и церковь, которую мы представляемъ въ рисункѣ, стоитъ на обрывистомъ треугольникѣ, заключающемъ въ себѣ не болѣе 300 квадратныхъ саженъ. Обрывъ къ Москвѣ рѣкѣ у самой церкви, грозитъ опасностію храму Божію, земля съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе осыпается и если не обратятъ со временемъ на это вниманія, то церковь рушится въ Москву рѣку.

Съ уничтоженіемъ монастыря и гораздо послѣ, церковь Преображенская сдѣлалась приходскою, и тогда устроили при ней деревянную трапезу съ придѣломъ Преподобнаго Сергія, въ память бывшей зависимости монастыря отъ Свято-Троицкія Сергіевы лавры. Близь церкви расположено селеніе *Спасское*. До начала настоящаго столѣтія церковныя колокола висѣли надъ алтаремъ на звонницѣ, подъ аркою, на кирпичныхъ столбахъ и звонили съ земли. Въ 1804 году, вмѣсто деревянной трапезы, устроена каменная и въ то же время, по возведеніи колокольни, нынѣ существующей, столбы и арка надъ алтаремъ разобраны, старые колокола перелиты. Въ 1849 году стараніемъ бывшаго священника этой церкви Алексѣя Касаткина и усердіемъ прихожанъ, распространена трапеза и устроенъ придѣлъ. При церкви не сохранилось ни древнихъ утварей, ни книгъ; замѣчателенъ по древности образъ Рождества Богородицы. На погостѣ монастырскомъ, какъ видно, были надгробные камни; два изъ нихъ, вырытые неизвѣстно кѣмъ и когда, лежатъ при входѣ

въ храмъ съ сѣверной стороны, надписи на нихъ изгладились совершенно. Еще сохранились камни: одинъ, замѣняющій подоконницу въ алтарѣ; на немъ уцѣлѣло слѣдующее: «преставися рабъ Божій Анфимъ;» но ни званія усопшаго, ни времени его преставленія не обозначено; другой, при входѣ въ трапезу, на немъ читаемъ: «лѣта 6100 (1592) Іюля 10 преставися Пелагея Третнева.» Упомянутый нами священникъ Касаткинъ, разсказывалъ своимъ дѣтямъ, что во время постройки каменной трапезы, при рытіи ямы, для творенія извести, на глубинѣ двухъ аршинъ, найдена была большая каменная плита съ древнею надписью. Ее не тронули съ мѣста; но священнику удалось прочесть только время кончины погребеннаго — будто бы 1390 годъ. Кто знаетъ, не надгробный ли это камень Ивана Родіоновича Квашни? Много подобныхъ камней употреблено было на фундаментъ трапезы и колокольни, много такихъ, можетъ быть, скрывается еще и теперь подъ землею.

За селомъ Спасскимъ, въ разстояніи четверти версты, между молодымъ березникомъ, видно до 50 кургановъ вышиною отъ 5 до 7 аршинъ. Старожилы говорятъ, что они съ того времени, *какъ воевали Поляки*. Крестьянинъ, думая найдти кладъ, разрылъ одинъ изъ кургановъ; но вмѣсто сокровищь, нашелъ однѣ только человѣческія кости.

На сѣверѣ въ близкомъ разстояніи отъ села Спасскаго есть покатистая возвышенность, которая слыветъ подъ названіемъ *Цариковой горы*; при скатѣ ея у рѣки Всходни, по дорогѣ въ село Братцово, она принимаетъ наименованіе *Святой горы*. Почему? не сохранилось въ преданіи.

Отъ Тушина по пути къ селу Спасскому, вправо

отъ большой дороги, возлѣ высокаго и крутаго берега рѣки Всходни, былъ монастырскій скотный дворъ. Отъ него остался только рытый, въ видѣ прямоугольника, прудъ, окруженный землянымъ валомъ; прудъ и теперь еще наполненъ водою.

Въ самомъ селѣ Тушинѣ была когда-то церковь въ честь Рождества Богородицы. По преданіямъ, уже болѣе ста лѣтъ какъ она не существуетъ и храмовая икона перенесена въ приходскую Спасо-Преображенскую церковь, гдѣ она и теперь находится, какъ мы выше замѣтили, на южной стѣнѣ при входѣ изъ трапезной въ настоящую церковь. Тамъ же, гдѣ стояла прежде церковь въ Тушинѣ, на деревянномъ срубѣ, покрытомъ тесовою крышей, водруженъ ея надглавный крестъ. Сюда, по усердію прихожанъ, съ давняго времени, совершаются изъ Спасо-Преображенской церкви крестные ходы 20 Іюля, 6 Августа и 8 Сентября.

Вся эта, описанная нами мѣстность, памятна въ исторіи нашего отечества временемъ *Тушинскаго вора*.

Мы передадимъ вкратцѣ эти событія. 17 Мая 1606 года въ день убійства Лжедимитрія, одинъ изъ убійцъ Ѳедора Годунова, Михайло Молчановъ, съ двумя поляками бѣжалъ изъ Москвы къ Литовскимъ границамъ, разглашая по дорогамъ, что онъ Царь Димитрій, спасается изъ Москвы и что вмѣсто его убили ошибкою другаго человѣка. Онъ достигъ *Самбора*, гдѣ жила мать Марины Мнишекъ и съ согласія ея продолжалъ распространять въ народѣ свою выдумку. Слухи о спасеніи Царя Димитрія дошли до Путивльскаго воеводы князя Григорія Шаховскаго, который былъ личнымъ врагомъ Василія Ивановича Шуйскаго, возведеннаго на царскій престолъ послѣ Лжедимитрія. По влі-

янію Шаховскаго, Путивль объявилъ себя за *спасеннаго* Царя Димитрія. Къ Путивлю пристали другіе сѣверскіе города.

Смуты, которые могли бы прекратиться съ уничтоженіемъ Лжедимитрія, снова захватили всю Россію. Шуйскій послалъ увѣщевать сѣверскіе города—они не слушались. Послали войско. Князь Иванъ Михайловичь Воротынскій осадилъ Елецъ, князь Юрій Трубецкой Кромы; но подъ Кромами, Болотниковъ (*) съ 1300 человѣкъ разбилъ 5000 царскаго войска, бывшаго подъ начальствомъ Трубецкаго. Служилые люди, составлявшіе тогда царское войско, не хотѣли больше сражаться, разъѣхались по домамъ и возстаніе на югѣ сдѣлалось повсемѣстное. Боярскій сынъ сотникъ Истома Пашковъ возмутилъ Тулу, Веневъ, Каширу; взбунтовалось противъ Шуйскаго и княжество Рязанское, въ главѣ бунта были воеводы Григорій Сунбуловъ и дворянинъ Прокофій Ляпуновъ. Сверхъ того 20 городовъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Орловской, Калужской и Смоленской передались на сторону новаго Самозванца. Возмутились холопы и крестьяне на восточной Украйнѣ, въ странахъ приволжскихъ, въ Украйнѣ сѣверской. Къ нимъ присоединились инородцы. Нижній-Новгородъ былъ осажденъ Мордвою, холопами и крестьянами. Волненіе ко-

(*) Болотниковъ,—холопъ Черниговскаго воеводы князя Андрея Телятевскаго, въ молодости былъ въ плѣну у турокъ. Освободившись, бѣжалъ въ Венецію, оттуда въ 1606 году пробрался въ Польшу. Здѣсь онъ представился къ Молчанову и посланъ былъ отъ него какъ царскій повѣренный къ Шаховскому, который далъ ему начальство надъ отрядомъ войскъ. Болотниковъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сподвижниковъ новаго Самозванца и набиралъ для него войска.

снулось областей Вятской, и Пермской. Князь Хворостининъ, въ Астрахани, сталъ за Самозванца.

Но гдѣ же былъ этотъ Самозванецъ, за котораго поднимались сѣверскіе и другіе города? Молчановъ, какъ мы видѣли, былъ въ Самборѣ. Князь Шаховской, руководившій этимъ дѣломъ, послалъ изъ Тулы звать къ себѣ Молчанова. Но Молчановъ не согласился принять на себя эту роль — и князь Шаховской послалъ за другимъ Самозванцемъ, къ казакамъ, за царевичемъ Петромъ. Замѣчательно, что казакамъ въ это смутное время особенно нравились Самозванцы, и такимъ образомъ въ Астрахани объявился Царевичь Августъ, потомъ князь Иванъ, сказался сыномъ Грознаго отъ Колтовской; тамъ же явился Царевичь Лаврентій, сказался внукомъ Грознаго отъ Царевича Ивана; въ степныхъ юртахъ явились: Царевичь Ѳедоръ, Царевичь Клементій, Царевичь Савелій, Царевичь Семенъ, Царевичь Василій, Царевичь Ерошка, Царевичь Гаврилка, Царевичь Мартынка, — все сыновья Царя Ѳедора Іоанновича.

Царевичь Петръ, съ которымъ казаки, отправлялись въ Москву еще при жизни Лжедимитрія, узнавши о смерти его возвратились было домой, но по вызову Шаховскаго, явились съ Запорожцами въ Тулу. Здѣсь сосредоточились всѣ военныя силы Самозванца и были уже многочисленны.

Шуйскій собралъ 100000 войска и 21 Мая 1607 году выступилъ самъ изъ Москвы, предводительствуя оными. При рѣкѣ Вормсѣ онъ одержалъ побѣду и Шаховской, Болотниковъ и Лжедимитрій скрылись въ Тулу. Царь осадилъ этотъ городъ. Осажденные, въ отчаяніи писали въ Польшу къ друзьямъ *Мнишка*, чтобъ поскорѣе вы-

сылали какого-нибуть самозванца Лжедимитрія. «Отъ границы до Москвы все наше», писали они, «придите и возмите, только избавте насъ отъ Шуйскаго».

Поляки отыскали Самозванца, который въ исторіи нашей извѣстенъ подъ прозваніемъ *Тушинскаго вора*. Откуда былъ этотъ человѣкъ и кто-такой, никто не зналъ навѣрное. Ходили разные слухи; одни говорили, что онъ поповъ сынъ Матвѣй Веревкинъ изъ Сѣверской страны, другіе, что онъ поповичь Дмитрій изъ Москвы отъ церкви Знаменія на Арбатѣ, другіе, что онъ сынъ князя Курбскаго, иные Царскій дьякъ—школьный учитель Иванъ изъ города Сокола, другіе, что онъ жидъ, иные, что онъ сынъ Стородубскаго служилаго человѣка. Одно только вѣрно, что этотъ второй Лжедимитрій не былъ похожъ на перваго, и былъ человѣкъ грамотный, начитанъ въ Священномъ Писаніи. Иностранные писатели называютъ его, безбожнымъ, грубымъ, жестокимъ, коварнымъ, развратнымъ, способнымъ къ преступленіямъ всякаго рода, недостойнымъ носить имя даже и ложнаго государя.

Впервые онъ показался въ Бѣлорусскомъ мѣстечкѣ Пропойскѣ, гдѣ былъ схваченъ какъ лазутчикъ и посаженъ въ тюрьму. Здѣсь онъ объявилъ о себѣ, что онъ Андрей Андреевичь Нагой, родственникъ убитаго на Москвѣ Царя Димитрія, скрывается отъ Шуйскаго и просилъ, чтобъ его отослали въ Стародубъ. Просьба его была исполнена. Изъ Стародуба Самозванецъ послалъ товарища своего подъячаго Александра Рукина разглашать по Сѣверскимъ городамъ, что Царь Димитрій живъ и въ Стародубѣ. Въ Путивлѣ жители обратили вниманіе на разсказы Рукина и послали дѣтей боярскихъ въ Стародубъ удостовѣриться въ правдѣ. Мнимый *Нагой* на-

чалъ отпираться. Стародубцы пригрозили ему пыткою и хотѣли уже его брать, но Самозванецъ схватилъ палку и закричалъ: Ахъ, вы... б... дѣти! еще вы меня незнаете. Я государь!» Стародубцы упали ему въ ноги и закричали: «виноваты, Государь, передъ тобою.»

Стородубцы начали давать деньги своему Государю и разсылали по другимъ городамъ грамоты, чтобъ высылали къ нимъ ратныхъ людей на помощь Царю. Самозванецъ же, съ своей стороны, посылалъ грамоты къ Литовскимъ городамъ съ просьбою о помощи: «въ первый разъ», писалъ онъ, «я съ Литовскими людьми Москву взялъ, хочу и теперь идти къ ней съ ними же.»

Собралась къ Самозванцу дружина, онъ поставилъ начальникомъ надъ нею поляка Мѣховецкаго. Въ концѣ Августа пришелъ къ нему изъ Литвы панъ Будзило, хорунжій Мозырскій, но дружина была еше малочисленна и Лжедимитрій не могъ идти на освобожденіе Тулы, куда призывали его, какъ мы видѣли, Шаховской, Болотниковъ и лже-Петръ.

Это замедленіе рѣшило судьбу мятежниковъ.

Муромскій боярскій сынъ Кровковъ, или Кравковъ предложилъ Шуйскому затопить Тулу, запрудивъ рѣку Упу—Царь согласился; тогда Кровковъ велѣлъ каждому изъ ратныхъ людей привести по мѣшку съ землею и началъ прудить рѣку; вода обступила городъ, влилась внутрь его, пресѣкла всѣ сообщенія жителей съ окрестностями. Насталъ голодъ и Болотниковъ съ лже-Петромъ 10 Октября 1607 года сдались Царю съ условіемъ помилованія. Не смотря на данное Царемъ обѣщаніе, Болотникова сослали въ Каргополь и тамъ утопили; Ша-

ховскаго сослали на Кубенское озеро въ пустынь; лже-Петра повѣсили, объ участи Телятевскаго мало извѣстно.

Шуйскій, вмѣсто того, чтобъ двинуться на Самозванца и истребить его, возвратился съ торжествомъ въ Москву.

Между тѣмъ Самозванецъ набралъ до трехъ тысячь войска, пришелъ подъ Козельскъ и здѣсь напавъ въ расплохъ, разбилъ отрядъ царскаго войска. Потомъ къ нему присоединились изъ Кіевской Украйны Воловской съ 1000 человѣками отъ князя Романа Рожинскаго, Тышкевичь съ 1000 человѣками поляковъ, князь Вишневскій, знаменитый Лисовскій и другіе. Самозванецъ засѣлъ въ Орлѣ. Присоединились еще 3000 Запорожцевъ и 5000 Донцевъ подъ начальствомъ Заруцкаго.

Въ Маѣ 1608 года Самозванецъ взялъ Болховъ. Отсюда черезъ Козельскъ, Калугу, Можайскъ и Звенигородъ Лжедимитрій шелъ къ Москвѣ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія. Царь выслалъ было противъ него войско подъ начальствомъ князя Скопина-Шуйскаго и Ивана Никитича Романова. Они расположились на рѣкѣ Незнани между Москвою и Калугою, но въ войскѣ открыли заговоръ: князья Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкой и Иванъ Троекуровъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, хотѣли передаться Самозванцу, заговорщиковъ схватили, пытали, знатныхъ разослали въ города по тюрьмамъ, незнатныхъ казнили; но Царь велѣлъ войску не встрѣчать Самозванца, а идти къ Москвѣ.

1 Іюня 1608 года Лжедимитрій съ войскомъ своимъ приблизился къ столицѣ и остановился надъ рѣкою

Москвою, — потомъ перешли рѣку и остановились у села Тайнинскаго, потомъ отправился на Тверскую дорогу, разбилъ здѣсь царское войско и перешелъ на Волоколамскую дорогу; здѣсь онъ наконецъ выбралъ удобное мѣсто для стана въ *Тушинѣ*, между рѣками Москвою и Всходнею. Царское войско въ числѣ 70 тысячь стояло въ это время на рѣкѣ Ходынкѣ, самъ Царь съ дворомъ и отборными полками стоялъ на Прѣснѣ. Гетманъ Рожинской, начальствовавшій войсками Самозванца, рѣшился вступить въ Москву; напалъ на Царское войско, ночью, врасплохъ, захватилъ весь обозъ и гналъ бѣгущихъ до самой Прѣсни; но тутъ бѣгущіе, подкрѣпленные полками царскими, остановились, и въ свою очередь, погнали Поляковъ вплоть до рѣки Химки; здѣсь Поляки остановились и ударили на Русскихъ,—отогнали ихъ за Ходынку, а сами возвратились въ свой *Тушинскій станъ*. Опасаясь нападенія, они окопали свой станъ, обставили частоколомъ, подѣлали башни и ворота.

Неуспѣвъ овладѣть Москвою, Самозванецъ къ зимѣ укрѣпился въ Тушинѣ; у него въ это время собралось польскаго коннаго войска 18.000, пѣхоты 2000, казаковъ Запорожскихъ 13.000, Донскихъ 15.000, кромѣ Русскихъ людей, которыхъ Поляки не любили держать въ станѣ, не довѣряя имъ.

Польскихъ купцовъ бывало иногда при Тушинѣ тысячь до трехъ, они стояли особымъ станомъ.

Къ зимѣ начали рыть землянки, для лошадей подѣлали стойла изъ хворосту и соломы. Для продовольствія подѣлили завоеванныя волости между отрядами и огромные обозы по первому пути потянулись къ Тушину, — везли чего только душа хотѣла, говоритъ

одинъ изъ Тушинскихъ Поляковъ писателей. Потомъ наскучило жить въ землянкахъ, начали брать изъ ближнихъ деревень избы и ставить ихъ въ обозѣ у инаго было двѣ и три избы, а въ землянкахъ устроили погреба. Сюда пріѣхали къ нему Марина Мнишекъ съ отцомъ своимъ, снова промышлять Русскую Царскую Корону. Царю, царицѣ и Мнишку построили среди стана хоромы, жить имъ было просторно, и станъ Тушинской превратился въ городъ.

Марина Мнишекъ съ отцомъ своимъ, послѣ истребленія Гришки Отрепьева, сперва находилась въ Москвѣ, потомъ была отправлена съ родственниками въ Ярославль, а отсюда, когда заключенъ былъ договоръ съ Польшею, ее и отца отпустили въ Польшу, подъ прикрытіемъ тысячнаго отряда. Самозванецъ послалъ Зборовскаго перехватить ее. Зборовскій нагналъ Мнишка подъ Бѣлою, разбилъ провожавшій его Московскій отрядъ и воротилъ Мнишка съ семействомъ. Но Марина не хотѣла ѣхать прямо въ Тушино, а отправилась сперва въ станъ Сапѣги и оттуда только, послѣ заключенія различныхъ условій, явилась въ Тушино и неизвѣстнаго бродягу, совершенно непохожаго даже лицомъ на Гришку Отрепьева, признала прежнимъ своимъ мужемъ, Царемъ Димитріемъ.

Сапѣга съ Лисовскимъ отправились осаждать Троицкій монастырь.

Страшное было для Россіи время. Два Царя! одинъ въ Тушинѣ, другой въ Москвѣ. Не доставало еще другаго Патріарха, чтобы мутить болѣе Россію, Тушинской воръ и это сдѣлалъ. Въ Тушино привезенъ былъ изъ плѣну Ростовскій Митрополитъ Филаретъ Никитичь Романовъ. Самозванецъ принудилъ его объявить себя Патріархомъ

Московскимъ и разсылать грамоты по своему Патріаршеству, т. е. по областямъ, признававшимъ Самозванца.

Вскорѣ начались въ Тушинѣ несогласія. Полякъ Мѣховецкій врагъ Рожинскаго, пріѣхалъ въ Тушино съ видами начальствовать войскомъ. Зная вражду Рожинскаго, онъ скрывался въ домѣ Самозванца. Рожинскій явился съ своими товарищами въ домѣ и убилъ Мѣховецкаго. Самозванецъ разсердился, но Рожинскій велѣлъ ему сказать, что и ему свернетъ голову. Шатко было положеніе Самозванца между Поляками, возстановилъ онъ противъ себя и города Русскіе, ему преданныя, не сдержавъ своего обѣщанія.

Въ первое время онъ объявилъ обѣщаніе покорившимся городамъ: Царское жалованье, деньги, помѣстья, духовенству тарханныя грамоты и освобожденіе отъ всѣхъ Царскихъ податей и сборовъ. Теперь же онъ разослалъ въ каждый городъ по Поляку и Русскому съ грамотами о сборѣ разныхъ податей. Поляки (въ Ярославлѣ) врывались въ дома знатныхъ людей, въ лавки къ купцамъ, брали товары безъ денегъ, обижали простой народъ на улицахъ. Жестокость и безнравственныя неистовства Поляковъ надъ жителями городовъ и селъ ожесточали Русскій народъ. Много пролилось крови на землѣ Русской!

И въ самой Москвѣ было неспокойно. Шуйскаго не любили и въ Февралѣ 1609 года сдѣлано было нѣсколько неудавшихся попытокъ къ сверженію его съ престола. Объ этомъ знали въ Тушинѣ подробно черезъ перебѣжчиковъ изъ Москвы, а столица спаслась только потому, что въ Тушинѣ вся зима 1608-1609 года прошла въ смутахъ, бунтахъ, что и помѣшало Самозванцу дѣйствовать рѣшительно противъ Москвы.

При томъ и силы Самозванца были раздѣлены подъ Новгородомъ, подъ Троицкою лаврою, подъ Коломною, по большимъ дорогамъ къ Москвѣ. Подъ Москвою происходили стычки частыя и мѣлкія, въ одной изъ нихъ Рожинскій получилъ тяжелую рану, отъ которой послѣ никогда не могъ оправиться.

Лѣтомъ, въ самый Троицынъ день, Тушинцы подошли было къ Москвѣ, но Царь выслалъ противъ нихъ всё свое войско съ пушками и гуляй-городами (подвижные дубовые городки на возахъ, въ которыхъ сидѣли стрѣльцы и стрѣляли въ отверстія). Сперва Поляки одержали побѣду, овладѣли гуляй-городками, но потомъ Москвичи отбили городки и ворвались было въ самое Тушино, но здѣсь, на Химкѣ, ихъ остановилъ Заруцкой своими Донскими казаками. Много Поляковъ было взято Москвичами, и Царь послалъ въ Тушино предложеніе Полякамъ, что онъ плѣнныхъ ихъ освободитъ, только чтобъ Поляки покинули Самозванца и вышли изъ Московскаго Государства. Поляки отвѣчали: «скорѣе помрёмъ, чѣмъ наше предпріятіе оставимъ; дороги намъ наши родные и товарищи, но еще дороже добрая слава.»

Между тѣмъ Шуйскій заключилъ договоръ съ Швеціею, которая обязывалась дать Царю въ помощь 2000 конницы и 3000 пѣхоты подъ начальствомъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Шведы выполнили этотъ договоръ, кромѣ 5000 наемнаго войска выставили еще около 10.000 разноплеменнаго сброда подъ начальствомъ Якова Делагарди. Царь Московскій за эту помощь обязался, между прочимъ, помогать съ своей стороны Королю Шведскому противъ Польши.

—

II.

Договоръ Шуйскаго съ Швеціею возбудилъ негодованіе Польскаго короля и Сигизмундъ послалъ войско на Московское государство съ цѣлію посадить на престолъ Русскій сына своего Владислава. Онъ былъ убѣжденъ въ успѣхѣ: Польскіе послы, возвратившись изъ Москвы, увѣряли короля, что бояре за него, что стоитъ только показаться съ войскомъ въ предѣлахъ Московскихъ и бояре прогонятъ Шуйскаго и возведутъ на престолъ королевича Владислава.

Вступленіе Сигизмунда съ войскомъ въ Россію произвело волненіе въ Тушинѣ. Поляки видѣли, что походъ короля не въ пользу Самозванца. Гетманъ Рожинскій собралъ *Коло* и уговорилъ товарищей дать другъ другу присягу не входить съ королемъ въ переговоры и не оставлять Димитрія. Всѣ потомъ подписали условіе и отправили къ королю пословъ Мархицкаго съ товарищами съ просьбою выдти изъ Московскаго государства и не мѣшать ихъ предпріятію.

Въ это же время и король послалъ въ Тушино своихъ пословъ уговаривать Поляковъ, что имъ лучше служить природному своему Государю, чѣмъ искателю приключеній и что они должны прежде всего заботиться о выгодахъ своего отечества и Литвы. За это обѣщались имъ богатыя награды. Русскимъ король обѣщалъ охраненіе вѣры, обычаевъ, законовъ и имуществъ и тоже награды, если они перейдутъ къ нему. Тушинское посольство имѣло неудачу передъ королемъ и возвратилось. Вскорѣ послѣ нихъ пріѣхали въ Тушино и послы королевскіе. Переговоры сопровождались сильнымъ волненіемъ. Самозванецъ былъ въ это время въ самомъ

унизительномъ положеніи. Поляки ругались надъ нимъ, называя его обманщикомъ, мошенникомъ. Онъ пытался было бѣжать изъ Тушина съ русскими приверженцами, но Рожинскій догналъ его на дорогѣ, и привезъ назадъ въ Тушино, гдѣ и держалъ его подъ строгимъ надзоромъ. Одинъ разъ, 27 Декабря 1609 года, Лжедимитрій рѣшился спросить у Рожинскаго: о чемъ идутъ переговоры съ Королевскими послами? Тотъ въ нетрезвомъ видѣ отвѣчалъ ему: «а тебѣ что за дѣло, за чѣмъ коммисары пріѣхали ко мнѣ? чортъ знаетъ, кто ты таковъ? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ.» При этомъ Рожинскій грозилъ ему даже побоями.

Въ тотъ же день (27 Декабря) ночью, Лжедимитрій рѣшился покинуть Тушино. Переодѣвшись въ крестьянское платье, въ навозныхъ саняхъ, онъ отправился въ Калугу съ шутомъ своимъ Петромъ Кошелевымъ. Онъ остановился въ монастырѣ близь Калуги, и послалъ къ жителямъ города нѣсколькихъ монаховъ съ слѣдующимъ извѣстіемъ: «Поганый король (Польскій) неоднократно требовалъ отъ меня страны Сѣверской, называя ее вмѣстѣ съ Смоленскимъ своею собственностію; но какъ я не хотѣлъ исполнить этого требованія, опасаясь, чтобы не укоренилась тамъ вѣра поганая, то Сигизмундъ задумалъ погубить меня, и уже успѣлъ, какъ я извѣстился, склонить на свою сторону полководца моего Рожинскаго и всѣхъ Поляковъ, находящихся въ моемъ станѣ. Къ вамъ, Калужане, я обращаю слово: отвѣчайте, хотите ли быть мнѣ вѣрны? Если вы согласны служить мнѣ, я пріѣду къ вамъ и надѣюсь, съ помощію Св. Николая, при усердіи многихъ городовъ, мнѣ присягнувшихъ, отмстить не толь-

унизительномъ положеніи. Поляки ругались надъ нимъ, называя его обманщикомъ, мошенникомъ. Онъ пытался было бѣжать изъ Тушина съ русскими приверженцами, но Рожинскій догналъ его на дорогѣ, и привезъ назадъ въ Тушино, гдѣ и держалъ его подъ строгимъ надзоромъ. Одинъ разъ, 27 Декабря 1609 года, Лжедимитрій рѣшился спросить у Рожинскаго: о чемъ идутъ переговоры съ Королевскими послами? Тотъ въ нетрезвомъ видѣ отвѣчалъ ему: «а тебѣ что за дѣло, за чѣмъ коммисары пріѣхали ко мнѣ? чортъ знаетъ, кто ты таковъ? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ.» При этомъ Рожинскій грозилъ ему даже побоями.

Въ тотъ же день (27 Декабря) ночью, Лжедимитрій рѣшился покинуть Тушино. Переодѣвшись въ крестьянское платье, въ навозныхъ саняхъ, онъ отправился въ Калугу съ шутомъ своимъ Петромъ Кошелевымъ. Онъ остановился въ монастырѣ близъ Калуги, и послалъ къ жителямъ города нѣсколькихъ монаховъ съ слѣдующимъ извѣстіемъ: «Поганый король (Польскій) неоднократно требовалъ отъ меня страны Сѣверской, называя ее вмѣстѣ съ Смоленскимъ своею собственностію; но какъ я не хотѣлъ исполнить этого требованія, опасаясь, чтобы не укоренилась тамъ вѣра поганая, то Сигизмундъ задумалъ погубить меня, и уже успѣлъ, какъ я извѣстился, склонить на свою сторону полководца моего Рожинскаго и всѣхъ Поляковъ, находящихся въ моемъ станѣ. Къ вамъ, Калужане, я обращаю слово: отвѣчайте, хотите ли быть мнѣ вѣрны? Если вы согласны служить мнѣ, я пріѣду къ вамъ и надѣюсь, съ помощію Св. Николая, при усердіи многихъ городовъ, мнѣ присягнувшихъ, отмстить не толь-

Циn. К. Эргетъ.

ДРЕВНІЙ ДОМЪ МѢЩАНИНА КОРОБОВА ВЪ КАЛУГѢ.

ко Шуйскому, но и коварнымъ Полякамъ. Въ случаѣ же крайности, готовъ умереть съ вами за вѣру православную: не дадимъ только торжествовать ереси: не уступимъ королю ни двора, ни кола, а тѣмъ менѣе города или княжества!» (*)

Жители Калуги явились въ монастырь съ хлѣбомъ-солью, приняли Димитрія въ городѣ съ торжествомъ, дали ему домъ воеводы Скотницкаго, что нынѣ мѣщанина Коробова (см. рисунокъ) и окружили его царскою пышностію.

Послѣ его отъѣзда, въ Тушинѣ, Русскіе Тушинцы вступили въ конфедерацію съ Польскимъ войскомъ, обязываясь взаимно не оставлять другъ друга и не приставать ни къ бѣжавшему Царику, ни къ Шуйскому и его братьямъ. Послали съ переговорами къ Королю Сигизмунду.

31 Января 1610 года послы отъ Русскихъ Тушинцовъ были торжественно представлены Королю, а 4 Февраля подписали постыдныя условія о 18 пунктахъ—о возведеніи Царевича Владислава на престолъ Царства Русскаго, а пока о повиновеніи наияснѣйшему Королю Польскому и великому князю Литовскому Жигимонту Ивановичу. Что же дѣлала Марина?

Послѣ отъѣзда Самозванца, она пыталась просить у польскихъ начальниковъ войскъ, позволенія ѣхать къ мужу. Ей лично не отказали, но запретили кому бы то ни было сопровождать ее, — она просилась въ Можайскъ, чтобъ ждать тамъ королевскаго пріѣзда, и въ этомъ отказали. Тогда она рѣшилась на поступокъ странный, но объясняемый ея страстною

(*) Рус. Худ. лист. В. Тимма. 1860 г. стр. 95.

ховскаго сослали на Кубенское озеро въ пустынь; лже-Петра повѣсили, объ участи Телятевскаго мало извѣстно.

Шуйскій, вмѣсто того, чтобъ двинуться на Самозванца и истребить его, возвратился съ торжествомъ въ Москву.

Между тѣмъ Самозванецъ набралъ до трехъ тысячь войска, пришелъ подъ Козельскъ и здѣсь напавъ въ расплохъ, разбилъ отрядъ царскаго войска. Потомъ къ нему присоединились изъ Кіевской Украйны Воловской съ 1000 человѣками отъ князя Романа Рожинскаго, Тышкевичь съ 1000 человѣками поляковъ, князь Вишневскій, знаменитый Лисовскій и другіе. Самозванецъ засѣлъ въ Орлѣ. Присоединились еще 3000 Запорожцевъ и 5000 Донцевъ подъ начальствомъ Заруцкаго.

Въ Маѣ 1608 года Самозванецъ взялъ Болховъ. Отсюда черезъ Козельскъ, Калугу, Можайскъ и Звенигородъ Лжедимитрій шелъ къ Москвѣ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія. Царь выслалъ было противъ него войско подъ начальствомъ князя Скопина-Шуйскаго и Ивана Никитича Романова. Они расположились на рѣкѣ Незнани между Москвою и Калугою, но въ войскѣ открыли заговоръ: князья Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкой и Иванъ Троекуровъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, хотѣли передаться Самозванцу, заговорщиковъ схватили, пытали, знатныхъ разослали въ города по тюрьмамъ, незнатныхъ казнили; но Царь велѣлъ войску не встрѣчать Самозванца, а идти къ Москвѣ.

1 Іюня 1608 года Лжедимитрій съ войскомъ своимъ приблизился къ столицѣ и остановился надъ рѣкою

Москвою, — потомъ перешли рѣку и остановились у села Тайнинскаго, потомъ отправился на Тверскую дорогу, разбилъ здѣсь царское войско и перешелъ на Волоколамскую дорогу; здѣсь онъ наконецъ выбралъ удобное мѣсто для стана въ *Тушинѣ*, между рѣками Москвою и Всходнею. Царское войско въ числѣ 70 тысячь стояло въ это время на рѣкѣ Ходынкѣ, самъ Царь съ дворомъ и отборными полками стоялъ на Прѣснѣ. Гетманъ Рожинской, начальствовавшій войсками Самозванца, рѣшился вступить въ Москву; напалъ на Царское войско, ночью, врасплохъ, захватилъ весь обозъ и гналъ бѣгущихъ до самой Прѣсни; но тутъ бѣгущіе, подкрѣпленные полками царскими, остановились, и въ свою очередь, погнали Поляковъ вплоть до рѣки Химки; здѣсь Поляки остановились и ударили на Русскихъ,—отогнали ихъ за Ходынку, а сами возвратились въ свой *Тушинскій станъ*. Опасаясь нападенія, они окопали свой станъ, обставили частоколомъ, подѣлали башни и ворота.

Неуспѣвъ овладѣть Москвою, Самозванецъ къ зимѣ укрѣпился въ Тушинѣ; у него въ это время собралось польскаго коннаго войска 18.000, пѣхоты 2000, казаковъ Запорожскихъ 13.000, Донскихъ 15.000, кромѣ Русскихъ людей, которыхъ Поляки не любили держать въ станѣ, не довѣряя имъ.

Польскихъ купцовъ бывало иногда при Тушинѣ тысячь до трехъ, они стояли особымъ станомъ.

Къ зимѣ начали рыть землянки, для лошадей подѣлали стойла изъ хворосту и соломы. Для продовольствія подѣлили завоеванныя волости между отрядами и огромные обозы по первому пути потянулись къ Тушину, — везли чего только душа хотѣла, говоритъ

одинъ изъ Тушинскихъ Поляковъ писателей. Потомъ наскучило жить въ землянкахъ, начали брать изъ ближнихъ деревень избы и ставить ихъ въ обозѣ у инаго было двѣ и три избы, а въ землянкахъ устроили погреба. Сюда пріѣхали къ нему Марина Мнишекъ съ отцомъ своимъ, снова промышлять Русскую Царскую Корону. Царю, царицѣ и Мнишку построили среди стана хоромы, жить имъ было просторно, и станъ Тушинской превратился въ городъ.

Марина Мнишекъ съ отцомъ своимъ, послѣ истребленія Гришки Отрепьева, сперва находилась въ Москвѣ, потомъ была отправлена съ родственниками въ Ярославль, а отсюда, когда заключенъ былъ договоръ съ Польшею, ее и отца отпустили въ Польшу, подъ прикрытіемъ тысячнаго отряда. Самозванецъ послалъ Зборовскаго перехватить ее. Зборовскій нагналъ Мнишка подъ Бѣлою, разбилъ провожавшій его Московскій отрядъ и воротилъ Мнишка съ семействомъ. Но Марина не хотѣла ѣхать прямо въ Тушино, а отправилась сперва въ станъ Сапѣги и оттуда только, послѣ заключенія различныхъ условій, явилась въ Тушино и неизвѣстнаго бродягу, совершенно непохожаго даже лицомъ на Гришку Отрепьева, признала прежнимъ своимъ мужемъ, Царемъ Димитріемъ.

Сапѣга съ Лисовскимъ отправились осаждать Троицкій монастырь.

Страшное было для Россіи время. Два Царя! одинъ въ Тушинѣ, другой въ Москвѣ. Не доставало еще другаго Патріарха, чтобы мутить болѣе Россію, Тушинской воръ и это сдѣлалъ. Въ Тушино привезенъ былъ изъ плѣну Ростовскій Митрополитъ Филаретъ Никитичь Романовъ. Самозванецъ принудилъ его объявить себя Патріархомъ

Московскимъ и разсылать грамоты по своему Патріаршеству, т. е. по областямъ, признававшимъ Самозванца.

Вскорѣ начались въ Тушинѣ несогласія. Полякъ Мѣховецкій врагъ Рожинскаго, пріѣхалъ въ Тушино съ видами начальствовать войскомъ. Зная вражду Рожинскаго, онъ скрывался въ домѣ Самозванца. Рожинскій явился съ своими товарищами въ домѣ и убилъ Мѣховецкаго. Самозванецъ разсердился, но Рожинскій велѣлъ ему сказать, что и ему свернетъ голову. Шатко было положеніе Самозванца между Поляками, возстановилъ онъ противъ себя и города Русскіе, ему преданныя, не сдержавъ своего обѣщанія.

Въ первое время онъ объявилъ обѣщаніе покорившимся городамъ: Царское жалованье, деньги, помѣстья, духовенству тарханныя грамоты и освобожденіе отъ всѣхъ Царскихъ податей и сборовъ. Теперь же онъ разослалъ въ каждый городъ по Поляку и Русскому съ грамотами о сборѣ разныхъ податей. Поляки (въ Ярославлѣ) врывались въ дома знатныхъ людей, въ лавки къ купцамъ, брали товары безъ денегъ, обижали простой народъ на улицахъ. Жестокость и безнравственныя неистовства Поляковъ надъ жителями городовъ и селъ ожесточали Русскій народъ. Много пролилось крови на землѣ Русской!

И въ самой Москвѣ было неспокойно. Шуйскаго не любили и въ Февралѣ 1609 года сдѣлано было нѣсколько неудавшихся попытокъ къ сверженію его съ престола. Объ этомъ знали въ Тушинѣ подробно черезъ перебѣжчиковъ изъ Москвы, а столица спаслась только потому, что въ Тушинѣ вся зима 1608-1609 года прошла въ смутахъ, бунтахъ, что и помѣшало Самозванцу дѣйствовать рѣшительно противъ Москвы.

При томъ и силы Самозванца были раздѣлены подъ Новгородомъ, подъ Троицкою лаврою, подъ Коломною, по большимъ дорогамъ къ Москвѣ. Подъ Москвою происходили стычки частыя и мѣлкія, въ одной изъ нихъ Рожинскій получилъ тяжелую рану, отъ которой послѣ никогда не могъ оправиться.

Лѣтомъ, въ самый Троицынъ день, Тушинцы подошли было къ Москвѣ, но Царь выслалъ противъ нихъ всё свое войско съ пушками и гуляй-городами (подвижные дубовые городки на возахъ, въ которыхъ сидѣли стрѣльцы и стрѣляли въ отверстія). Сперва Поляки одержали побѣду, овладѣли гуляй-городками, но потомъ Москвичи отбили городки и ворвались было въ самое Тушино, но здѣсь, на Химкѣ, ихъ остановилъ Заруцкой своими Донскими казаками. Много Поляковъ было взято Москвичами, и Царь послалъ въ Тушино предложеніе Полякамъ, что онъ плѣнныхъ ихъ освободитъ, только чтобъ Поляки покинули Самозванца и вышли изъ Московскаго Государства. Поляки отвѣчали: «скорѣе помрёмъ, чѣмъ наше предпріятіе оставимъ; дороги намъ наши родные и товарищи, но еще дороже добрая слава.»

Между тѣмъ Шуйскій заключилъ договоръ съ Швеціею, которая обязывалась дать Царю въ помощь 2000 конницы и 3000 пѣхоты подъ начальствомъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Шведы выполнили этотъ договоръ, кромѣ 5000 наемнаго войска выставили еще около 10.000 разноплеменнаго сброда подъ начальствомъ Якова Делагарди. Царь Московскій за эту помощь обязался, между прочимъ, помогать съ своей стороны Королю Шведскому противъ Польши.

—

II.

Договоръ Шуйскаго съ Швеціею возбудилъ негодованіе Польскаго короля и Сигизмундъ послалъ войско на Московское государство съ цѣлію посадить на престолъ Русскій сына своего Владислава. Онъ былъ убѣжденъ въ успѣхѣ: Польскіе послы, возвратившись изъ Москвы, увѣряли короля, что бояре за него, что стоитъ только показаться съ войскомъ въ предѣлахъ Московскихъ и бояре прогонятъ Шуйскаго и возведутъ на престолъ королевича Владислава.

Вступленіе Сигизмунда съ войскомъ въ Россію произвело волненіе въ Тушинѣ. Поляки видѣли, что походъ короля не въ пользу Самозванца. Гетманъ Рожинскій собралъ *Коло* и уговорилъ товарищей дать другъ другу присягу не входить съ королемъ въ переговоры и не оставлять Димитрія. Всѣ потомъ подписали условіе и отправили къ королю пословъ Мархицкаго съ товарищами съ просьбою выдти изъ Московскаго государства и не мѣшать ихъ предпріятію.

Въ это же время и король послалъ въ Тушино своихъ пословъ уговаривать Поляковъ, что имъ лучше служить природному своему Государю, чѣмъ искателю приключеній и что они должны прежде всего заботиться о выгодахъ своего отечества и Литвы. За это обѣщались имъ богатыя награды. Русскимъ король обѣщалъ охраненіе вѣры, обычаевъ, законовъ и имуществъ и тоже награды, если они перейдутъ къ нему. Тушинское посольство имѣло неудачу передъ королемъ и возвратилось. Вскорѣ послѣ нихъ пріѣхали въ Тушино и послы королевскіе. Переговоры сопровождались сильнымъ волненіемъ. Самозванецъ былъ въ это время въ самомъ

унизительномъ положеніи. Поляки ругались надъ нимъ, называя его обманщикомъ, мошенникомъ. Онъ пытался было бѣжать изъ Тушина съ русскими приверженцами, но Рожинскій догналъ его на дорогѣ, и привезъ назадъ въ Тушино, гдѣ и держалъ его подъ строгимъ надзоромъ. Одинъ разъ, 27 Декабря 1609 года, Лжедимитрій рѣшился спросить у Рожинскаго: о чемъ идутъ переговоры съ Королевскими послами? Тотъ въ нетрезвомъ видѣ отвѣчалъ ему: «а тебѣ что за дѣло, за чѣмъ коммисары пріѣхали ко мнѣ? чортъ знаетъ, кто ты таковъ? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ.» При этомъ Рожинскій грозилъ ему даже побоями.

Въ тотъ же день (27 Декабря) ночью, Лжедимитрій рѣшился покинуть Тушино. Переодѣвшись въ крестьянское платье, въ навозныхъ саняхъ, онъ отправился въ Калугу съ шутомъ своимъ Петромъ Кошелевымъ. Онъ остановился въ монастырѣ близь Калуги, и послалъ къ жителямъ города нѣсколькихъ монаховъ съ слѣдующимъ извѣстіемъ: «Поганый король (Польскій) неоднократно требовалъ отъ меня страны Сѣверской, называя ее вмѣстѣ съ Смоленскимъ своею собственностію; но какъ я не хотѣлъ исполнить этого требованія, опасаясь, чтобы не укоренилась тамъ вѣра поганая, то Сигизмундъ задумалъ погубить меня, и уже успѣлъ, какъ я извѣстился, склонить на свою сторону полководца моего Рожинскаго и всѣхъ Поляковъ, находящихся въ моемъ станѣ. Къ вамъ, Калужане, я обращаю слово: отвѣчайте, хотите ли быть мнѣ вѣрны? Если вы согласны служить мнѣ, я пріѣду къ вамъ и надѣюсь, съ помощію Св. Николая, при усердіи многихъ городовъ, мнѣ присягнувшихъ, отмстить не толь-

Лит. К. Эргетъ.

ДРЕВНІЙ ДОМЪ МѢЩАНИНА КОРОБОВА ВЪ КАЛУГѢ.

ко Шуйскому, но и коварнымъ Полякамъ. Въ случаѣ же крайности, готовъ умереть съ вами за вѣру православную: не дадимъ только торжествовать ереси: не уступимъ королю ни двора, ни кола, а тѣмъ менѣе города или княжества!» (*)

Жители Калуги явились въ монастырь съ хлѣбомъ-солью, приняли Димитрія въ городѣ съ торжествомъ, дали ему домъ воеводы Скотницкаго, что нынѣ мѣщанина Коробова (см. рисунокъ) и окружили его царскою пышностію.

Послѣ его отъѣзда, въ Тушинѣ, Русскіе Тушинцы вступили въ конфедерацію съ Польскимъ войскомъ, обязываясь взаимно не оставлять другъ друга и не приставать ни къ бѣжавшему Царику, ни къ Шуйскому и его братьямъ. Послали съ переговорами къ Королю Сигизмунду.

31 Января 1610 года послы отъ Русскихъ Тушинцовъ были торжественно представлены Королю, а 4 Февраля подписали постыдныя условія о 18 пунктахъ—о возведеніи Царевича Владислава на престолъ Царства Русскаго, а пока о повиновеніи наияснѣйшему Королю Польскому и великому князю Литовскому Жигимонту Ивановичу. Что же дѣлала Марина?

Послѣ отъѣзда Самозванца, она пыталась просить у польскихъ начальниковъ войскъ, позволенія ѣхать къ мужу. Ей лично не отказали, но запретили кому бы то ни было сопровождать ее, — она просилась въ Можайскъ, чтобъ ждать тамъ королевскаго пріѣзда, и въ этомъ отказали. Тогда она рѣшилась на поступокъ странный, но объясняемый ея страстною

(*) Рус. Худ. лист. В. Тимма. 1860 г. стр. 95.

природою: блѣдная, рыдающая, съ распущенными волосами, явилась среди рыцарства и ходя изъ ставки въ ставку убѣждала не покидать ея мужа. Смятеніе въ Тушинскомъ станѣ, возбужденное удаленіемъ Лжедимитрія, усилилось еще болѣе: жолнеры кричали, что королевскіе послы обманули ихъ, удаливъ Димитрія, что теперь уже не отъ кого ожидать имъ награды заслуженной. Донскіе казаки подъ предводительствомъ Трубецкаго и Засѣкина отправились къ Калугѣ, не слушая Атамана Заруцкаго. Но Польскіе старшины бросились за казаками въ погоню, настигли ихъ и разбили на голову, а рыцарство свое удержали въ повиновеніи. Маринѣ не оставалось болѣе ничего, какъ покинуть Тушино. 11 февраля 1610 года она убѣжала изъ лагеря, верхомъ, въ гусарскомъ платьѣ, въ сопровожденіи служанки и нѣсколькихъ сотенъ Донскихъ казаковъ. Въ монастырѣ Іосифа Волоколамскаго она встрѣтилась съ братомъ, уѣхавшимъ за нею изъ Тушина и здѣсь она призналась ему, что была тайно обвѣнчана съ *Царикомъ*. Они пробрались въ Дмитровъ къ Сапѣгѣ; но видя, что и его положеніе не безопасно (Сапѣга былъ осажденъ значительнымъ отрядомъ, принадлежавшимъ къ войскамъ Скопина-Шуйскаго и едва отбивался отъ нападеній непріятеля), Марина отправилась въ Калугу къ Самозванцу. Она ѣхала попеременно то въ саняхъ, то верхомъ, переодѣтая въ мужскомъ польскомъ кафтанѣ изъ краснаго бархату, вооруженная пистолетами и саблею. Проскакавъ 48 нѣмецкихъ миль, она достигла Калуги ночью, послѣ заутрени и назвала себя Дмитріевымъ Каморникомъ, (*) привезшимъ важное из-

(*) Каморникъ,—спальникъ, чертожникъ, постельничій.

вѣстіе, котораго никому, кромѣ Царя, сообщить не можетъ. Лже-Димитрій тотчасъ догадался, велѣлъ казакамъ отворить городскія ворота и впустить мнимаго Каморника. Марина, подъѣхавъ къ крыльцу, соскочила съ коня и всѣ увидѣли Царицу! Пріѣздъ ея произвелъ радость неизъяснимую между приверженцами Самозванца. При Маринѣ пріѣхала только одна Полька, старая панья Казановская; въ Калугѣ Марина «учредила при себѣ новый штатъ изъ Нѣмокъ, которыя не могли нахвалиться ея благосклонностію.» (*)

Рожинскій, послѣ бѣгства Марины, уговаривалъ короля поскорѣе прибыть въ Тушино, но король не двигался изъ подъ Смоленска и не высылалъ въ Тушино никого для переговоровъ. Рожинскій, узнавъ о приближеніи Русскихъ съ Скопинымъ-Шуйскимъ, въ первыхъ числахъ марта 1610 года, оставилъ съ Поляками Тушино и перешелъ къ Волоколамскому монастырю. Выходя онъ сжегъ станъ. Русскіе Тушинцы не пошли за Рожинскимъ, а поѣхали съ повинными, кто въ Москву, кто въ Калугу.

Такъ исчезло это разбойничье гнѣздо, стоившее Россіи столькихъ бѣдствій и крови!

4 Апрѣля 1610 года Рожинскій умеръ въ Волоколамскомъ монастырѣ. Остававшіеся Поляки были выгнаны 21 мая изъ монастыря Русскими войсками и въ это время Русскіе освободили изъ плѣна Ростовскаго Митрополита Филарета Никитича Романова. Онъ возвратился въ Москву.

Самозванецъ пріѣхалъ въ Калугу, былъ принятъ съ хлѣбомъ и солью и окруженъ царскою пышностію; сюда

(*) См. Русс. Худ. лист. В. Тимма 1860 г. стр. 95.

къ нему присоединились князь Шаховской изъ Царева-Займища съ казаками. Съ Тушинскими бѣглецами-Поляками его войско усилилось до 6,200 человѣкъ.

Узнавъ о страшной смерти князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, о томъ, что въ Москвѣ нѣкоторые склонны къ нему, Царику Калужскому, болѣе нежели къ Владиславу, котораго отецъ не отпускалъ еще въ Россію, онъ двинулся къ Москвѣ и остановился у села Коломенскаго.

Тогда начались въ Москвѣ смуты и волненія небывалыя. Служилые люди вели переговоры съ полками Тушинскаго вора и условливались, что Тушинцы отстанутъ отъ своего *Царика*, а Москвичи сведутъ съ престола своего Царя, и возведутъ на престолъ Царевича Владислава. Согласились.

Москвичи исполнили свое слово — свергнули Шуйскаго, но Тушинцы обманули и отвѣчали съ насмѣшкою: «Вы не помните Государева Крестнаго цѣлованія, потому что Царя съ царства ссадили, а мы за своего померетъ ради.»

Тяжело было положеніе Русскаго царства: Польскій король подъ Смоленскомъ, Гетманъ Жолкѣвскій въ Можайскѣ, а Тушинской воръ въ Коломенскомъ. Лучшимъ Русскимъ Московскимъ людямъ не хотѣлось ни покориться вору, ни разорить Православную Христіанскую вѣру царемъ латинскимъ. Имѣли они въ виду и своихъ двухъ кандидатовъ на Царскій престолъ: Князя Василія Васильевича Голицына и четырнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, сына Митрополита Филарета Никитича, но обстоятельства заставили Москву измѣнить этимъ задушевнымъ желаніямъ, притомъ и нѣкогда было созывать соборъ для выбора Царя всею землею;

приходилось выбрать или Владислава, или Тушинскаго вора. У Самозванца были приверженцы въ нижнихъ слояхъ, но бояре и лучшіе люди предвидѣли, что воръ съ своими казаками и *шпынями* городскими, не пощадитъ ихъ имѣній, разграбитъ ихъ, и бояре и лучшіе люди рѣшили призвать на царство Владислава. Образовались двѣ партіи: Захаръ Ляпуновъ былъ на сторонѣ Лжедимитрія и хотѣлъ впустить Самозванцево войско въ Москву. Мстиславскій былъ на сторонѣ Владислава и послалъ сказать Жолкѣвскому, чтобъ онъ шелъ немедленно въ столицу. Въ одно время и Самозванецъ и Жолкѣвскій подходили къ Москвѣ; но первый былъ отбитъ 24 іюля Мстиславскимъ. Жолкѣвскій въ этотъ день уже стоялъ въ семи верстахъ отъ Москвы на лугахъ Хорошевскихъ. Начались переговоры: Жолкѣвскій обѣщался прогнать Самозванца. 27 августа на половинѣ дороги отъ польскаго стана къ Москвѣ, Московскіе жители присягнули Владиславу, на другой день присягали въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи Патріарха. Жолкѣвскій черезъ Сапѣгу предложилъ Самозванцу изъявить покорность Сигизмунду и въ такомъ случаѣ обѣщалъ выпросить ему у Польскаго правительства Самборъ, или Гродно, въ кормленіе. Самозванецъ, или, лучше сказать, жена его Марина, находившаяся тогда съ нимъ въ Угрѣшскомъ монастырѣ, не хотѣла слышать ни объ какихъ условіяхъ. Марина отвѣчала гордо: пусть его величество король уступитъ его величеству Царю Краковъ, тогда его величество Царь отдастъ королю Москву.» Жолкѣвскій составилъ планъ захватить въ расплохъ Самозванца въ монастырѣ; но Самозванцу приверженцы его Московскіе дали знать своевременно объ этомъ и онъ успѣлъ бѣжать съ женою въ Калугу.

Здѣсь онъ былъ убитъ крещенымъ Татариномъ Петромъ Урусовымъ 11 Декабря 1610 года, изъ мести за казнь Самозванцемъ Касимовскаго царя, обвиненнаго передъ нимъ собственнымъ сыномъ въ желаніи вернуться къ Сигизмунду.

Марина, узнавъ о страшномъ убійствѣ своего мужа, бросилась по городу съ рыданіями и воплями, требуя мести за Димитрія. Донскіе казаки кинулись на Татаръ и перерѣзали до 200 человѣкъ. Но за тѣмъ Калужане приняли присягу Владиславу, а Марину взяли подъ стражу. Сапѣга двинулся къ Калугѣ и предложилъ переговоръ; въ это время, 20 Декабря 1710 года, какой-то крестьянинъ принесъ ему письмо отъ Марины, она писала: «Освободите, ради Бога, освободите. Мнѣ даютъ жить только двѣ недѣли. Вы славны, будьте еще славнѣе, спасая несчастную; милость Божія будетъ вамъ вѣчно наградою.» Но Сапѣга простоялъ еще день подъ Калугою и отошелъ назадъ. (*)

Вскорѣ опасное положеніе Марины миновалось. У нея родился сынъ Иванъ; она, изъ честолюбивыхъ замысловъ, измѣнила своей вѣрѣ и крестила его по обрядамъ Православной Церкви. У Калужанъ явился такимъ образомъ свой Царевичь, православный Царевичь, и во главѣ новыхъ его приверженцевъ и Марины сталъ Атаманомъ Донскихъ казаковъ Иванъ Мартыновичъ Заруцкій. Въ 1611 году Заруцкій вмѣстѣ съ Ляпуновымъ и княземъ Трубецкимъ былъ во главѣ ополченія, собиравшагося противъ Поляковъ, которые жгли Москву и неистовствовали въ нашемъ отечествѣ

(*) Статья г. Попова изъ жизни Марины Мнишекъ, Моск. Вѣд. 1857 г. № 106.

въ это страшное, смутное время. Но это ополченіе не состоялось, потому что казаки и вольница, которыми руководилъ Заруцкій, не думали объ общемъ дѣлѣ спасенія отечества, а только о своихъ выгодахъ, грабили и раззоряли по городамъ и областямъ. Въ 1612 году составилось второе ополченіе подъ начальствомъ Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, и когда оно шло къ Москвѣ, Заруцкій, недождавшись прихода его, изъ Коломны, вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ бѣжалъ, разгромивъ городъ, въ Рязанскую область. Черезъ Михайловъ, Переяславль, Заруцкій перешелъ въ Дѣдиловъ, Епифань, Крапивну, Чернь, Ливны, Лебедянь и другіе Украинскіе города, убивая воеводъ, сожигая города.

Въ началѣ 1613 года Москва освобождена отъ поляковъ и на царство избранъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Тогда послали противъ Заруцкаго и Марины Суздальское, Тульское, Рязанское и Владимірское ополченія. Казаки Заруцкаго, услышавъ объ избраніи на престолъ царя Михаила, толпами оставляли его и отъѣзжали въ Москву. Заруцкій съ Мариною и съ оставшимися при немъ казаками направился къ Воронежу. Здѣсь настигли его царскіе воеводы. Послѣ кроваваго сраженія, Заруцкій отбился отъ Московскаго ополченія, и потерявъ обозъ и знамена, бросился за Донъ къ Астрахани, овладѣлъ ею съ помощію Нагайскихъ татаръ, и провелъ тамъ зиму, не тревожимый царскими войсками.

Въ Астрахани Заруцкій распоряжался съ жестокостію какъ разбойникъ: умертвилъ воеводу князя Ивана Дмитріевича Хворостинина; многихъ добрыхъ людей, священниковъ, монаховъ казнилъ и «сажалъ въ воду», имущество ихъ грабилъ; изъ серебрянаго кадила, взятаго

унизительномъ положеніи. Поляки ругались надъ нимъ, называя его обманщикомъ, мошенникомъ. Онъ пытался было бѣжать изъ Тушина съ русскими приверженцами, но Рожинскій догналъ его на дорогѣ, и привезъ назадъ въ Тушино, гдѣ и держалъ его подъ строгимъ надзоромъ. Одинъ разъ, 27 Декабря 1609 года, Лжедимитрій рѣшился спросить у Рожинскаго: о чемъ идутъ переговоры съ Королевскими послами? Тотъ въ нетрезвомъ видѣ отвѣчалъ ему: «а тебѣ что за дѣло, за чѣмъ коммисары пріѣхали ко мнѣ? чортъ знаетъ, кто ты таковъ? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ.» При этомъ Рожинскій грозилъ ему даже побоями.

Въ тотъ же день (27 Декабря) ночью, Лжедимитрій рѣшился покинуть Тушино. Переодѣвшись въ крестьянское платье, въ навозныхъ саняхъ, онъ отправился въ Калугу съ шутомъ своимъ Петромъ Кошелевымъ. Онъ остановился въ монастырѣ близь Калуги, и послалъ къ жителямъ города нѣсколькихъ монаховъ съ слѣдующимъ извѣстіемъ: «Поганый король (Польскій) неоднократно требовалъ отъ меня страны Сѣверской, называя ее вмѣстѣ съ Смоленскимъ своею собственностію; но какъ я не хотѣлъ исполнить этого требованія, опасаясь, чтобы не укоренилась тамъ вѣра поганая, то Сигизмундъ задумалъ погубить меня, и уже успѣлъ, какъ я извѣстился, склонить на свою сторону полководца моего Рожинскаго и всѣхъ Поляковъ, находящихся въ моемъ станѣ. Къ вамъ, Калужане, я обращаю слово: отвѣчайте, хотите ли быть мнѣ вѣрны? Если вы согласны служить мнѣ, я пріѣду къ вамъ и надѣюсь, съ помощію Св. Николая, при усердіи многихъ городовъ, мнѣ присягнувшихъ, отмстить не толь-

Лит. К. Эггеръ.

ДРЕВНІЙ ДОМЪ МѢЩАНИНА КОРОБОВА ВЪ КАЛУГѢ.

ко Шуйскому, но и коварнымъ Полякамъ. Въ случаѣ же крайности, готовъ умереть съ вами за вѣру православную: не дадимъ только торжествовать ереси: не уступимъ королю ни двора, ни кола, а тѣмъ менѣе города или княжества!» (*)

Жители Калуги явились въ монастырь съ хлѣбомъ-солью, приняли Димитрія въ городѣ съ торжествомъ, дали ему домъ воеводы Скотницкаго, что нынѣ мѣщанина Коробова (см. рисунокъ) и окружили его царскою пышностію.

Послѣ его отъѣзда, въ Тушинѣ, Русскіе Тушинцы вступили въ конфедерацію съ Польскимъ войскомъ, обязываясь взаимно не оставлять другъ друга и не приставать ни къ бѣжавшему Царику, ни къ Шуйскому и его братьямъ. Послали съ переговорами къ Королю Сигизмунду.

31 Января 1610 года послы отъ Русскихъ Тушинцовъ были торжественно представлены Королю, а 4 Февраля подписали постыдныя условія о 18 пунктахъ—о возведеніи Царевича Владислава на престолъ Царства Русскаго, а пока о повиновеніи наияснѣйшему Королю Польскому и великому князю Литовскому Жигимонту Ивановичу. Что же дѣлала Марина?

Послѣ отъѣзда Самозванца, она пыталась просить у польскихъ начальниковъ войскъ, позволенія ѣхать къ мужу. Ей лично не отказали, но запретили кому бы то ни было сопровождать ее, — она просилась въ Можайскъ, чтобъ ждать тамъ королевскаго пріѣзда, и въ этомъ отказали. Тогда она рѣшилась на поступокъ странный, но объясняемый ея страстною

(*) Рус. Худ. лист. В. Тимма. 1860 г. стр. 95.

природою: блѣдная, рыдающая, съ распущенными волосами, явилась среди рыцарства и ходя изъ ставки въ ставку убѣждала не покидать ея мужа. Смятеніе въ Тушинскомъ станѣ, возбужденное удаленіемъ Лжедимитрія, усилилось еще болѣе: жолнеры кричали, что королевскіе послы обманули ихъ, удаливъ Димитрія, что теперь уже не отъ кого ожидать имъ награды заслуженной. Донскіе казаки подъ предводительствомъ Трубецкаго и Засѣкина отправились къ Калугѣ, не слушая Атамана Заруцкаго. Но Польскіе старшины бросились за казаками въ погоню, настигли ихъ и разбили на голову, а рыцарство свое удержали въ повиновеніи. Маринѣ не оставалось болѣе ничего, какъ покинуть Тушино. 11 февраля 1610 года она убѣжала изъ лагеря, верхомъ, въ гусарскомъ платьѣ, въ сопровожденіи служанки и нѣсколькихъ сотенъ Донскихъ казаковъ. Въ монастырѣ Іосифа Волоколамскаго она встрѣтилась съ братомъ, уѣхавшимъ за нею изъ Тушина и здѣсь она призналась ему, что была тайно обвѣнчана съ *Царикомъ*. Они пробрались въ Дмитровъ къ Сапѣгѣ; но видя, что и его положеніе не безопасно (Сапѣга былъ осажденъ значительнымъ отрядомъ, принадлежавшимъ къ войскамъ Скопина-Шуйскаго и едва отбивался отъ нападеній непріятеля), Марина отправилась въ Калугу къ Самозванцу. Она ѣхала попеременно то въ саняхъ, то верхомъ, переодѣтая въ мужскомъ польскомъ кафтанѣ изъ краснаго бархату, вооруженная пистолетами и саблею. Проскакавъ 48 нѣмецкихъ миль, она достигла Калуги ночью, послѣ заутрени и назвала себя Дмитріевымъ Каморникомъ, (*) привезшимъ важное из-

(*) Каморникъ, — спальникъ, чертожникъ, постельничій.

вѣстіе, котораго никому, кромѣ Царя, сообщить не можетъ. Лже-Димитрій тотчасъ догадался, велѣлъ казакамъ отворить городскія ворота и впустить мнимаго Каморника. Марина, подъѣхавъ къ крыльцу, соскочила съ коня и всѣ увидѣли Царицу! Пріѣздъ ея произвелъ радость неизъяснимую между приверженцами Самозванца. При Маринѣ пріѣхала только одна Полька, старая панья Казановская; въ Калугѣ Марина «учредила при себѣ новый штатъ изъ Нѣмокъ, которыя не могли нахвалиться ея благосклонностію.» (*)

Рожинскій, послѣ бѣгства Марины, уговаривалъ короля поскорѣе прибыть въ Тушино, но король не двигался изъ подъ Смоленска и не высылалъ въ Тушино никого для переговоровъ. Рожинскій, узнавъ о приближеніи Русскихъ съ Скопинымъ-Шуйскимъ, въ первыхъ числахъ марта 1610 года, оставилъ съ Поляками Тушино и перешелъ къ Волоколамскому монастырю. Выходя онъ сжегъ станъ. Русскіе Тушинцы не пошли за Рожинскимъ, а поѣхали съ повинными, кто въ Москву, кто въ Калугу.

Такъ исчезло это разбойничье гнѣздо, стоившее Россіи столькихъ бѣдствій и крови!

4 Апрѣля 1610 года Рожинскій умеръ въ Волоколамскомъ монастырѣ. Остававшіеся Поляки были выгнаны 21 мая изъ монастыря Русскими войсками и въ это время Русскіе освободили изъ плѣна Ростовскаго Митрополита Филарета Никитича Романова. Онъ возвратился въ Москву.

Самозванецъ пріѣхалъ въ Калугу, былъ принятъ съ хлѣбомъ и солью и окруженъ царскою пышностію; сюда

(*) См. Рус. Худ. лист. В. Тимма 1860 г. стр. 95.

къ нему присоединились князь Шаховской изъ Царева-Займища съ казаками. Съ Тушинскими бѣглецами-Поляками его войско усилилось до 6,200 человѣкъ.

Узнавъ о страшной смерти князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, о томъ, что въ Москвѣ нѣкоторые склонны къ нему, Царику Калужскому, болѣе нежели къ Владиславу, котораго отецъ не отпускалъ еще въ Россію, онъ двинулся къ Москвѣ и остановился у села Коломенскаго.

Тогда начались въ Москвѣ смуты и волненія небывалыя. Служилые люди вели переговоры съ полками Тушинскаго вора и условливались, что Тушинцы отстанутъ отъ своего *Царика*, а Москвичи сведутъ съ престола своего Царя, и возведутъ на престолъ Царевича Владислава. Согласились.

Москвичи исполнили свое слово — свергнули Шуйскаго, но Тушинцы обманули и отвѣчали съ насмѣшкою: «Вы не помните Государева Крестнаго цѣлованія, потому что Царя съ царства ссадили, а мы за своего померети ради.»

Тяжело было положеніе Русскаго царства: Польскій король подъ Смоленскомъ, Гетманъ Жолкѣвскій въ Можайскѣ, а Тушинской воръ въ Коломенскомъ. Лучшимъ Русскимъ Московскимъ людямъ не хотѣлось ни покориться вору, ни разорить Православную Христіанскую вѣру царемъ латинскимъ. Имѣли они въ виду и своихъ двухъ кандидатовъ на Царскій престолъ: Князя Василія Васильевича Голицына и четырнадцатилѣтняго Михаила Өеодоровича Романова, сына Митрополита Филарета Никитича, но обстоятельства заставили Москву измѣнить этимъ задушевнымъ желаніямъ, притомъ и нѣкогда было созывать соборъ для выбора Царя всею землею;

приходилось выбрать или Владислава, или Тушинскаго вора. У Самозванца были приверженцы въ нижнихъ слояхъ, но бояре и лучшіе люди предвидѣли, что воръ съ своими казаками и *шпынями* городскими, не пощадитъ ихъ имѣній, разграбитъ ихъ, и бояре и лучшіе люди рѣшили призвать на царство Владислава. Образовались двѣ партіи: Захаръ Ляпуновъ былъ на сторонѣ Лжедимитрія и хотѣлъ впустить Самозванцево войско въ Москву. Мстиславскій былъ на сторонѣ Владислава и послалъ сказать Жолкѣвскому, чтобъ онъ шелъ немедленно въ столицу. Въ одно время и Самозванецъ и Жолкѣвскій подходили къ Москвѣ; но первый былъ отбитъ 24 іюля Мстиславскимъ. Жолкѣвскій въ этотъ день уже стоялъ въ семи верстахъ отъ Москвы на лугахъ Хорошевскихъ. Начались переговоры: Жолкѣвскій обѣщался прогнать Самозванца. 27 августа на половинѣ дороги отъ польскаго стана къ Москвѣ, Московскіе жители присягнули Владиславу, на другой день присягали въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи Патріарха. Жолкѣвскій черезъ Сапѣгу предложилъ Самозванцу изъявить покорность Сигизмунду и въ такомъ случаѣ обѣщалъ выпросить ему у Польскаго правительства Самборъ, или Гродно, въ кормленіе. Самозванецъ, или, лучше сказать, жена его Марина, находившаяся тогда съ нимъ въ Угрѣшскомъ монастырѣ, не хотѣла слышать ни объ какихъ условіяхъ. Марина отвѣчала гордо: пусть его величество король уступитъ его величеству Царю Краковъ, тогда его величество Царь отдастъ королю Москву.» Жолкѣвскій составилъ планъ захватить въ расплохъ Самозванца въ монастырѣ; но Самозванцу приверженцы его Московскіе дали знать своевременно объ этомъ и онъ успѣлъ бѣжать съ женою въ Калугу.

Здѣсь онъ былъ убитъ крещенымъ Татариномъ Петромъ Урусовымъ 11 Декабря 1610 года, изъ мести за казнь Самозванцемъ Касимовскаго царя, обвиненнаго передъ нимъ собственнымъ сыномъ въ желаніи вернуться къ Сигизмунду.

Марина, узнавъ о страшномъ убійствѣ своего мужа, бросилась по городу съ рыданіями и воплями, требуя мести за Димитрія. Донскіе казаки кинулись на Татаръ и перерѣзали до 200 человѣкъ. Но за тѣмъ Калужане приняли присягу Владиславу, а Марину взяли подъ стражу. Сапѣга двинулся къ Калугѣ и предложилъ переговоръ; въ это время, 20 Декабря 1710 года, какой-то крестьянинъ принесъ ему письмо отъ Марины, она писала: «Освободите, ради Бога, освободите. Мнѣ даютъ жить только двѣ недѣли. Вы славны, будьте еще славнѣе, спасая несчастную; милость Божія будетъ вамъ вѣчно наградою.» Но Сапѣга простоялъ еще день подъ Калугою и отошелъ назадъ. (*)

Вскорѣ опасное положеніе Марины миновалось. У нея родился сынъ Иванъ; она, изъ честолюбивыхъ замысловъ, измѣнила своей вѣрѣ и крестила его по обрядамъ Православной Церкви. У Калужанъ явился такимъ образомъ свой Царевичь, православный Царевичь, и во главѣ новыхъ его приверженцевъ и Марины сталъ Атаманомъ Донскихъ казаковъ Иванъ Мартыновичъ Заруцкій. Въ 1611 году Заруцкій вмѣстѣ съ Ляпуновымъ и княземъ Трубецкимъ былъ во главѣ ополченія, собиравшагося противъ Поляковъ, которые жгли Москву и неистовствовали въ нашемъ отечествѣ

(*) Статья г. Попова изъ жизни Марины Мнишекъ, Моск. Вѣд. 1857 г. № 106.

въ это страшное, смутное время. Но это ополченіе не состоялось, потому что казаки и вольница, которыми руководилъ Заруцкій, не думали объ общемъ дѣлѣ спасенія отечества, а только о своихъ выгодахъ, грабили и раззоряли по городамъ и областямъ. Въ 1612 году составилось второе ополченіе подъ начальствомъ Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, и когда оно шло къ Москвѣ, Заруцкій, недождавшись прихода его, изъ Коломны, вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ бѣжалъ, разгромивъ городъ, въ Рязанскую область. Черезъ Михайловъ, Переяславль, Заруцкій перешелъ въ Дѣдиловъ, Епифань, Крапивну, Чернь, Ливны, Лебедянь и другіе Украинскіе города, убивая воеводъ, сожигая города.

Въ началѣ 1613 года Москва освобождена отъ поляковъ и на царство избранъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Тогда послали противъ Заруцкаго и Марины Суздальское, Тульское, Рязанское и Влидимірское ополченія. Казаки Заруцкаго, услышавъ объ избраніи на престолъ царя Михаила, толпами оставляли его и отъѣзжали въ Москву. Заруцкій съ Мариною и съ оставшимися при немъ казаками направился къ Воронежу. Здѣсь настигли его царскіе воеводы. Послѣ кроваваго сраженія, Заруцкій отбился отъ Московскаго ополченія, и потерявъ обозъ и знамена, бросился за Донъ къ Астрахани, овладѣлъ ею съ помощію Нагайскихъ татаръ, и провелъ тамъ зиму, не тревожимый царскими войсками.

Въ Астрахани Заруцкій распоряжался съ жестокостію какъ разбойникъ: умертвилъ воеводу князя Ивана Дмитріевича Хворостинина; многихъ добрыхъ людей, священниковъ, монаховъ казнилъ и «сажалъ въ воду», имущество ихъ грабилъ; изъ серебрянаго кадила, взятаго

имъ въ Троицкомъ монастырѣ, сдѣлалъ себѣ стремяна; своимъ сотоварищамъ, служилымъ людямъ, вмѣсто жалованья, раздавалъ житницы, лавки и амбары въ гостинномъ дворѣ, лѣсъ, приготовленный для строенія судовъ. Марина жила здѣсь же и разсказывали, что она не велитъ въ колокола къ заутрени рано благовѣстить и звонить, «отъ звону де сынъ полашается». Заруцкій сносился съ Персидскимъ Шахомъ, обѣщая ему отдать низовье Волги, сносился съ кавказскими князьями, съ турецкими властями въ Азовѣ; взялъ у Нагайскаго княза Иштерека и его мурзъ аманатовъ, а въ замѣнъ далъ имъ женъ и дѣтей тѣхъ Астраханскихъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, служилыхъ и жилецкихъ людей, которые служили царю. Нагайцы условились съ нимъ идти весною по Волгѣ подъ Самарской и подъ Казань. Заруцкій надѣялся, что пока еще соберутся Московскіе люди противу него, онъ успѣетъ и Самару взять и надъ Казанью «промыслъ учинить». Онъ полагался на приверженцевъ Астраханцевъ, но между ними уже много было недовольныхъ и враговъ, какъ за его жестокость, такъ и по убѣжденію царскихъ грамотъ, изъ Москвы разосланныхъ въ мартѣ 1613 года.

На вербной недѣлѣ пришли къ Заруцкому Волжскіе казаки, около 500 человѣкъ, взяли у него жалованье и стали на Яру. Заруцкій, съ помощію ихъ, хотѣлъ перебить Астраханскихъ служилыхъ людей и жителей, не оказывавшихъ особенной преданности дѣлу, для этого онъ хотѣлъ выслать семсотъ человѣкъ служилыхъ людей Астраханскихъ на море, а триста человѣкъ въ Карабазу, а остальныхъ, въ заутреню на Свѣтлое Воскресенье убить и утопить, а имущество ихъ разграбить. Узнали объ этомъ Астраханскіе жи-

тели и на Страстной недѣлѣ въ среду въ городѣ завязался бой. У Заруцкаго было всего восемсотъ человѣкъ, Астраханцевъ насчитывалось до трехъ тысячь. Но Заруцкій засѣлъ въ каменномъ городѣ и громилъ Астраханцевъ въ посадѣ; на помощь къ послѣднимъ пришли Терскіе служилые люди съ Стрѣлецкимъ головою Василіемъ Хохловымъ, а вскорѣ ожидали прибытія царскихъ воеводъ; Заруцкій не дождался ихъ, выбѣжалъ изъ городу 12 Мая, ночью, вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ, и сталъ вверхъ по Волгѣ на Нагайской сторонѣ. 14 Мая Заруцкій съ своими товарищами и съ Мариною побѣжалъ Волгою къ морю; когда струги его поравнялись съ городомъ, то Хохловъ напалъ на него, побилъ много казаковъ, многихъ взялъ въ плѣнъ, въ числѣ послѣднихъ попалась панья Казановская та самая, которая, какъ мы видѣли выше, сопровождала Марину изъ лагеря Сапѣги въ Калугу. Вскорѣ Заруцкій повернулъ опять вверхъ въ мелкія притоки Волги въ гребныхъ стругахъ съ своими приверженцами Волжскими казаками.

1 Іюня царскіе воеводы прибыли въ Астрахань и немедленно послали въ погоню за Заруцкимъ стрѣльцовъ и казаковъ въ разныя стороны. 24 Іюня стрѣлецкіе головы Пальчиковъ и Онучинъ настигли бѣглецовъ на Яикѣ въ Медвѣжьѣ городкѣ; осажденные въ этомъ городкѣ казаки 25 Іюня сдались стрѣлецкимъ головамъ и приняли присягу Царю Михаилу Ѳеодоровичу, а «вора Ивашку Заруцкаго и Маришку и сына ея Ивашка» выдали Пальчикову и Онучину. 6 Іюля плѣнныхъ привезли въ Астрахань, а 13 отправили въ Казань; для охраненія Марины съ сыномъ назначено было 600 стрѣльцовъ, а для охраненія Заруцкаго 230. Велѣно

было: «везти Марину съ сыномъ и Ивашка Заруцкаго съ великимъ бережьемъ, скованныхъ, и по станомъ ставиться усторожливо, чтобъ на нихъ воровскіе люди безвѣстно не пришли. А будетъ на нихъ пріидутъ откуды воровскіе люди, а имъ будетъ они въ силу, и противъ ихъ стояти и надъ ними промышляти, сколко милосердый Богъ помоги подаетъ; а будетъ чаяти тѣ воровскіе люди будутъ имъ сильны, и Марину съ в. . . . . .и Ивашка Заруцкаго побити до смерти, чтобы ихъ воры живыхъ не отняли.» (*)

Въ Москвѣ Заруцкій былъ посаженъ на колъ, а сына Марины повѣсили. Объ ея же собственной участи сохранилось только извѣстіе лѣтописца «а Марина умре на Москвѣ.» (**)

Такъ кончилась судьба Марины Мнишекъ, этой необыкновенной женщины, у которой всѣ душевныя силы, вся дѣятельность жизни направлены были къ одной цѣли: возвратиться на Царскій престолъ, на который она посажена была первымъ ея мужемъ, первымъ Лжедимитріемъ, Гришкою Отрепьевымъ. Второй ея мужъ, Тушинской воръ, оставилъ по себѣ тяжелую память въ нашей отечественной исторіи ,а тамъ, гдѣ съ Поляками онъ стоялъ подъ Москвою обширнымъ станомъ, откуда посылалъ грамоты народу Русскому, гдѣ былъ цѣлый городъ, куда пріѣзжали до трехъ тысячь польскихъ купцовъ, гдѣ ликовали Поляки на деньги Русскія—тамъ зеленѣютъ теперь поля крестьянскія, безмолвствуетъ сельская тишина, и бороздитъ спокойно

(*) Акты Истор. Т. 3. № 36.

(**) Лѣтопись о многихъ мятежахъ стр. 285. Никон. лѣт. ч. VIII. стр. 213.

плугъ хлѣбопашца ту землю, гдѣ такъ много пролито крови Русской. Осталась только часть вала, которая окружала станъ *Тушинскаго вора*. Тамъ же на лугу, за Москвой рѣкой, преданіе говоритъ, раскинуты были шатры Литовскіе, и луга сохранили прозваніе «Литвинова луга». Не далеко отъ монастырскаго пруда, на берегу рѣки Всходни противъ возвышенности, гдѣ былъ расположенъ Тушинской лагерь, одинокой, едва зеленѣющій стоитъ старый дубъ; не одно столѣтіе прожилъ онъ, вершина его засохла и какъ бы въ щепахъ, снизу отъ земли широкое дупло проходитъ до самой вершины. Можетъ быть онъ былъ свидѣтель того страшнаго времени, когда около него кипѣли толпы нашихъ враговъ пришельцевъ-Поляковъ, раздавались и пѣсни ликующаго рыцарства, громъ пушекъ, стонъ умирающихъ; подъ тѣнистыми вѣтвями его лилась кровь Русскихъ, а теперь разбитый грозою, полуживой, онъ даже не приноситъ тѣни и пастуху деревенскому; все кругомъ тихо, воображеніе рисуетъ въ туманѣ стѣны, башни Тушинскаго стана, зданія, палатки, предъ глазами являются призраки и Польскихъ рыцарей и русскихъ измѣнниковъ отечеству. сподвижниковъ самозванцу, тутъ и Московскіе люди, бѣжавшіе отъ Шуйскаго, и удалые казаки и весь сбродъ съ Приволжья и Украйны. Жизнь и страсти въ полномъ разгарѣ. Тамъ, за извилистою Москвою рѣкою бѣлокаменная Москва, сердце Россіи, ея могущество, ея сила, на нее вооружились всѣ эти полчища, она сокровище, которымъ постоянно хочется владѣть Полякамъ и поработить землю Русскую. Призраки изчезаютъ. Передъ глазами тоже Тушино и Спасское, но они манятъ глазъ своими зеленѣющими полями и лугами, спокойно живутъ поселяне подъ покровомъ

Божіимъ, подъ защитою законнаго Православнаго Царя-Освободителя и памяти между ними о тушинскомъ ворѣ не осталось. Гора, гдѣ онъ стоялъ и теперь гора Царикова.

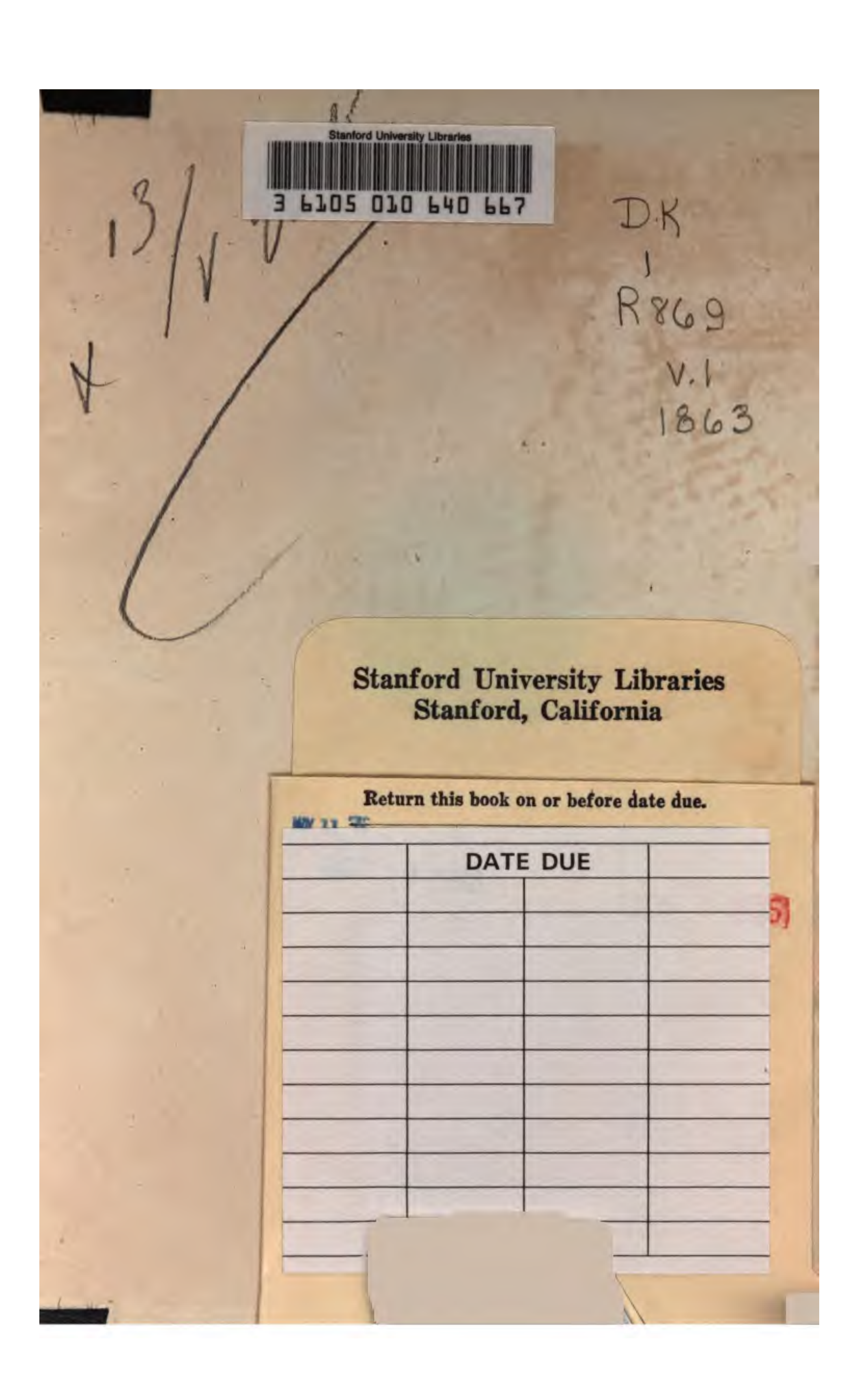
Село Тушино и Спасское до 1764 г. принадлежали Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ, но въ этомъ году при отобраніи монастырскихъ имѣній по всей Россіи въ казну, поступило въ завѣдываніе коллегіи экономіи. Въ настоящее время они состоятъ въ вѣдомствѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія о церкви бывшаго Спасо-Преображенскаго монастыря, въ послѣдствіи приходской села Спасскаго, сообщены намъ А. И. Касаткинымъ. Историческія свѣдѣнія о Тушинскомъ ворѣ извлечены преимущественно изъ Исторіи Россіи Соловьева т. 8., изъ Смутнаго Времени Бутурлина, изъ статьи г. Попова въ Моск. Вѣд. 1857 г., изъ Русскаго Худож. Листка, В. Тимма. 1860 г. и изъ другихъ источниковъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ РУССКИХЪ ДОСТОПАМЯТНОСТЕЙ
въ 1864 году.

Десятымъ выпускомъ оканчивается первый томъ **Русскихъ достопамятиостей.** Въ теченіе 1864 года выйдетъ второй томъ этого изданія, который также, какъ и первый, будетъ состоять изъ десяти выпусковъ съ рисунками при каждомъ. Цѣна каждаго выпуска назначена будетъ на оберткѣ, всѣ же десять выпусковъ стоить будутъ три рубли серебромъ. Приготовлены къ печатанію слѣдующія статьи: Палеостровской монастырь въ Олонецкой губер., соч. *Г. В. Есипова*, Красная площадь въ Москвѣ, соч. *И. М. Снегирева*, Потѣшный дворъ въ Москвѣ, соч. *Г. В. Есипова*, Семейство Соковниныхъ, соч. *П. И. Мельникова*, Цесаревна Анна Петровна соч. *П. Н. Петрова* и другія статьи извѣстныхъ писателей по части Отечественной Исторіи и Древностей

А. Мартыновъ.

Stanford University Libraries
3 6105 010 640 667
DK
1
R869
V.1
1863
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
DATE DUE

